

Александр Шепель

**МАСТЕР
ПРОКУРОРСКОГО
СЫСКА**

Роман

Книга II

КУРЬЕР СМЕРТИ

литера
М
2016

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус) 6.44
Ш 48

Ш 48

Шепель А.Д. Мастер прокурорского сыска: роман. Книга вторая (Курьер смерти). – Рязань: «Литера М», 2016. – 386 с.

Следственная работа Каневского вдохновляла его, а карьерная лестница звала вверх, и он оставался верен занимаемой должности, продолжая расследовать сложные дела с поимкой преступников. Смелость, решительность и вдумчивость, сочетаемые с вооружённым сопротивлением задерживаемых, закаляли его и формировали профессиональный характер прокурорского сыщика, одарённого Богом следователя.

ISBN 978-5-906008-34-3

© Шепель А., 2016
© «Литера М», обложка, 2016

I. След Колуна

После кровавых событий в городе и возле здания Верховного Совета республики начались разборки. Кто-то оказался за решёткой, а кто-то ходил в кандидатах во власть. Меры принимались необдуманно и в большей степени по принципу – лишь бы был человек, а статью в Уголовном кодексе найдём. Под эту гребёнку попал и прокурор города Пономарёв Г.С. Про то, кому он не угодил своей прямоотой и неподкупностью, ведомо было разве что только ему. Профессионал высшего класса, юрист от Бога, человек от народа, с добрым справедливым и принципиальным сердцем, вынужден был уйти из органов прокуратуры, а более тысячи сотрудников, в основном подчинённые, омыли его уход слезами. Первый его заместитель Герасимов С.И. и некоторые другие заместители, а также сотни работников городской и межрайонных прокуратур в знак протеста, направленного властям республики, подали рапорта об уходе. Прокурорская система города оказалась на грани развала, и это как раз в тот момент, когда разгул преступности достиг верхней точки, а вакханалия не только в столице, но и в стране в целом стремительно развивалась.

Видя всё это, высшее руководство, да и сам Пономарёв Г.С., ушедший на работу в Мэрию, сумели остановить назревший процесс.

Прокуратуру города возглавил Герасимов С.И., являющийся поборником законов и сторонником Пономарёва. Исполняющим обязанности Генерального прокурора России был назначен Гайданов О.И., юридически грамотный, принципиальный в равноправии действий закона, невзирая на личности, ранги и занимаемые должности, неподкупный и справедливый. Подавшие рапорта об уходе приостановили свои действия. Прокурорские структуры возвратились к своим обязанностям по надзору за исполнением законности.

В прокуратуре города состоялась коллегия, на повестке дня которой стояли вопросы усиления борьбы с преступностью, активизации профилактики в этом направлении, усилении надзорной работы за законностью во всех сферах и поднятия уровня обеспечения не только деятельности, но и жизни сотрудников прокуратуры. Одними из главных вопросов являлись: эффективность надзора за следствием и дознанием, как в органах внутренних дел, так и в прокуратуре, обоснованность задержания граждан и их содержание в местах основанной на законе изоляции, а также не забывать о чутком отношении к обращениям граждан.

Выполняя решения коллегии, прокурор Головинской прокуратуры Улыбышев Н.А. обратился с проверкой в поднадзорные РОВД. Те, проверяя РОВД «Войковский», обнаружили ряд нарушений законности о задержании граждан и сроках их содержания в изоляторе (ИВС). Одно из таких нарушений относилось к необоснованному задержанию гражданина Кравцова и без документирования содержащегося в дежурной части свыше трёх суток.

Оперуполномоченный уголовного розыска, за которым числился задержанный, пояснил, что тот подозре-

вается как участник банды Колуна, о чём он и сообщил следователю Каневскому, и что сейчас ведётся работа по установлению причастности задержанного к банде.

Фадеева и Третьякова засомневались в правдоподобности пояснения опера, заметив явное нарушение в задержании и содержании, и доложили прокурору.

– Готовьте постановление об освобождении задержанного, возьмите объяснение у опера, доложите начальнику РОВД и разберитесь с его бесконтрольностью, а я свяжусь с Каневским, – сказал Николай Андреевич.

Каневского он нашёл в его служебном кабинете. Тот был удивлён информацией и заявил, что о задержании Кравцова слышит от Улыбышева впервые, но рад обнаруженному следу Колуна, если это подтвердится, и что для беседы с задержанным выезжает немедленно.

Улыбышев чуть позднее позвонил в РОВД и пригласил к телефону Фадееву.

– Марина Александровна, опер вам солгал. Каневский не информирован о задержании Кравцова. Пока вы закончите проверку... к этому времени придет Каневский и возьмёт для беседы Кравцова. По этому факту подготовьте представление в ГУВД о привлечении виновных к административной ответственности, – распорядился прокурор.

– Поняла, Николай Андреевич. Всё сделаю, а утром на оперативке проект представления будет у вас. Кравцова из рук в руки передам Каневскому. После этого мы с Третьяковой выедем в РОВД «Сокол».

– Нет. Туда уже выехал с проверкой Порубай Сергей Иванович, а вы проверьте 86-е РОВД Ельшова Анатолия Михайловича, хотя там всегда порядок... но на всякий случай, а потом 28-е.

– Хорошо. Будет сделано, – машинально посмотрев в окно, Фадеева увидела идущего к входу в РОВД следователя и добавила: – О-о! Николай Андреевич, а вот и Каневский приехал...

Ознакомившись с материалами прокурорской проверки, Борис зашёл к оперу Зуеву, который доставлял Кравцова в РОВД и занимался с ним. На вопрос, – почему тот связывает его задержание с Колуном, ответил:

– Получил негласную информацию о том, что Кравцов связан с разыскиваемым бандитом... «Колуном»... но тот ни в какую... молчит как партизан в гестапо.

– Ну, вы и сравнили! Ладно... Он где? Я с ним тоже побеседую, – сказал Каневский.

– В «обезьяннике»... в дежурке. Вас дожидается. Сегодня он за вами числится, – хитро вставил Зуев.

– За мной будет числиться, если я составлю протокол о задержании, а пока он за вами, Зуев, – ответил Каневский и направился в дежурную комнату.

Тот хихикнул ему вслед, и лишь закрылась дверь, поднял трубку и позвонил дежурному:

– Захарыч, сейчас к тебе подойдёт следователь Каневский... ты там, в крайней графе черкни, что сегодня Кравцов за ними числится.

– Ничего я черкать не буду. Твои кренделя больше покрывать не буду. Я уже выговор за это от Бурого схлопотал. Сейчас следователь с ним поговорит и если не заберёт с собой, то я ему пинка под зад и за пределы отдела. Понял? И ещё... Больше ко мне с такими фокусами не обращайся... Протокол по всей форме... и положенный срок будет находиться при РОВД... А-а, това-

рищ Каневский, заходите... Сейчас открою и забирайте Кравцова... Всё, Зуев... будь здоров и намотай на ус то, что я сказал.

Дежурный вывел Кравцова и открыл свободный кабинет, расположенный рядом с дежурной комнатой, Каневский там и разместился.

– Вы кто? – грубо спросил его Кравцов.

– Следователь прокуратуры.

– Тоже будете бить, как Зуев?

– Я никогда не применяю физическую силу к задержанным и являюсь противником этого... А что... он вас избивал?

– Хэ! Валенком, а в нём гиря... чтобы синяков не осталось. Всё внутри болит, а синяков тью-тью.

– Проверяющим работникам прокуратуры сообщили об этом факте?

– Устно... а письменно отказался. Его турнут из ментовки, а дружки со мной расправятся. Так что лучше помолчать. Здоровее буду.

– Ну и зря...

– Не зря, – перебил Каневского Кравцов. – Что им стоит подбросить мне «дурь» или оружие?! Я уже один раз срок отмотал ни за что. Тоже послушал друзей и накатал на ментов, а они хорошо обучены в части ухода от ответственности, а через месяц негаданно я загремел за решётку.

– Вы один раз судимы?

– Два.

– Второй тоже незаконно?

– Нет. Второй обоснованно. Я был виновен. Возвратившись после первой отсидки, стал искать работу. Не берут. Судимость стала препятствием. Мама больная,

я безденежный, что делать... Вынужденно подломил магазин. Трёшка... и снова «рога мочить»¹.

– С Колуном познакомились в первую или во вторую отсидку?

– И вы за Колуна. Кто это?

– Григорий Ильич, разве я спросил вас о соучастии с ним? Ведь только о знакомстве. Хотя немного побудьте нормальным человеком. Вы ещё молодой, ничего не потеряно... Есть возможность завязать с прошлым и стать нужным обществу, а не гонимым им.

Кравцов молча с минуту смотрел на Каневского. Его за сердце тронуло обращение по имени и отчеству, чего он давно не слышал, а к поганялу² «Гриня» привык и даже забыл своё настоящее имя.

– А я, когда откинулся³, сразу завязал... дал сам себе зарок и уже вот полгода живу на воле, работаю на плодовоощной. Кстати, мент, который меня задерживал во второй раз... устроил меня на работу, за что ему очень признателен. Оказывается, в ментовке тоже хорошие люди бывают.

– Ну, а как насчёт Колуна... Григорий Ильич?

– Без протокола?

– Без.

– Ну, знаю я его. Во вторую отсидку познакомились в хате⁴, а потом на зоне мотали вместе. Он меня и нашёл, а как, ума не приложу. Несколько раз приходил... звал к себе... руководит своим делом, но я-то знаю, ка-

¹ Сидеть в тюрьме – (лагерн. жаргон).

² Кличка – (лагерн. жаргон).

³ Освободился – (лагерн. жаргон).

⁴ Камера – (лагерн. жаргон).

кое это дело. Конечно, отказался, и он отстал, увидев мою больную маму.

– В гриме приходил?

– Я еле его узнал. Наштукатурил харю здорово.

– Где он обитает?

– Чего не знаю, того не знаю. Честно говорю, гражданин начальник.

– Григорий Ильич, зачем вы так? Бросайте совсем эти лагерные замашки и словоблудия. Если решили окончательно завязать, то забудьте этот жаргон. Возвращайтесь к людям, а то, кажется, вы остановились между людьми и зоной. Я Борис Фёдорович, можно просто Борис. По годам вы старше меня на четыре года.

– Вы правы, Борис Фёдорович. Извиняюсь. Теперь за метлой⁵ буду следить. Это последнее моё лагерное выражение... Отвык по-человечески разговаривать.

Каневский засиял улыбкой. Общение с Кравцовым принесло свои результаты, – удалось склонить его в какой-то степени на свою сторону и указать дорогу в человеческое общество.

– Григорий Ильич, последний вопрос, и вы уходите домой... Позволите?

– Валяйте... простите, вот язык, но ничего, я постараюсь... Задавайте свой вопрос. Если ответ касается меня... отвечу честно.

– Если Колун ещё раз попытается завлечь вас в свою бандитскую группу, а на его счету много жизней, отобранных у людей, и ему светит высшая мера наказания.... Вы смогли бы не отказать ему категорично и сообщить мне?

⁵ За языком – (лагерн. жаргон).

Тот задумался, пристально глядя на Каневского, потом опустил голову, разглядывая свои руки, взяв время на небольшое обдумывание, и после с медленной интонацией в голосе ответил:

– Вообще-то стукачом я никогда не был... Я, конечно, негативно отношусь к тому, что творит Колун, но... как с моей стороны всё это будет выглядеть? Предательством?!

– Григорий Ильич, это не предательство и не стукачество, а выполнение долга честного человека, которому судьба людей не безразлична.... Возьмём, к примеру, то, что вы узнали о намерениях Колуна, но не сообщили мне, а он ещё убил нескольких и снова продолжает... Как вы думаете... разве все жертвы будут не на нашей совести? Его надо остановить любыми способами. Убить? Значит сделаться таким, как он. Отправить по закону за решётку – другое и святое дело. После своих кровавых действий он не должен находиться среди людей... его место только в камере. Он же не щадит ни честных порядочных людей, ни таких, как сам. Вы знаете, кто такой Кириллыч?

– Ну-у... да.

– Так был сходняк, на котором он и все присутствующие на нём авторитетные... приняли решение сначала о физической ликвидации Кореня, а после и Колуна, творящего беспредел. Если сомневаетесь в том, что я сейчас сказал... поинтересуйтесь у братвы. Ну так какой ответ будет на мой вопрос?

Кравцов задумался. Освободившийся из мест лишения свободы, он, проанализировав свою незначимую и неосмысленную прежнюю жизнь, решил твёрдо её в корне изменить. Однако визиты Колуна стали наводить

его на мысль, что тот не даст ему исполнить принятое решение. Уходя, при последней встрече он сказал:

– Подумай хорошо, а я ещё наведу как-нибудь... Гриня.

И сейчас, вспомнив эти слова, его пронизательные серые глаза, глубоко вздохнул и решительно ответил:

– Я подумаю. Черкните свой номер телефона.

Каневский, бросив на него быстрый взгляд, внутренне почувствовал, что тот уже решил этот вопрос положительно, оторвав часть листка, написал семизначные цифры.

Пряча бумажку в карман, Кравцов уже не напоминал человека, сунувшего голову в пучину опасности. Его решительное лицо понравилось следователю, он был удовлетворён своей работой.

– Спасибо, Григорий Ильич. Можете идти. Хотя я никакого отношения не имею к милиции, однако приношу свои извинения за задержание и столь длительное содержание за решёткой. Уверен... виновные будут наказаны. Если случится что-либо подобное, найдите возможность и сообщите мне, а я уж, если, конечно, вы будете невиновны, найду пути, как не допустить произвол. Среди работников милиции много замечательных людей... с добрым и чистым сердцем... как говорится, в семье не без урода... Как, между прочим, и в бывшей вашей среде... таких как Колун и Корень хватает... Кстати, последний задушен в камере следственного изолятора... Ну об этом достаточно. Всего вам доброго, Григорий Ильич.

По виду Григория чувствовалось, что последние слова о Корене его задели, и что он не жалеет обо всём сказанном следователю.

– Спасибо... Ну я пошёл?

Каневский кивнул головой, глядя на него, а когда тот ушёл, быстро собрал процессуальные документы и ушёл из РОВД. Он был доволен не только беседой с Кравцовым, но и тем, что шансы Колуна быть неуловимым значительно уменьшились.

II. После визита посла

Преступные группировки в Москве росли как грибы. Правоохранительные органы неустанно боролись с ними и с новообразованиями. Следственные изоляторы были переполнены, многие члены таких группировок погибали при перестрелках с работниками милиции, а в большей степени в войне между собой при выяснении сферы влияния, территориальности действий и подчинения менее слабым. Бандитским пополнением становились не только освободившиеся из мест заключения, но и бывшие спортсмены, вернувшиеся после службы в армии военнослужащие и простая бесхозная молодёжь. В процветающем хаосе страны безработица и незанятость молодёжи становились главной причиной такого явления. Став членами преступных группировок, они погибали не только в междоусобных боях, но и при совершении тяжких преступлений. Кладбища были усеяны свежими могилами и крестами с фамилиями молодых ребят, которые при положительных ветрах в стране могли бы жить, не встав на преступный путь.

Кириллыч, как главный смотрящий над всей Москвой, которому, практически, подчинялись все воры в законе, при росте разношерстных преступных группировок, не смог взять их под свой контроль. Многие оказали ему явное открытое неподчинение и творили бес-

предел. В одну из таких группировок он послал своего представителя. Его принял её лидер, известный в правоохранительных органах под кличкой «Стас».

Смерив вошедшего злым взглядом, он нервно спросил:

– Ты вообще-то кто?

– Посол Кириллыча, – ответил тот, поглядывая то на Стаса, то на двух стоявших за его спиной бойцов.

– Поганяло есть у тебя?

– Хромой...

– Вот и хромой отсюда... колбаской по Малой Спасской. У меня с тобой базара⁶ не будет, – оборвал его Стас.

– Но Кириллыч забивает с тобой стрелку⁷ и хочет обсудить ряд вопросов, касающихся твоей деятельности...

– Что?! – закричал Стас. – Кириллыч?! Он кто такой, чтобы рассматривал мою деятельность?! Чтоб я перед ним отчитывался?! Стрелки не будет.

– Но это решение... сродняк авторитетных воров в законе. Ваха сказал, чтобы тебе напомнить август девяносто первого года... Что это значит, я не знаю. Мне велено... я передал, а дальше тебе, Стас, решать.

– Передай твоему Вахе... пусть катится в свою Группу и там командует, и вообще видал я его в белых тапочках... Понял где?

Стас, выпучив глаза на Хромого, плюнул, плювок упал возле его туфель, и кинул в сторону двоих своих бойцов:

⁶ Разговор – (лагерн. жаргон).

⁷ Встреча – (лагерн. жаргон).

– Уберите его с моих глаз.

Те без разговоров схватили Хромого под руки и повели к выходу. Там один из них ударил его ногой под зад и захлопнул дверь. Стас рвал и метал после визита посла, расхаживая по комнате. Его разозлило то, что сказал Хромой о Вахе.

Два бойца вернулись и стояли у двери, вытянувшись, заложив руки за спину и широко раздвинув ноги. Такая гестаповская поза бойцов Стасу нравилась, и он её всячески поощрял, а исполнители старались ему услужить.

Остановившись перед ними, он посмотрел на одного из них и сквозь зубы процедил:

– Позови-ка, Лиса, мне Бабурю.

Тот исчез так быстро, что казалось, его в комнате и не было. Спустя минуты две важно вошёл Бабуря, исполнявший обязанности начальника безопасности группировки Стаса. Он знал, если уж тот позвал его, значит, будет разговор тет-а-тет, и поэтому, глянув на бойцов, кивнул им головой на дверь. Те мгновенно исчезли.

– Слушаю, Стас.

– Когда ты научишься входить ко мне, как мой человек... как подчинённый, а не как мой начальник? Ходишь, как будто тебе в фуфло⁸ лом засунули, и он дошёл до головы... Заменяю я тебя Лисой.

– Замени. Я такой сроду и другим не стану. Можешь меня совсем прогнать, но на цырлах бегать и пританцовывать не буду, – обидевшись, заявил Бабуря.

– Ты вообще кем раньше был? Помнишь, откуда я тебя забрал? Из этой вонючей кочегарки. Ты вечно в саже и золе спал, а сейчас...

⁸ Зад – (лагерн. жаргон).

– Бабуриным Данилой был, а теперь имя своё потерял и стал благодаря тебе Бабурей. А ты-то далеко от моей кочегарки находился? Начиная на грузовике, а потом на такси пересел и из Стасюка стал Стасом... Если ты так обо мне начал... А между прочим кто тебе дважды жизнь спас?

– Ну ладно, ладно... Терпеть не могу обидчивых. Я вот по какому вопросу тебя позвал... Ваху помнишь?

– Ну-у! Помню.

– Посол был у меня... от Кириллыча... стрелку мне забивали, ну я и послал туда... куда после рождения не возвращаются, а тот сразу Вахой мне пригрозил... мол, Ваха велел напомнить 91-й год. Я помню, тогда эта сволочь грузинская со своей братвой почти всех людей моих перебила. Нас тогда ведь Кириллыч помирил... Что будем делать? Я уже придумал вариант, предложи ты, а я выберу.

Бабуря изучил характер Стаса досконально и знал, что сейчас, как и ранее, тот выслушает предложение, а после ответит, что, мол, и он так же думал.

– Хочешь, мы первыми ударим по Вахе. Ну не будем же мы ждать, пока он наших по одному щелкать будет... Моё такое мнение.

– Во-о! Один в один. И я так думал. Возьми из нашего арсенала всё, что необходимо, и приступи немедленно, но сделай так, чтобы на нас не подумали. У тебя тыква варит хорошо в этих случаях... придумаешь. Хорошо бы Ваху первым, а потом остальных его бойцов... Знать бы, кто из них недоволен Вахой, да к нам переманить... было бы здорово.

– Сколько ты мне времени на всё это отпускаешь?

– Пять дней.

– Хорошо. Думаю, что этого будет достаточно. Начнём прямо сегодня.

Выйдя от Стаса, Бабуря позвал Клима, бывшего сапёра, участника Афганской войны, долго говорил с ним, обсуждая план действий...

Следуя намеченному, тот, взяв радиоуправляемое взрывное устройство на магните, оделся под дворника, приклеил бороду, надел очки и выехал на автомобиле к зданию, куда зачастую приезжал Ваха. Бабуря знал, что в этом доме проживал его брат, и окна квартиры выходили на противоположную сторону от улицы.

На помощь Климу был послан Лиса, который должен в окно квартиры бросить камень с запиской: «Убейся в Грузию! Не то!!!» А внизу нарисовали фашистскую свастику и могилу с крестом. Этим Бабуря пытался отвлечь внимание от группы Стаса и возложить ответственность на националистическое движение. Как только записка окажется в квартире, по звонку брата тут же приедет на своём «Мерседесе» Ваха. Клим сразу же начнёт действовать.

Так и получилось.

После трёхдневной слежки за квартирой и Вахой, влетел в окно камень, который разнёс осколки стекла по всей кухне.

Анзор подошёл к окну и, глянув вниз, увидел спину убегающего, Лисы. Отвязав от камня записку, он прочитал её и сразу же позвонил брату. Ваха не заставил себя ждать и спустя десять минут приехал вместе с тремя бойцами. Двое побежали за дом с целью обследования территории, откуда был брошен камень, одного для охраны Ваха оставил возле машины, а сам поднялся в квартиру.

Клим в это время подметал площадку возле дома и, приблизившись к автомобилю Вахи, изображая глухонемого, на пальцах стал показывать охраннику, чтобы тот продвинул машину на пять метров вперёд, чтобы была возможность подмести мусор. Охранник нехотя сел за руль, и в этот момент Клим успел под бензобак на метле подsunуть взрывное устройство, издав щелчок, оно прикрепилося.

Водитель, проехав метров десять, остановился, а Клим подмёл и медленно удалился к соседнему дому. Там он, встав за куст сирени, оставил метлу, снял очки, убрал бороду, вывернул куртку двухстороннего использования, а потом подошёл к подъезду и сел на скамейку, наблюдая за площадкой, на которой всё ещё стояла та машина. В руке он держал пульт привода взрывного устройства, чтобы в определенное время привести в действие.

Спустя пятнадцать минут, увидев Ваху, выходящим из подъезда, приготовился. Тот подошёл к своим бойцам, что стояли у машины, о чём-то перемолвился с ними, глянул на часы, и все сели в салон автомобиля, который тут же рванул с места. Как только водитель вырулил на улицу, Клим нажал кнопку, раздался оглушительный взрыв, который разнёс машину, пламени огня пожирала её. Все находившиеся в ней погибли. Движущийся по улице поток транспорта стал объезжать горевший автомобиль, а кто-то из водителей остановился и, применяя автомобильный огнетушитель, начал бороться с огнём... но это было бесполезно. Только подъехавшие пожарники смогли пеной остановить огонь.

Клим находился среди зевак и видел, что осталось после взрыва и огня, как работали пожарники, и как

начала свою работу оперативно-следственная бригада. Уходя, он выбросил в траву пульт и, возвратившись к машине, что была оставлена за два квартала, увидел возле него Лису. С ним возвратился на базу.

Доложив Бабуре об исполнении, оба тут же получили денежное вознаграждение и бутылку водки для успокоения нервной системы.

Стас был доволен проделанной работой, расслабился и сам пропустил пару стаканов шведского виски.

Оперативно-следственная бригада, осмотрев место происшествия, констатировала смерть четырёх обгоревших человек, специалисты-медики сразу определили, что их летальный исход наступил не только от воздействия огня, но и от осколочного поражения важных органов тела, специалисты по взрывным устройствам высказались по поводу типа и мощности, следователи изъяли из квартиры брата Вахи брошенную с камнем через окно записку с угрозой. Каневский настоял на осмотре более расширенной площади территории вокруг места происшествия и в траве обнаружил пульт взрывного устройства со следами отпечатков пальцев рук. Работники уголовного розыска с помощью брата Ваха установили личности погибших и принадлежность их к организованной преступной группировке (ОПГ).

Вернувшись с места происшествия, Каневский доложил о результатах осмотра Лапину, а после и прокурору.

– Ваше мнение, Борис Фёдорович, по этому поводу? – спросил прокурор.

– Уверен на девяносто девять процентов, что мы расследуем разборки преступных группировок. Один

процент я отношу к заключению назначенной дактилоскопической экспертизы по исследованию следов пальцев рук на пульте взрывного устройства, обнаруженного в стороне от места происшествия. Эксперт свои доводы сообщит уже сегодня, а отпечатанный текст поступит почтой.

– Как вам удалось обнаружить пульт?

– На месте взрыва автомобиля, Валерий Николаевич, я стал мысленно анализировать окружающую обстановку, вычисляя, где было бы более удобно находиться человеку, нажавшему кнопку пульта. Внимательно осмотрел каждый сантиметр земли... и нашёл.

– А что... вы знали, что ищите?

– Знал. А чему вы удивляетесь?

– Ведь произошёл взрыв... а от чего именно сразу установить трудно.

– Свидетели-очевидцы пояснили, что автомобиль выехал на проезжую часть улицы от жилого дома. Если бы взрывное устройство не было приспособлено к пульта, то автомобиль взорвался бы ещё при запуске двигателя или на первом метре движения. Это означает, что взрывное устройство управляемое и сработает при использовании пульта.

– Ну что сказать... умница. Так держать. Благодаря вашим стараниям мы теперь сможем знать, кого искать.

– Валерий Николаевич, а почему перешли на «вы»?

– Величаю, Борис, величаю... за хорошую работу величаю. Продолжай расследовать. Все необходимые по делу экспертизы назначь как можно побыстрее... не затягивай. А этих, хотя и банда банду громила... надо

найти. Пусть находятся там, где им положено по закону, но не на воле.

– Буду стараться, Валерий Николаевич.

Борис успевал работать до седьмого пота, продолжать учёбу без троек и быть порядочным семьянином.

Тесть – Пётр Степанович, часто беседуя с ним, делился личным опытом, давая по ряду вопросов, возникших в ходе следствия, дельные советы, а Борис мотал на ус и, бывало, использовал их в своей работе.

Розыск Колуна он постоянно держал на первом месте, но получалось не так, как хотелось. А тот, затаившись после нападения на квартиру рыночного бизнесмена, жил всё у той же Насти. Хан за деньги нашёл хирурга, который после ранения Колуна сделал ему операцию прямо в квартире и теперь заботливо выхаживал больного, получая ежедневную плату за свои тайные визиты.

Колун же, находясь в своём далеко нелёгком положении, не отставал от текущей жизни Москвы. Он пристально следил за всеми газетными и теле-новостями, знал о всех разгромленных преступных группировках, и кто из их членов задержан, а кто в перестрелках и разборках убит. Все пробелы и неудачи ОПГ анализировал, детально обдумывал, а когда уже мог передвигаться по комнате, стал подумывать, как сменить жильё. На одном месте он так долго не оставался, и поэтому тревожные состояния мучили его, при каждом стуке вздрагивал, ожидая нежелательного визита милиционеров.

Как-то начертив примерную схему нахождения второй стоянки Кореня, он послал на разведку Хана, но тот бесполезно долго блуждал по лесу и её не нашёл, так ни с чем и возвратился.

– Ладно... Покрепче встану на ноги, сам найду, а тебе на завтра будет другое поручение. Оно связано не только с нашей безопасностью, но и с ростом численности нашей группы, боеспособности, финансового обеспечения и, конечно же, мести за нашего погибшего брата Дуду. Под ногами преследователей... ментов должна гореть земля. Ты готов, Хан, к этому?

– Готов, Колун. С тобой хоть на смерть, – уверенно и твёрдо заявил тот.

За окном висело хмурое чёрное небо, предвещающая грозу.

III. Дуэль

Бездеятельность Стасу была чужда, не мог он сидеть сложа руки или не управляемо плыть по течению жизни. Не успокоившись ликвидацией Вахи и его троих бойцов, стал обдумывать варианты уничтожения остальной части его группировки. Некоторые отпадали сразу, а на других он остановился. Больше всего ему пришлось по душе два варианта: вызвать братву Вахи на стрелку и там ликвидировать, а другой – уничтожение её по одному. Его раздумия прервал вошедший Бабуря:

– Стас, к тебе гость.

– Кто ещё там?

– Снова посол, он от какого-то Колуна.

– Что хочет?

– С тобой побазарить. Со мной говорить не желает. Гордый слишком.

– Позови... посмотрим... и сам зайди, – распорядился Стас, сделав важный вид.

Бабуря вышел и сразу вернулся с посланцем. Тот окинул пронизательным взглядом комнату и самого Стаса, остановился, ожидая приглашения присесть. Но Стас с этим не торопился... ошупав его всего глазами, спросил:

– Кто таков и с чем пожаловал?

– Моё погоняло Хан. К тебе, Стас, прислал Колун с конкретным предложением, – ответил тот.

– Что-то вы все зачастили с предложениями... Ваха, теперь Колун. Кто вообще-то он? Не слышал о нём раньше...

– Лидер наш... Как и ты, – ответил Хан и сразу спросил: – Так значит в отношении Вахи... твоя работа?

Стас на вопрос не ответил, лишь злыми глазами посмотрел на пришедшего. В его голове мелькнула мысль: «Если у твоего Колуна будет такое же предложение, как у Вахи, то его ожидает такая же участь».

– Так какое же предложение Колуна? – спросил он.

– Объединиться и жить совместно.

– Под чьим же флагом?

Хан решил подсластить пилюлю, чтобы Стас проглотил её целиком и, не раздумывая, ответил:

– Хочешь под нашим, а нет, – мы согласны и под твоим. Колун башковитый. Его разработки помогли нам всем крепко встать на ноги в материальном и финансовом смыслах, умеет ускользать от ментов...

– Какие его дела? – оборвал Хана Стас.

– Дела? Инкассаторы, фуры на автотрассах, пост ГАИ и ряд ментов, – преувеличивая, перечислил факты из рассказа Колуна и добавил: – Рынок на Речном вокзале, один торговый магнат... ну и так далее. Об этом ты должен был слышать по телеящику.

Стас понимал, что объединение с другими преступно настроенными группировками может быть чревато серьезными последствиями. Лидер той группировки, которая входила в состав основной, в любом случае будет подсиживать с тем, чтобы самому взять власть в свои руки, а тот со своей стороны будет стараться любым способом избавиться от руководителя вошедшей, а его бойцов оставить под своим началом.

Такая тайная война неизбежна. На подобное рассчитывал и Колун. Что же касается Стаса, то он, боясь потери своего статуса, размышлял с явными сомнениями о необходимости предложенного родства. В этот момент ему хотелось узнать об истинных намерениях Колуна, и он подыскивал слова, которые позволили начать разговор об этом с послом. Мешало ему принять правильное решение и отсутствие полной осведомлённости о группировке Колуна. У Стаса был эксцентрический характер, и его причуды могли привести к самому невероятному решению.

После перечисленных Ханом «доблестей» группы Стас встал, выпрямился, высоко поднял голову, приняв внушительный вид, и почти безразлично произнёс:

– Доводилось слышать... как-то, но менты в своей хронике многое преувеличивают.

– Я не мент, и преувеличивать для меня нет смысла, – обиженным тоном ответил Хан. – Моё дело передать поручение шефа. Не хотите... не надо. Извините за беспокойство. До свидания, – и он шагнул к выходу.

– Постой... ретивый, – остановил его Стас. – А почему сам Колун не пришёл? Такие вопросы через послов не решаются.

– Я же не просил вашего решения сейчас, а лишь озвучил тему для размышления, а вы должны сказать: надо или не надо вам встречаться, – разъяснил деловито Хан.

Стас, почесав затылок, глянул вопросительно на Бабурю, а тот, неуверенно пожав плечами, видя его нерешительность, произнёс:

– Надо подумать, – а потом ещё раз глянув на Бабурю, дополнил своим распоряжением: – Дай ему наш

номер телефона, пусть Колун нам позвонит через пару дней. В положительном случае... мы встретимся и обмозгуем этот крайне важный вопрос. Для тебя, Хан, понятны мои слова?

– Безусловно. До свидания, – ответил тот и сопровождаемый Бабурой вышел.

По его возвращению Колун, выслушав о результатах поездки, с минуту подумал и, не глядя на Хана, тихо проронил, скривив лицо от подступившей боли:

– Посмотрим. Время покажет... хотя оно не властно над нами, – а потом, подняв глаза и остановив взгляд на нём, дополнил: – Ты понаведайся на вокзалы, вдруг кого из нашей зоны увидишь... загляни в спортивные клубы... спортсменов надо привлечь... да и военнослужащих отставников. Все они в это смутное время босые и голодные. Для их приобщения к нашему курению у нас сейчас есть финансовая возможность... Ну, а в процессе деятельности восстановим все затраты и расходы.

– Согласен, – ответил Хан, хотя ему не так уж хотелось расставаться со своим денежным накоплением.

– И не забывай о следоках... Каневском и Лапине, о которых я тебе рассказывал... Давай так... На днях решим всё со Стасом, и сразу же займёшься одним из них.

– Замётано. А со Стасом что ты решил?

– Ликвидировать и забрать его бойцов. Слишком уж у него развита самонадеянность, а с такими нам не по пути. А вот я ему прямо сейчас и позвоню.

Колун достал клочок бумаги, на котором был записан телефон Стаса, и набрал номер. После четвёртого гудка взяли трубку, и он первым начал разговор:

– С кем говорить собираюсь?

– Стас я, а ты кто? – ответил грубый мужской голос.

Хан сразу же узнал голос, отчетливо прозвучавший в динамике, и в подтверждение закивал головой, глядя на Колуна.

– Колун я, Стас. Здравствуй!

– И тебе не хворать. Я слушаю, Колун.

– Я к тебе своего человечка посылал... по теме, которую он тебе озвучил, предлагая встретиться. Как смотришь?

– Не возражаю, только место, дату и время я назначу. Согласен?

– Без проблем. Можно послезавтра или позже. Слушаю, решай, Стас.

– Завтра в семь утра на поляне Ховринской лесопосадки. Она там одна, продолговатая в сторону МКАДа, который проходит рядом. Нет возражений?

– До встречи, Стас.

Положив трубку, Колун посмотрел на Хана, а тот, скривив губы и сделав недовольный вид, промолвил:

– Хитёр, сволочь. Назначает так, чтобы на подготовку времени не было, и там, откуда можно быстро улизнуть... в случае чего.

– Ты вот что... завтра оденешь плащ, а под ним должен быть «калаш», готовый к стрельбе... и зорко смотри за всеми его бойцами. Я слышал, что Стас непредсказуемый. Не известно, что он задумал. На месте будь в пять утра. Замаскируйся так, чтобы тебя никто не обнаружил, и выйдешь тогда, когда я позову. Завтра у нас будет решающий день.

Хан выслушал все наставления и пошёл готовиться к возможной схватке. Колун тоже не сидел сложа руки. Один пистолет он приспособил в рукаве и так, что при малейшем движении руки и при первом желании он

вылетал и оказывался в кисти. Второй пристроил к ноге в районе нижней трети голени. Граната висела под курткой сзади на поясе. Почти всю ночь он не спал, размышляя как себя вести во время встречи со Стасом.

С вечера Хан угнал для него зелёную «шестёрку», и Колун на ней приехал в назначенное место ровно в семь часов утра. В это же время на двух автомобилях с братвой прибыл и Стас. Выйдя из салона, он удивлённо окинул взглядом Колуна, его машину и осмотрелся во круг, лишь потом вместо приветствия спросил:

– Ты что, Колун, без бойцов прибыл на стрелку?

– Как видишь, Стас. А чего мне бояться?! Я тебе ничего не должен, и ты мне тоже. Побазарим и разойдёмся, если не найдём точки сближения.

– А бодягу⁹ всё-таки припас?!

– Ты же тоже, Стас.

– Так, что хочешь мне сказать, Колун?

– То, что сказал тебе мой посол. У тебя время было достаточно, чтобы обдумать. Я жду от тебя слова.

– Ты готов быть среди моих бойцов?

– Может, начнёшь с заместителя, Стас?

– А у меня таких должностей нет. Я сам все вопросы решаю. Все остальные люди – мои бойцы. А ты что, брезгуешь? Ведь ты, насколько я осведомлён, подснежный вор¹⁰ ... сам себя объявивший. Не так ли? – с поддёвкой съязвил тот.

Бойцы Стаса в недоумении смотрели на своего лидера, заметив, что он с первой минуты встречи нега-

тивно настроен против Колуна и старается его оскорбить, унижить и отвергнуть.

– Как и ты, Стас. Но я себя вором в законе не объявлял, к твоему сведению, а вот ты да. Меня мои ко-реша... бойцы мои... лидером избрали, а вот ты как им стал, я хотел бы знать... прежде чем принять единственно правильное решение.

Эти слова Стаса вывели из равновесия. Он заскрипел зубами, глаза стали выходить из орбит.

– Базара больше не будет... И решения тебе не придётся принимать. Не нужен ты нам. Садись на свой драндулет и кати отсюда, – с угрозой в голосе заявил он и сунул руку в карман, где находился пистолет.

Колун его движение заметил и по тому, как был оттопырен карман, понял, что он не пуст.

– Стас, ты чего разошёлся? Мы ведь встретились, а ты сразу в пузырь полез. Разве я оскорбил тебя?.. Уж не говоря о твоём отношении ко мне. Если ты против объединения, так скажи прямо... и мы разошлись без оскорблений. На тебе свет клином не сошёлся... Объединюсь с другим.

– Ни с кем ты не объединишься! – выкрикнул Стас и выхватил пистолет, который направил в сторону Колуна.

Послышался щелчок, который тот услышал и резко выкинул руку вперёд, после чего в ней появился пистолет. Раздался выстрел, и Стас с дыркой во лбу рухнул на землю. Братва Стаса схватилась за оружие. В этот момент как из-под земли появился Хан с автоматом на перевес.

– Не стрелять! – крикнул Колун, жестикуюлируя руками, подавая команду не только Хану, но и другим

⁹ Пистолет – (лагерн. жаргон).

¹⁰ Лжевор – (лагерн. жаргон).

бойцам якобы укрывшимся по сторонам. – Не стрелять. Я поговорю с братвой Стаса.

Те стали крутить головами по сторонам, стараясь увидеть бойцов Колуна, которых там не было и, не зная, что это всего лишь его инсценировка, всё же опустили оружие.

Колун спрятал в рукав пистолет, приблизился к ним и продолжил:

– Вы были свидетелями того, что не я первым достал пистолет, а ваш лидер. Оказалось, что прежде чем нажать на спусковой крючок, надо дослать патрон из магазина в патронник... он забыл. Но наша дуэль была честной только с моей стороны. Если бы пистолет Стаса был наготове, то здесь бы лежал я, а не он. Братва... я выражаю сожаление, что так получилось. Шёл к вам только с благими намерениями... предлагаю вам влиться в моё общество, денежное довольствие будет значительно больше, чем вы получали у Стаса. Я вас не тороплю. Подумайте, а через пару дней Хан навестит вас, и вы скажете ему о своём решении.

Колун повернулся и пошёл к автомобилю. За ним последовал Хан. Братва Стаса замерла и тупо смотрела им вслед. Больше ни одного выстрела не прозвучало.

Хан отвёз Колуна к дому Насти, и тот поднялся в квартиру, наказав вернуть машину на то место, откуда взял, и вернуться к нему.

На следующий день Хан побывал на «Казанском» и «Курском» вокзалах, а также в нескольких боксёрских клубах. Результат оказался неплохим. В условленное место для беседы с Колуном он привёл семь человек, из которых тот отобрал пятерых, которым сразу же для

более прочного вовлечения выдал денежные пособия, обозначив их как подъёмные с возвратом, как он заявил: «Когда карман кандидатов будут оттягивать по три тысячи баксов». Двоих отчисленных Хану было велено взять на особый контроль, а на следующий день трупы этих парней были обнаружены в районе сквера на «Войковской». Это Колун объяснил вынужденной мерой в целях обеспечения безопасности, исключая донос в «ментовские» уши о наборе новичков.

Спустя ещё день Хан, выполняя указание Колуна, позвонил братве Стаса, и те попросили встречу. Колун не поехал из-за очередной врачебной перевязки, а послал Хана. Тот в условленное место привёл девять бойцов Стаса, которые изъявили желание встать под руку Колуна и присягнуть ему на верность. На эту встречу явился и Колун. Обведя взглядом их решительные лица и коротко побеседовав с каждым, он понял, что они чётко и безотказно будут выполнять его приказы, а поэтому сразу распорядился выдать и им такие же «подъёмные», как и предыдущим. Хан исполнил указание безоговорочно, но стискивал зубы, когда выдавал часть денег из своего накопления. Получив денежные суммы, бойцы оживились, на лицах заиграли улыбки, а Колун в напутствие сказал:

– Братва! Дуэль со Стасом забыли. С этого момента живём так, как будто мы все вместе родились от одной матери... одной семьёй. Объявляю строжайший сухой закон... Никакого пьянства!.. Мои указания выполнять чётко и в срок. Каждую добычу будем делить так – тридцать процентов в общаг на экстренные нужды, двадцать получаю я, а остальные пятьдесят всем поровну. Есть возражения? Не стесняйтесь. Высказывайте своё

мнение, потому как изменения после принятия решения не будет.

– Согласны с твоим предложением, шеф! – Загудели бойцы.

– Тогда считаем... принято. Всем отдыхать до завтра. В девять ноль-ноль всем быть на этом месте. Напоминаю в последний раз... спиртное под запретом. Бабура и Хан, останьтесь.

Все разошлись, кроме двух озвученных.

Колун поручил Бабуре командование прибывшими с ним бойцами, а Хану теми, которых тот ранее привёл. Место расположения каждой группы держалось в секрете между ними.

IV. Очередное покушение

Утром Каневский, завтракая, торопился, как будто у него прямо сейчас отберут еду. Поскольку в тот день он был дежурным по графику следователем, его уже с начала дня преследовало предчувствие вызова на место происшествия.

– Борь... не торопись, кушай спокойно. Еда должна усваиваться и приносить пользу, а не камнем падать в желудок, – сказала Даша, заходя в кухню, поддерживая левой рукой низ живота, уж заканчивался седьмой месяц беременности. Её утиная походка умиляла родных.

– С восьми часов утра началось моё суточное дежурство... родненькая. Боюсь, не дадут позавтракать...

– Я уже твою работу изучила досконально... Найдут тебя, где бы ты ни был... и позвонят, и приедут, – сказала она, обворожительно улыбаясь и нежно глядя буйные волосы на его голове. – Кушай, любимый, спокойно. Мы с Димочкой хотим, чтобы наш папочка был здоров.

Борис опустил вилку с ломтиком «докторской» колбасы, вопросительно посмотрел на жену.

– Да, да... с Димочкой. Мысль о таком имени неожиданно пришла в голову, а язык озвучил. Наверное, Бог этого хотел. Ты не возражаешь?

– Нет, конечно. Дашенька. Я согласен. Красивое имя, и рад, что оно уже есть у моего сыночка.

Борис встал и нежно обнял жену, поцеловал в милые губы.

Беременность Дашу сделала ещё привлекательней. Её полнота умело скрывалась под широким платьем, а лицо всегда благоухало притягательной свежестью и неопикуемой красотой.

– Кушай, родной, а то, и правда, вдруг позвонят, и тебе надо будет бежать...

Он сел и продолжил завтракать. Чувствуя себя в полной оперативной готовности, казалось, что он и спал с открытыми глазами, уверенно контролируя всё происходящее. Как только взялся за кружку с чаем, раздался телефонный звонок.

– Вот и накаркала, – сказала Даша, поднимая трубку, но, услышав голос представившегося дежурным районного отдела милиции, дала Борису. – Тебя.

Тот выслушал сообщение об обнаружении трупов молодых парней и о выезде за ним спецавтомобиля с оперативно-следственной группой, быстро сделал два глотка чая и встал.

– Побегал, милая, – произнёс он, целуя жену.

Просияв растроганной улыбкой, она смотрела в его глаза... сердце почему-то бешено заколотилось, стало как-то беспокойно и тревожно.

– Борь... будь осторожен. Не забывай, что мы с Димочкой у тебя есть, – она с любовью трогательно поцеловала мужа и, прижав ладони к щекам, стояла, наблюдая, как он поспешно собирается.

«Господи! Да что это со мной сегодня?» – пронеслось в её голове, она ощутила лёгкую дрожь в теле, тревога непонятным образом усиливалась. Её состояние передалось Борису. Глянув на жену, он спросил:

– Ты чего, родная? Как на фронт провожаешь. Успокойся, милая, любимая... осмотр места происшествия... только и всего... Пока, моё солнышко... Нет. Мои солнышки.

Он схватил оперативную сумку, поцеловал родные пухлые губы и пулей кинулся из квартиры. Она стояла с раскрытым ртом и слышала стук его каблучков по лестничному маршу. Закрыв дверь, Даша кинулась к окну и увидела, как боковая дверь спецавтомобиля открылась, и Борис заскочил в салон. Ещё мгновение... и на площадке перед домом стало пусто.

– Я спокойна, я спокойна, я совершенно спокойна... – шептала она, расхаживая по комнате. – Господи! Я обращаюсь к тебе с надеждой... Возьми моего Бориса под свою опеку и защиту.

– Ты чего, доченька? – спросила вышедшая из спальни Нина Фёдоровна. – Тебе нельзя так расстраиваться. Успокойся. Поругались?.. Непохоже... Что случилось?

– Предчувствие дурацкое, мама. Не могу от него избавиться. Борис выехал на место происшествия, а я вот... Отчего бы это?

– Успокойся, доченька. Внучонка нашего береги, а Боря... он у нас Богом обласкан. Так сказала твоя бабушка Прасковья Нестеровна... Она у нас знахарка ещё какая. Вот посмотришь... всё обойдётся.

– Мама, а ты разве за папу никогда не волновалась? Он ведь тоже по молодости на живой и опасной должности был... бандитов ловил.

– Поначалу да, а потом бабушка успокоила, мол, до восьмидесяти жив-здоров твой Петька будет. И как это она всё это видит?

Даша постепенно стала успокаиваться.

Борис тем временем прибыл со всей группой на место происшествия. В группе работников находился и Лапин. Своё присутствие он объяснил двойным убийством, совершённым неизвестными при помощи огнестрельного нарезного оружия, хотя он постоянно выезжал на осмотр, связанный с тяжкими преступлениями не только по причине их тяжести, но и из-за того, что следователи были слишком молодые и малоопытные, как и Каневский. Но больше всего он надеялся на него, зарекомендовавшего себя думающим, энергичным, внимательным и настойчивым.

Каневский побеседовал с мужчиной, обнаружившим трупы, который заявил, что постоянно совершает по утрам пробежку, а последние три дня находился в командировке и только в это утро бежал здесь и обнаружил расстрелянных.

Эксперт при осмотре трупов заявил, что давность наступления смерти соответствует пояснениям следователя. У троих убитых документов при них не было, поэтому пришлось на дактокарту откатывать их пальцы рук.

Осмотр места происшествия, как не старался Каневский, ничего существенного, что могло стать ниточкой, за которую можно сразу потянуть и выйти на след стрелявших, не дал. Тем не менее, он обнаружил след автомобиля и следы волочения каждого убитого, начинающиеся в трёх метрах от слабо видимого следа протектора шин, и уже хотел было завершить работу и уехать, однако внутреннее чутьё не пускало его, поэтому он принялся детально и пристально осматривать повторно территорию вокруг места обнаружения трупов в радиусе тридцати метров.

За его действиями зорко следил Лапин, у которого невольно возникло ощущение, что это безнадёжно. Рядом с Лапиным находился стажёр, утром присланный из управления кадров. В осмотре места происшествия участия он не принимал, но когда Каневский начал повторно, то он находился всё время рядом с ним. Было похоже, что действия следователя его очень заинтересовали. Борис шаг за шагом медленно продвигался по кругу полосой осмотра в пределах метра. После третьего круга он приблизился к следам волочения, и тут в траве обнаружил чёрную пуговицу от рукава куртки. Изъяв её и задокументировав, он продвинулся дальше метра на три.

– Оп-па! – радостно вскрикнул он, привставая.

– Что там? – спросил удивлённый Лапин и поспешил к Каневскому.

– Стрелянная гильза, – сказал тот и резко присел.

В этот момент стажёр, стоявший слева от Бориса, вскрикнул и упал. Когда подбежали к нему, то он стонал и жалобно смотрел на окружающих.

– Снайпер! – крикнул криминалист, отчего все упали на землю.

Лапин, Каневский и два опера, вытащив пистолеты, стали всматриваться вблизи находящиеся объекты.

– Слуховое окно на крыше вон того дома, – сказал один из оперов, указывая на дом, который был ближе всех, после чего поднялся и, петляя, побежал к дому, за ним пустился и второй.

Лапин, находившийся возле стажёра, лёжа осмотрел его. Пуля угодила в правое плечо, и он корчился от боли. Тут же подполз судебный медик, начав оказывать помощь раненому:

– Ничего, парень, жить будешь. Сквозное ранение... жизненно важные органы не задеты.

Когда голова опера высунулась из слухового окна, и он показал винтовку с глушителем, то тут Каневский, Лапин, криминалист и судебный медик встали. Поднялся, скривившись от боли, и стажёр. Лапин пристально стал смотреть то на Каневского, то на стажёра, который ростом был выше того на голову.

– А ну-ка, Борис, встать там, где ты стоял, когда сообщил нам о стреляной гильзе.

Тот выполнил его просьбу, немного недоумевая, о чём идёт речь. Лапин посмотрел в сторону расположения слухового окна, а потом на стажёра и продолжил:

– Сейчас, Юра, отвезём тебя в больницу, а пока встань там, где ты стоял, когда почувствовал удар пули в плечо.

– Вот здесь, – сказал тот и оказался рядом с Каневским, почти у самого его левого плеча.

Лапин обошёл их, поглядывая на слуховое окно, а потом, подойдя к Каневскому, поставил руку на уровне его виска, глянув на рану стажера, и заключил:

– Боря, пуля предназначалась тебе. Бог тебя в очередной раз спас, заставив резко присесть, тем самым пуля угодила в плечо Юрию.

Внимательно следившие за экспериментом Лапина судебный медик и криминалист подтвердили его заключение.

– Извини, брат, – обратился Борис к стажёру, протягивая руку. – Из-за меня ты пострадал.

Тот скривился от боли, подал левую руку, потому как правая плетью висела, и слабеющим голосом промолвил:

– Ничего. Значит боевое крещение прошёл в первый же день своей стажировки.

– Кому же ты так насолил, Боря? – спросил Лапин.

– Колун, наверно, напомнил о себе... Так я о нём не забыл... да и не забуду до тех пор, пока он не будет за решёткой. А ты тоже, Сергей Валерьевич, поберегись. Колун злопамятный. Небось, смотрел телепередачу, когда ты давал интервью о нём же. Интересно, а где ты был в момент выстрела? – вдруг спросил он.

– За машиной на камне сидел, – ответил Лапин и посмотрел на то место, затем на слуховое окно, и дополнил: – Он меня не видел. Автомобиль закрывал меня.

Борис закивал головой, а потом продолжил осмотр. Спустя несколько минут он нашёл и вторую стреляную гильзу, что крайне удивило Лапина.

Тут же откуда ни возьмись появилась машина с надписью «ПРЕССА».

Увидев выпорхнувших из салона, как птицы из гнезда, оператора и корреспондента, Лапин тихо выругавшись, заметил:

– Только их здесь и не хватало, – но почти сразу изменил своё мнение: – А что? Это даже к лучшему. Я сейчас через них передам привет Колуну.

Оператор находку приготовил свою камеру и начал снимать, но его остановил Лапин:

– Стоп, ребята. Выключите камеру. Привыкайте к порядку. Анархия и махновщина не годятся. Спросить сначала надо... Согласны ли мы мелькать на экране?

Корреспондент поднял руку, и оператор выключил камеру, а потом обратился к Лапину с просьбой позволить начать съёмку, а так же дать ему интервью.

– Это другое дело. А то примчались и с ходу требуют внимание к себе, – глядя на стажёра, спросил, одновременно рукой показывая жест корреспонденту, мол, секундочку: – Юра, ты потерпишь ещё пять минут или в больницу?

– Потерплю, Сергей Валерьевич.

– Ранен наш работник, – пояснил тот съёмочной группе. – Вам три минуты, и мы уезжаем. А если хотите, поехали с нами...

– Нет. Лучше здесь. Мы уложимся, – ответил корреспондент, показывая жестом оператору начинать.

Лапин пояснил причину выезда оперативно-следственной группы, коротко рассказал о трупах, а в заключение сказал:

– До покушения на жизнь следователя, производившего осмотр места происшествия, мы считали, что убийство молодых парней совершили неизвестные, а после покушения на нашего сотрудника теперь знаем, кто это сделал, и кого нам разыскивать. Это Иванов Игорь, кличка – Колун, ранее неоднократно судим. Он же, а вообще-то не буду называть кто «он же». Пусть он трясётся при предъявлении подложного документа. Мы уже знаем кто «он же». Грим, который он использует, не спасёт его. На совести этого человека, если его можно так назвать, не одна и не пять жизней людей. Не долго ему осталось скрываться. На сегодняшний день мы располагаем и другими сведениями, которые позволят определить за решётку этого Колуна в самое ближайшее время.

Закончив интервью, Лапин со своей группой сели в автомобиль и выехали в больницу. На месте остался судебный медик и участковый уполномоченный мили-

ции, чтобы передать трупы работникам морга для доставки на судебно-медицинское исследование.

А в это время Даша, сидевшая у телевизора, увидела экстренный выпуск новостей, услышала, что неизвестный расстрелял двух граждан, при осмотре места происшествия ранил одного из следователей. Вскочив с места, она заметалась по квартире, не зная, что делать. Стала звонить Борису, а потом Лапину, но никто не отвечал. Тогда, поискав в записной книжке Бориса и найдя телефон прокурора, позвонила ему. Но тот попросил её успокоиться, поясняя, что он тоже осведомлён о новостях и посоветовал дожидаться возвращения оперативно-следственной группы или её звонка.

– Как только будет у меня полная и достоверная информация, вы, Дарья Петровна, будете проинформированы в первую очередь, – пообещал Валерий Николаевич.

Даша поблагодарила его, положила трубку. По щекам неудержимо покатались крупные, с горошину, слёзы. Не прошло и пяти минут, как раздался звонок телефона, что показался громче обычного.

– Алло! – сквозь слёзы ответила Даша.

– Дашенька, это я. Не волнуйся...

– Боренька, родной мой, любимый, – перебила она его. – Ты ранен? Я чувствовала, сердцем чувствовала, когда ты уходил. Где ты сейчас?

– На работе.

– Как на работе? А...

– Ранен стажёр... Юра. Дашенька, успокойся. Я в порядке. Жив, здоров, – пытался успокоить её. Как только прокурор выслушал доклад о результатах

осмотра и ранении стажёра, то приказал Каневскому незамедлительно позвонить жене.

– Я тебе перезвоню, – сказала она и, положив трубку, стала набирать номер его телефона, не доверяя сказанному.

– Убедилась?! – ответил Борис. – Ах, ты, моя любимая, неверующая Фома. Спасибо тебе, родная, за беспокойство... за переживания и прошу тебя... успокойся. Тебе нельзя расстраиваться. Слышишь? Ты что, плачешь?

– Вместе с Димочкой плачем, – и Даша сквозь слёзы рассмеялась, а потом спросила: – А как получилось, что стажёра ранили?

– Дома расскажу. Так ты разве не интервью Лапина смотрела?

– Нет. Новости... экстренные. Там сказали, что съёмочная группа выехала на место. Значит, ещё покажут.

– Наверное... в очередном выпуске. Ладно, любимая. Приступаю к составлению постановлений о назначении ряда экспертиз. К возвращению с места происшествия Лапина я должен всё сделать.

– Как? Разве он не с тобой вернулся?

– Со мной, но взял Мишу Машетова и выехал на место, из которого стрелок ранил стажёра, оставив там винтовку. Всё. Пока. До вечера, моё солнышко.

Борис, положив трубку, принялся за постановление о назначении судебно-медицинского исследования трупов, а когда закончил, глянул на часы. «Операция должна закончиться», – подумал он и набрал номер телефона врача, который записал при доставлении Юрия. После третьего гудка ему ответили:

– Максим Васильевич?

– Слушаю...

– Каневский из прокуратуры... Как там наш раненый? Закончилась ваша работа с ним?

– Наша работа закончится тогда, когда больной будет отпущен на работу. А ваш коллега сейчас спит после наркоза. Рана сквозная... Произведена ревизия раны... продезинфицирована, наложены швы. Состояние больного стабильное. Жизни ничто не угрожает. Через денёк можно навестить его.

– Спасибо, доктор.

На следующий день из городской прокуратуры прибыли два работника следственного управления производить служебную проверку по факту ранения стажёра. После её окончания Борис проведаль Юрия. Тот не потерял оптимизма, был весел и разговорчив, но, несмотря на это, врач ограничил посещение, и Борису пришлось вернуться на своё рабочее место. Там его уже ожидал прокурор управления генеральной прокуратуры, который пожелал ознакомиться с уголовными делами в отношении Колуна.

Лапин предупредил, что проверяющий является креатурой Генерального прокурора, а поэтому не только ухо, но и язык надо держать на особом контроле.

Закончился рабочий день, Борис вышел из прокуратуры и подошёл к автобусной остановке. Вдруг его внимание привлек запах одеколона «Красная Москва». Окинув взглядом ожидающих, он быстро вычислил, что запах исходит от бородатого и усатого мужчины. Приглядевшись, он ахнул: «Колун», – промелькнуло в его голове, и сердце радостно заколотилось.

– Ваши документы, гражданин! – потребовал он, предъявляя своё служебное удостоверение.

– А в чём дело? – грубо ответил тот. – С собой не ношу.

Каневский в мгновение ока скрутил его и обыскал. Документов действительно не оказалось. Гражданин от такой прыти опешил и что-то невпопад стал бормотать. Глянув на его усы и бороду, Борис потянул их, но владелец от боли закричал. Видя, что ошибся, Каневский долго извинялся, но пострадавший извинения не принимал и угрожал жалобой начальству. Следователю пришлось рассказать о причине такого поведения, и только тогда мужчина рассмеялся, махнул рукой и уехал на подошедшем автобусе.

V. Ход конём

Просмотрев очередное интервью Лапина, Колун расвирепел не на шутку. Он метался по комнате, кого-то обзывая идиотами, лодырями, дармоедами, долбанями, а вдобавок и нецензурными словами. Хан и Бабуря, ждавшие у стола, не могли понять, кому именно адресованы вылетающие из Колуна оскорбительные слова. Как только тот малость утихомирился, Хан спросил:

– Шеф, а ты на кого полкана спустил? На следаков? Или...

Тот выпучил глаза, полные злости, смерил обоих с ног до головы и выпалил:

– Следаки молодцы. Видели, как быстро вычислили того, кто наехал на них?! А мои возмущения к вам обоим относятся. Разве нельзя было подкинуть им отвлекающий от нас предмет? Надо же немного и головой шурупить, а не по-солдафонски исполнять указания. Заставь дурака Богу молиться... он и лоб разобьёт. Эх-х! – выдавил из себя Колун и опустился в кресло.

– Но я-то причём? – возмутился Хан, разводя руки в стороны. – Исполнял не я.

– Вам обоим я поручил хорошо продумать выход на место нахождения ликвидированного нами балласта. И что? Ты, Хан, палец о палец не стукнул, а Бабуря... как по течению поплыл. Стрелять не научился. Вот скажи, как ты угодил в этого пацана вместо Каневского? И Ла-

пина ты не видел? Я тебя накажу... обоих накажу материально, а тебя, Бабуря, построже.

– Разобраться надо, а потом наказывать, – обиделся тот. – У меня палец постоянно на спусковом крючке был. Получилось так, что одновременно я нажал на него, а объект присел. Пуля и угодила в стоявшего за ним стажёра. Следующего выстрела не получилось... Патрон заклинило. Где тут моя вина?

Предпоследние слова о патроне были ложью, на самом деле патрон был в патроннике, а Бабуря больше не стрелял только потому, что увидел бежавших к нему оперов. Спасая свою шкуру, пустился наутёк.

– Как я понял из телеящика... ты промахнулся, целясь в Каневского, а второго разве не видел?

– Видел. Но он маячил... туда-сюда, а потом исчез за автомобилем, а тот стоял на месте. Ну, получилось так, шеф. Бог его спас, а не я. В следующий раз не промахнусь.

– Следующий раз? А вот с завтрашнего дня вы оба попасите Лапина. Уж слишком смело он угрожал нам по телеку... Думаю, лучше всего в его же подъезде замочить. Насколько я осведомлён, он приезжает домой на разных машинах. Так вот... один в подъезде будет поджидать, а другой с улицы подстраховывать. Об отвлекающем моменте от нашей братвы не забудьте. Кивните на другие группировки, но по разумному.

Утром следующего дня Лапин встал как обычно, бодро собираясь на службу, не зная и не чувствуя, что за ним неустанно и пристально следят четыре глаза. Присутствовало чувство спокойствия, не было ощущения опасности, на работе порою отпускал лёгкие шутки.

А Бабуре и Хану три дня подряд сопутствовала неудача.

Лапин, возвращаясь с работы домой, в подъезд заходил не один, а поднимался в квартиру по разным причинам то с Каневским, то с Машетовым, то с Кирилиным, тоже следователем прокуратуры.

Бабуря уже было начал подумывать, как бы бросить гранату в окно квартиры, однако сомневался в попадании.

На четвёртый день Колун снова занервничал. Он вспомнил из интервью Лапина слова о якобы известном ему местонахождении Колуна и его группы. Во всяком случае, он его слова понял именно так. Поэтому поразмыслив, сразу с утра предупредил Настю, что завтра с бойцами уйдёт в лес, а о месте своего нахождения сообщит ей чуть позже. Ей же он поручил закупить на всех, на всякий случай, тёплую одежду, обувь и постельное бельё, только не белого цвета, чтобы не так часто приходилось стирать. После этого Колун, взяв с собой Хана, направился сразу же утром на поиски базы в лесах Подмосковья, а Бабуре велел взять любого, но надёжного бойца, с которым продолжит исполнение поручения в отношении устранения Лапина.

Лапин же в этот день находился на коллегии прокуратуры города, где отчитывался о раскрываемости тяжких преступлений и качестве расследования уголовных дел, а по возвращении изучал дневные наработки по расследуемым уголовным делам следователями Каневским, Машетовым, Кирилиным и Полянским. По причине болезни прокурора, Лапин, как исполняющий его обязанности в соответствии с приказом прокурора города, заслушал работу старших помощников по уголовно-судебному, общему и надзору по делам несовершеннолетних, а закончив рабочий день, зашёл в кабинет Каневского,

который заканчивал подшивать оконченное расследованием уголовное дело, что утром следующего дня ляжет на стол для ознакомления адвокатом и его подзащитным.

– У тебя в производстве ещё шесть дел, из которых два крайне сложные. Ты их завтра прямо с утра занеси мне для изучения... Я имею ввиду только два сложных, – сказал Лапин, присаживаясь на стул.

– Будет исполнено, Сергей Валерьевич, – ответил Каневский, похлопывая ладонями по подшитому толстому делу.

– Какие у тебя сегодня планы на вечер?

– Дело в сейф и домой. А что?

– Поехали. Я выйду первым, а тебя водитель ответит... куда скажешь.

– Я готов и благодарен, Сергей Валерьевич. Успею со своей жёнушкой в кино сходить.

– Позвони... пусть собирается, а водитель вас доставит.

– Не надо. Это рядом с нашим жилищем.

– Всё? Тогда поехали. По пути заедем в ресторан. Я там заказал торт. Выкуплю и домой. Сегодня день нашего с женой знакомства. О-о! Только вот дело за цветами... Ну, там, рядом есть цветочный киоск.

Шум улицы сразу заполнил всё кругом. Запах отработанного бензина висел в воздухе, время от времени изредка слышались нетерпеливые сигналы водителей. Торт для Лапина был уже готов. Он, выбежав из ресторана с круглой коробкой, не пряча деньги, кинулся к цветочному киоску. Спустя три минуты уже усаживался на заднее сидение рядом с Каневским. Положив букет белых хризантем у заднего стекла, а коробку с тортом себе на колени, скомандовал:

– Кузьмич, поехали.

Сорокалетний водитель был крепким и здоровым, любящим свою «ласточку», так он ласково называл служебный автомобиль «Волгу», который всегда держал в исключительной чистоте и исправности, но Кузьмич обладал одним недостатком – был заядлый молчун, но дело своё знал. И сейчас он просто молча кивнул головой, включил рычаг скорости и аккуратно выехал в уличный поток транспорта.

Лапин и Каневский, по принципу: там, где два юриста – бытует три мнения, – вели разговор о тактике осмотра мест происшествия и методике составления протоколов, спорили по некоторым моментам. Каневский доказывал, что следователь, осматривающий место происшествия, не должен отвлекаться писаниной протокола, а сосредоточить всё своё внимание на обнаружении самых мельчайших предметов, которые могут служить объектами доказательств вины лица, совершившего преступление. Протокол же, по его мнению, должен писать под диктовку следователь либо его помощник, которых, к сожалению, в штате не предусмотрено, либо, в крайнем случае, ещё один следователь.

Лапин частично соглашался с ним. Однако ссылаясь на следственную практику, годами подтверждающую только тот метод, который существует. В споре хоть и рождается истина, но к какому-либо результату не привела. Услышав скрип тормозов, Лапин, глянув через боковое стекло, произнёс:

– О-о! Вот я и дома. Ну пока, Борь... До завтра. Привет Даше.

Схватив свой портфель, коробку с тортом, помахав Кузьмичу, он пошёл быстрой походной в подъезд. Каневский, вспомнив о букете, обратился к водителю:

– Кузьмич, минуточку. Лапин букет забыл.

Схватив его, он побежал к подъезду. Ни он, ни Лапин не знали, что на подоконнике второго этажа сидел Бабуря с пистолетом в кармане, а на лавочке под деревьями притаился его сообщник Ступа – выходец из группировки Стаса. Как только автомобиль, в котором ехал Лапин, стал подъезжать к дому, Ступа бейсболку повернул козырьком назад, что являлось сигналом для Бабури. Тот приготовил пистолет в ожидании Лапина.

Войдя в подъезд, Лапин, открыв почтовый ящик, забрал почту и стал медленно подниматься по лестничному маршу, нагнув голову и, разглядывая поступившие бланки из жилищно-коммунального хозяйства, не смотрел, что впереди. Ему навстречу на цыпочках вышел Бабуря с пистолетом в руке. В этот момент резко открылась дверь подъезда и вбежал Каневский.

– Сергей Ва...

Он дальше не договорил, увидев человека с пистолетом, направленным на Лапина, а оттолкнул того в сторону, и сразу же прогремел выстрел. Каневский выхватил пистолет. Прогремело ещё два выстрела одновременно. Бабуря рухнул на лестничный марш за мертво. Ошибка его была в том, что увидев вбежавшего, а потом выхватившего у него пистолет, он на какой-то миг растерялся, и это стоило ему жизни. Его второй выстрел был направлен на Каневского, – пулевое ранение головы, при котором сорвало кожу теменной области. Кровь хлынула ему на лицо. В это время Ступа, услышав выстрелы, выхватил пистолет и побежал к подъезду. Его увидел Кузьмич. Открыв багажник

и схватив монтировку, он кинулся за ним. Когда же дверь распахнулась, и в проёме показался Ступа с пистолетом, Каневский выстрелил в него, а подоспевший Кузьмич с силой приложил к его голове ещё и монтировку. Опешивший на время Лапин быстро пришёл в себя и бросился на помощь Каневскому, лицо которого всё было залито кровью.

– Кузьмич, бери Бориса с той стороны и быстрее в квартиру. Надо кровь остановить.

– Я сам дойду, – и закрыв рану рукой, пошёл, поднимаясь по лестничному маршу.

Жена Лапина, увидев окровавленного Каневского, в панике не знала, что делать, с чего начать и что предпринять. Она металась из комнаты в комнату. Видя это, Борис спросил:

– Водка есть?

Из холодильника она достала бутылку «Столичной» и протянула ему. Подойдя к раковине, он залил рану водкой, крепко стиснув зубы, ощущая нестерпимую боль. После этого сложил в три ряда бинт и закрыл рану. Лапин в это время вызвал «скорую» и доложил дежурному городской прокуратуры о происшедшем.

Карета «скорой помощи» прибыла первой. Врач, молодая, худенькая девушка лет двадцати пяти, осмотрев Бориса, покачала головой и сказала:

– В рубашке родились. Чуть ниже на миллиметр и... уже не надо было спасать. Рана длиною восемь сантиметров... Надо зашивать. Так что собирайтесь. Вас не тошнит? Голова не кружится?

– Есть немного, – ответил тот.

– Понятно. Это может быть от потери крови... и от болевого удара пули... Ну поехали, там разберутся.

В это время вошла медсестра и сообщила, что пострадавший от огнестрельного ранения и черепно-мозговой травмы, который лежит возле входной двери подъезда, подаёт признаки жизни. Врач заторопилась, забрала Каневского, велела погрузить второго, а после этого с воем автомобиль «скорой» умчался.

Перед уходом из квартиры Борис умолял Лапина и его супругу не сообщать Даше о случившемся.

Спустя пять минут после отъезда «скорой» прибыла оперативно-следственная группа, а следом и съёмочная группа телевидения. Осмотрев место происшествия и отправив труп Бабури в морг, следователь сначала возмутился мешающими действиями телегруппы, а потом спросил Лапина:

- Стрелявший знаком вам?
- Впервые видел, – ответил тот.
- А второго?
- Тоже. Каневский однозначно жизнь мне спас...

Пулю нашли?

– Нашли... обе, – а потом, глянув на Кузьмича, следователь объявил: – Без монтировки останетесь. Мы её изъяли.

– Изъяли... – недовольно буркнул тот, а потом его язык развязался: – В милиции водители в форме и при оружии, а у нас... вольнонаёмные... с монтировкой... стыд и позор для органов. Было бы у меня оружие, я бы остановил этого бандита ещё до входа в подъезд. Хорошо, что Каневский успел, а если бы не успел? Ещё два трупа было бы. Ха... вижу, бежит к подъезду и пистолет в руке, ну-у... я и...

– Мы вас допросим, – остановил его следователь, а потом повернулся к Лапину и произнёс: – Завтра утром оба ко мне.

Как только уехала оперативно-следственная группа, корреспондент и оператор попытались проникнуть в квартиру Лапина и взять у него интервью, но тот перед самым их носом захлопнул дверь, и те, воспользовавшись неточными пояснениями зевак, уехали.

Лапин, не находя себе места, ходил из комнаты в комнату. Жена попыталась его успокоить, однако он ещё сильнее расстраивался, несколько раз порываясь позвонить Даше, а потом, глянув на сидевшего на стуле Кузьмича, заявил:

– Поднимайся, Кузьмич... поедem к Борису. Узнаем, как он там, а потом... нет... и там с ним решим звонить или не звонить. Она ведь беременна... расстроится и... В общем, поехали.

– Серёжа, я никак не пойму. Бандит стрелял в тебя, а потом в Бориса. Слепой что ли? – поинтересовалась жена, идя за мужем к двери.

– Получилось как в шахматах... Ход конём... буквой «Г». Потом расскажу и поймёшь, – на ходу ответил он, закрывая за собой дверь.

Спустя двадцать минут он уже шёл по коридорам 67-й больницы, поправляя белоснежный отутюженный халат. Медсестра приёмного покоя уверенно, слегка быстрым шагом вела его к дежурному врачу. Тусклый свет коридорного освещения успокаивал, а специфический запах лекарств и прочего больничного назойливо лезли в нос.

Вот и «ординаторская», за одним из трёх столов сидел врач лет пятидесяти. Лапин представился, объяснил цель своего появления в лечебном учреждении в вечернее время, не предусмотренное для посещений,

и попросил сообщить о состоянии Каневского, а также позволить пятиминутное посещение.

– Рентген показал, что удар пули всё-таки был. Однако трещин черепной коробки... Бог милывал. Рана обработана, наложены швы, местный наркоз прошёл быстро, а теперь больной надоедливо клянчит отпустить домой. Идём. Поговорите с ним, что более чем желательно ему следует побыть у нас хотя бы день-другой, – пояснил врач и, поднявшись, направился из кабинета к нужной палате.

Лапин последовал за ним, высказывая слова благодарности за своего сотрудника и спасителя. В палате Каневского не оказалось, и врач, сделав удивлённые глаза, произнёс:

– Может в туалете?

– Нет, – произнёс больной с соседней койки. – Он совсем ушёл. Оделся и ушёл.

– Как? А одежду где взял? – спросил врач.

– Медсестра принесла. Он уговорил её... сказал на пять минут одежда ему нужна... Ищет какой-то важный документ. Она за дверь, а он в один миг оделся и через окно по пожарной лестнице вниз. Я закрывал за ним окно, видел, как он встал на землю, вышел за ворота, остановил попутку и уехал. А вам передал, что благодарен за помощь, просил его извинить, но ему крайне нужно домой.

– Как же так. Охрана ведь едет. Прокуратура города распорядилась охранять Каневского и того бандита, – сказал врач, разводя руки в стороны.

– У него жена беременна, доктор, – пояснил в защиту друга Лапин. – Не хочет, чтобы волновалась. А охрана пусть стережёт бандита. Да-а, кстати, как он?

– Состояние тяжёлое. Операция прошла успешно. Он в реанимации.

– А как бы мне его одежду посмотреть?

– Идёмте... распоряджусь. А Каневскому в истории болезни запишу отказ от лечения и самовольный уход из больницы.

Осмотрев одежду Ступы, Лапин нашёл в карманах несколько патронов от пистолета «ТТ», записную книжку с перечнем имён телефонов и адресов, а также две тысячи рублей. Составив с участием понятых протокол изъятия, он уехал домой.

Не успел войти в квартиру после того, как отпустил Кузьмича, как тут же зазвонил телефон. Подняв трубку, Лапин услышал голос Каневского:

– Сергей Валерьевич, мы с Дашенькой сердечно поздравляем тебя и Юлечку с вашим семейным праздником. Радости, счастья и всего самого хорошего... в ваш дом, – сказал он, как ни в чём не бывало.

– Ты чего сбежал из больницы? Я сейчас только оттуда. Немедленно возвратись, а за поздравление спасибо, за спасение особенное.

– Не за что, Сергей Валерьевич. А мы вот с Дашенькой за ужином... Не верит, что я кожу снёс об сучок. Я уже ей чем только не клялся... еле убедил. Тяжелый случай... когда тебе не верят. Правда же?

– Если ты не выполнишь моё указание, я тебе... не знаю, что сделаю. Сам позвоню Даше и расскажу обо всём.

– Хорошо, Сергей Валерьевич... завтра с утра буду у вас в кабинете... И дело тоже? Хорошо. Ну, всего вам доброго и хорошего вечера, – завуалировано для Даши сказал Борис.

– Уже ночь на дворе. Глаза разуй. Борис, ты чего мелешь. Я с тобой не шучу. Взгрею по заднее число. В больницу сейчас же.

– Да, да... Пока. Передам обязательно... и она вам передаёт, – ответил тот и положил трубку.

Лапин, глядя на жену, опустил трубку на рычаг и промолвил:

– Вот стервец... лапшу на уши Даше вешает, а та думает, и вправду, он от сучка пострадал.

– Да и ты такой же врун. Никогда правду не скажешь, а она всё равно не сегодня, так завтра вылезет. Завтра фотокарточку Бориса принеси мне, – произнесла она.

– А тебе зачем она?

– Увеличу до портрета и повешу на самое святое место в нашей квартире... в знак искренней благодарности за спасение тебя, Серёженька.

– Спасибо тебе, голубушка. Я с ним вместе сфотографируюсь. Согласна?

– Было бы здорово.

Они ещё долго обсуждали всё это, говорили о Борисе, о Даше и приняли решение на следующие выходные пригласить их в гости.

Рано утром, когда Борис ещё крепко спал, Даша, включив на кухне телевизор на самую малую громкость, готовила завтрак. И тут начался утренний выпуск новостей. Когда дошло до криминальной темы, она услышала обо всём, что произошло в подъезде дома Лапина, и о том, что Борис был ранен. Она подошла к постели, села рядом и долго смотрела в бледное лицо Бориса. Даша догадалась, почему он лгал ей, и словно её душевная теплота, возникшие чувства пере-

живания и беспокойства передались ему, он открыл глаза, на лице засияла улыбка.

– Доброе утро, любимая, – ласково произнёс и, прижав её к себе, нежно поцеловал.

Даша обратила внимание, что под его глазами начинают образовываться обширные синюшные пятна.

– Вставай, Боря. Поедем в больницу.

– Зачем? – он не догадывался о разоблачении.

– Хватит мне врать. Я всё знаю. Только что прослушала новости.

Борис сел, обнял жену, целый час убеждал её, что не нуждается уже в медицинских услугах, что чувствует себя хорошо, что повреждение на голове не более чем царапина. И уж если бы ему грозила малейшая опасность, то врачи непустили бы его из больницы.

Наконец-то Даша сдалась, поверив ему. А он окрылённый успехом уже мчался к Лапину.

Тот тоже встретил его без хлеба и соли. Отчитал, как самого последнего нарушителя, а когда успокоился, то уже с ним вместе изучили записную книжку Ступы, сделали ряд звонков по телефонам, записанным в ней, и поняли, что нападение было совершено по инициативе Стаса, о гибели которого ещё не было известно. После этого Лапин, Каневский и Кузьмич поехали к следователю, а заодно доставили ему изъятую записную книжку Ступы.

Вся обстановка свидетельствовала о том, что тучи сгущаются как над работниками прокуратуры, так и над преступными группировками, особенно над той, лидером которой стал Колун.

VI. «Чёрная кошка»

Облюбовав полупригодный для проживания лесной деревянный домик, Колун решил привести его в полный порядок и перебраться с частью бойцов, не имеющих своего жилья в городе. Всех держать в лесу, как это делал Корень, он не хотел, да и забот, считал, станет меньше.

Оставшись в домике, отправил Хана за бойцами, которые скоро будут лесными жителями, выполняющими ремонтные работы, Колун, чтобы не бездельничать, принялся обследовать окружающую территорию. За три дня пребывания, после ухода Хана, он досконально изучил всю прилегающую местность и даже подобрал место запасного варианта для проживания. А в другой стороне от него, где-то в пяти километрах, обнаружил широкую и длинную поляну, на которой велось дачное строительство.

– Материалы для ремонта домика возьмём здесь, незаметно, понемногу от каждого домика, – сам себе сказал он, глядя на доски, рейки, стропила и прочие стройматериалы, лежавшие на каждом участке.

К вечеру четвёртого дня Хан привёл пять бойцов, нагруженных рюкзаками, мешками, сумками, в которых находилась одежда, обувь, всё постельное, туалетные принадлежности, плотницкие инструменты, скобы, гвозди, вода в банках, продукты питания и другое необходимое.

– Это всё вы на себе тащили? – с удивлением спросил Колун у Хана.

– Нет, конечно. На двух тачках, шеф. Их мы спрятали в надёжном месте, замаскировали... в двух километрах отсюда.

– Молодцы, – похвалил Колун. – Полчаса вам всем на отдых и пойдём за стройматериалами. Кто из вас строитель... плотник?

– Я, – ответил Лиса, – и Бут тоже.

– Тогда вам и карты в руки. Посмотрите, что в наше жилище надо... из стройматериалов, конечно, то и возьмёте. Только брать надо понемногу с каждого участка... Будет незаметно, и частники или дачники не заподозрят убыль. Ну, отдыхайте. Выходим через полчаса.

Хан несколько раз порывался сказать Колуну о гибели Бабури и тяжёлом ранении Ступы, но подходящего момента не находил. А тут он сам навёл Хана на эту тему.

– Как там остальные? Бабуре наказал держать всех в руках? Попустим, будет полный разброд. Да-а! А почему ничего не говоришь о результатах...

– Расстраивать не хотел, – оборвал его Хан. – Нет Бабури, шеф. Да считай и Ступы тоже. Жизнь его под вопросом.

– Как? – повысив голос, вскочил Колун. – А ну-ка давай поподробнее.

Хан доложил ему всё до мелочей. Колун молча заходил туда-сюда, заложив руки за спину, о чём-то думая, а потом, остановившись, глядя в глаза Хану, произнёс:

– Пока Ступа будет жить... мы в опасности.

– А что он может сказать ментам... если пойдёт в сознанию? То, что мы есть? Так те и без него об этом знают. А где мы сейчас, ему неизвестно.

– Ерундово ты мыслишь, Хан. Во-первых, он слышал мои слова, когда я говорил о необходимости перебраться в лес, а во-вторых... скажет и об объединении с группой Стаса... Назовёт всех нас по именам, а также то, что мы уже успели сделать и что планируем... Он в таком состоянии, что можно сказать на 99 процентов... расколётся. Нужна зачистка... Следы свои надо зачищать. Кого пошлём? – Колун уставился на Хана.

Тот, поразмыслив, ответил:

– Я пойду. Оденусь под медработника и...

– Ты здесь нужен. Не забывай, нас только двое, а остальные с другим сознанием и иным отношением к нам. Подумай, кого послать, и это надо сделать прямо сейчас... до нашего ухода к дачам.

– Карася... Он в армии санитаром служил. Стреляет... белке в глаз попадёт. Позвать?

Колун кивнул головой, и Хан подозвал Карася. Стройный, худой, выше среднего роста, он мог смахивать на врача, если ещё оденет маску. А сейчас он был похож на отшельника, сидел уединенно в стороне, о чём-то задумавшись. Это, конечно, Колуну не понравилось. Однако поговорив с ним, обнаружил нескрываемую решительность и безжалостность. Он сразу понял, что от него хотят.

– Сделаешь? – спросил под конец разговора Колун.

– Как два пальца... Войти в больницу, приблизиться к объекту, избавиться от охраны и достигнуть цели... проблем нет, – ответил, не задумываясь, Карась.

– Помощник нужен?

– Чтобы только мешал? Сам справлюсь.

– Тогда прямо сейчас и выходи. Дорогу найдёшь туда и обратно? К темноте успеешь?.. Нет, так не годится. Пока ты доберёшься, утро наступит. Отправь его на тачке, Хан. Это будет более надёжнее.

Хан позвал Власа, что будет вести машину, проинструктировал его, и они отправились в город, а с остальными Колун совершил вылазку на дачные участки.

Карась и Влас между собой были малознакомы. Оба пришли к Колуну с разных направлений, – Карась от Стаса, а Влас из боксёрского клуба.

Весь путь они ехали молча, не проронив ни одного слова, и уже при подъезде к больнице Карась промолвил:

– Здесь останови, а сам стань вон за тем домом. Двигатель не глуши. Постараюсь не долго.

О цели приезда к больнице Влас не знал ничего. Ему было велено только крутить баранку. Карась тихо закрыл за собой дверцу и растаял в темноте.

Подойдя к приёмному покою, он стал высматривать, где бы раздобыть халат и повязку на лицо. Кругом стояла угнетающая тишина, лишь из отдалённой улицы периодически слабо доносился гул автотранспорта. Заглянув в окно приёмного покоя, он увидел склонившуюся над бумагами девушку в белом халате. Вешалка, стоявшая в углу, была пуста. «Идиотство. Там ведь должны висеть халаты», – подумал Карась, и в этот момент входная дверь открылась, на крыльцо вышел мужчина в белом халате, маске и белом овальном колпаке. Опустив маску, освободив рот, он достал сигарету, а потом стал рыться в карманах. Карась подошёл, чиркнув колёсиком зажигалки. Мужчина в знак

благодарности кивнул головой, слегка пригнул её, чтобы прикурить... Резкий удар рукояткой пистолета... и мужчина, уронив сигарету, упал на основание крыльца. Карась подхватил его, взвалил себе на плечи, отнёс в кусты у забора, после чего возвратился в белом халате, маске и колпаке.

Идя по коридору, он встретил женщину, одетую в цветастый халат.

– Простите, больная, – остановил он её. – Я новенький... Не подскажете, где реанимационное отделение?

– На втором этаже в конце коридора, – сообщила она, не останавливаясь.

Карась поднялся по лестнице на второй этаж. Ему навстречу из боковой палаты вышла медсестра с подносом, на котором лежали разные препараты.

– Владимир Иванович, – обратилась она к Карасю, считая, что он врач, но тот не замедляя шаг, пошёл дальше. – Через часок навестите нас?

Он в знак согласия закивал головой, видя впереди сидящего на стуле возле двери палаты сержанта милиции. Проходя мимо, Карась произнёс:

– Сестричка передала, чтобы вы срочно позвонили своему начальнику.

Сержант вскочил, глянул налево-направо, затем спросил:

– А городской телефон у вас где?

– Только в кабинете главного и на первом этаже в приёмном покое.

– Спасибо вам, – и сержант устремился к лестнице, ведущей на первый этаж.

Как только сержант скрылся за дверью, Карась вернулся, вошёл в палату и, прищурив глаза в тусклом

свете, осмотрелся. Увидев вошедшего неизвестного врача, медсестра реанимации кинулась к нему.

– Доктор, сюда нельзя! Сейчас же выйдите, не то...

Она не договорила... Карась ударил её по голове рукояткой пистолета, медсестра упала, он же кинулся к Ступе, лежавшем на койке подключенным к аппаратуре. Подойдя, увидел, как в него упёрлись его серые глаза.

– Прости, братан, – произнёс Карась и выстрелил тому в голову.

Спрятав пистолет, он кинулся из палаты. Коридор по-прежнему был пуст. Проходя мимо открытых дверей приёмного покоя, увидел, как сержант любезничал с медсестрой, а та звонко заливалась смехом. Прскользнув незамеченным, Карась снял халат, маску и колпак, бросил их рядом с врачом, который начал шевелиться, а сам быстрым шагом устремился к ожидавшему Владу.

– Всё. На базу, – сказал он, садясь в машину и обращившись в сторону больницы.

В это время там поднялась паника. Медсестра приёмного покоя и сержант, увидев вошедшего, еле державшегося на ногах окровавленного врача, в ужасе бросились к нему и стали оказывать помощь.

– В милицию звоните, – слабым голосом произнёс врач.

Сержант же, вспомнив об охраняемом, пулей метнулся в реанимационное отделение, а там – мёртвый его подопечный и медсестра лежит без чувств. Не зная, что делать и как поступить, он вернулся в приёмный покой, где уже находились медсестры из других отделений. Услышав сообщение сержанта, медсестры бро-

сились в реанимацию, одна из них осталась, оказывая помощь врачу. Сержант, тем временем, доложил дежурному РОВД, получил кучу оскорблений и стал ожидать приезда оперативно-следственной группы.

В то время, когда она прибыла и приступила к осмотру места происшествия и допросу свидетелей, Карась уже спокойно докладывал Колуну об исполнении поручения.

– Ну чего скажешь?.. Умно, разумно и чётко всё сделано. Молодец. Отдыхай, – похвалил его тот.

Рано утром, лишь начало светать, Колун поднял всех и повторно повёл на дачные участки за строительными материалами.

Когда возвратились, по-лёгкому позавтракав, все занялись устройством двухъярусных нар и приведением в порядок помещений.

К вечеру Колун, оставив Хана за старшего, с Власом возвратился в Москву. Настя доложила ему все городские новости. Он узнал, что после нападения на Лапина и ранения Каневского, следствие пошло по ложному пути. Шли упорные поиски преступной группировки Стаса. Эта же версия отрабатывалась и по убийству Ступы в больнице, а также причинению телесных повреждений врачу и медсестре. Колун был крайне доволен и с лёгкостью вздохнул.

– А твой хозяин как? – спросил он Настю.

– После того, что случилось... он носа не показывает на рынке. Назначил управляющего директора, а сам, насколько я верю слухам, укатил на Кипр.

Колун задумался. Настя, глядя на него, подумала, что он что-то снова замышляет против хозяина, но ошиблась.

– Настюха, – обратился он к ней. – Нам жратву надо где-то добыть. На вашем рынке я видел многие контейнеры жратвой торгуют. Какие самые уязвимые?

– Вот мой... крайний к ограде, помнишь ты как-то подходил ко мне... и куртку мерил?

– Ну-у.

– Так вот рядом справа. Товаров, каких душа желает, полный... И на один замок закрыт... на ночь.

– А ключ можешь раздобыть?

– Легко. Во время работы, Стела, продавец, навесной замок с ключами оставляет в петле... и они находятся от меня на расстоянии вытянутой руки. Я смогу сделать оттиск. Замок простой и ключ тоже. Машину можно поставить за оградой, в которой сплошные дыры. Перенесут твои архаровцы весь товар за один миг.

– А охрана как?

– Пьют по-чёрному. Да и сидят-то они чёрты где... А после полуночи их уже не разбудишь.

– Ты Хана моего знаешь?

– Ну, конечно.

– Завтра он к обеденному перерыву подойдёт к тебе. Дашь ему оттиски и покажешь этот контейнер. Успеешь?

– Постараюсь. А если надо будет тряпьё... можете мой контейнер долбануть... только после нового поступления товаров... там будут тёплая осенняя и зимняя одежда, а также обувь.

– А матрасы, подушки, одеяла?..

– Фу-у, такого добра вон через дорогу. Из моего окна общага видна. Иди, покажу.

Подойдя к окну, Настя указала на боковую дверь общежития и сообщила, что она ведёт в склад комен-

данта, где находятся все постельные принадлежности.

– Отлично, – Колун довольно улыбался.

В квартире Насти он не только чувствовал, но и вёл себя как хозяин. В его просьбах и общении уверенно звучала нота приказного, повелительного характера. А она этому способствовала. Оставшись у неё на ночлег, он завёл будильник на пять часов утра... Когда зазвенел, быстро собрался и тихо, чтобы не разбудить Настю, ушёл к Власу, который посапывал на заднем сиденье автомобиля.

Научившись многому у Кореня, Колун установил в группировке жёсткую дисциплину. За каждую провинность наказывал рублём или долларом, в зависимости какие финансы находились в его распоряжении, за повторность привязывал на сутки к дереву, а вода и еда в этом случае исключались. За двурушничество расстреливал, а за чёткое и результативное выполнение поручений, выразившихся в его личных приказах, двукратно поощрял денежно. Члены группировки замечали не только его абсолютную власть над собой, но и заботу в обеспечении улучшения быта, снабжении продовольствием и промышленными товарами. Разделив свою группировку на две части и дислоцируя их в городе и лесу, он планово подходил к их действию. Засиживаться не давал. Ввёл сухой закон. Старался подстраховывать в выходе на «дело» одну группу другой.

Возвратившись на базу, Колун сразу же вызвал к себе Хана, которого озадачил навестить Настю, взять у неё оттиски ключа, срочно изготовить его и в наступающую ночь вывезти из контейнера необходимое продовольствие. Для отвлечения охраны на период ра-

боты группы Хана он задействовал бойцов группы, находящейся постоянно в городе, руководимых Грубым. Одновременно с действиями этой группы, вторая под началом Афганца должна осуществлять работу в общежитии. Трое бойцов пытаются пройти в общежитие, вызывая недовольство дежурных и этим отвлекая их, а трое проникают в склад коменданта, загружают автомобили постельными принадлежностями и средствами гигиены.

С этим заданием Хан с бойцами на трёх машинах выехали в город. Перед выездом Колун наказал ему:

– Передашь Грубому, чтобы завтра к двум часам был здесь. Понял?

– Будет сделано, шеф.

– И ещё... после себя в контейнере оставьте печатными буквами записку: «Привет от конкурентов»... Да левой рукой калякайте. Пусть ищут их. А Грубый такую же свинью ментам подложит, оставив записку: «Благодарность от бомжей города». Все должны работать в перчатках. Вопросы есть?

– Всё понял, шеф.

– Тогда ступай. Удачи вам всем.

После отъезда группы Хана Колун велел оставшимся копать погреб для хранения продуктов питания. К вечеру он, размером 3х3 и глубиной 2,40 был готов с накатом толстых жердей и слоем земли и дёрна. Внутри полки были изготовлены из тонких жердей и из этого же материала лестница для спуска.

К четырём часам утра на базу возвратились груженные автомобили. Продукты заняли своё место в погребке, а всё постельное бойцы разобрали и уложили на деревянные нары.

- Как всё прошло? – спросил Колун Хана.
- Как ты, шеф, и планировал... Отлично, – ответил тот с довольной улыбкой на лице.
- А в общаге?
- И там тоже.
- Грубому сказал о явке?
- К двум будет здесь. Да-а, шеф... помимо продуктов привезли спиртное... есть и импортное, но я думаю, что всё оно палёное.
- Зачем тогда брали?
- Для дезинфекции пойдёт... руки протереть, царапины залить и прочее...

Под словом «царапины» Хан имел ввиду раны, если такие у кого будут, но смягчил.

К двум часам дня Грубый прибыл с двумя бойцами и привёз с собой канистру с керосином, металлическую посуду, два жбана и три керосиновые лампы.

– За это спасибо, а вот за то, что ты припёр с собой двух бойцов, я тебя накажу. Я сказал тебе прибыть, а не им. Немножко и голову включать надо, – отчитывал его Колун.

– Шеф, это самые надёжные пацаны. Я специально их взял с собой. Они будут поддерживать с тобой постоянную связь... Везить информацию, то, что ты и братва пожелаете... получать твои указания. Осип и Карявый до корней волос преданные нашему делу, – успокоил его тот.

– Ну ладно... Смотри мне... не облажайся. Если здесь появятся менты... я вас всех троих кончу. А тебя вот зачем вызвал... Общак надо пополнять. Жизнь движется, расходы умножаются. Подбери два денежных объекта на расстоянии трёх-четырёх километров друг от друга,

на которые нападём вместе. Ты со своими на один, к примеру, в семнадцать часов, а Хан на второй... на час позже, но в один и тот же день. Менты выедут на место после твоего ухода, а на второй им надо будет готовить вторую оперативно-следственную группу, что, конечно, делается нескоро, и бойцы Хана в спокойном режиме могут ретироваться. Два дня тебе хватит на подбор объектов?

– Один уже есть на примете, а второй надо посмотреть... Нет, шеф, два дня маловато. Надо же произвести полную разведку объектов. Дня четыре надо. Когда всё будет готово, я приеду и обсудим.

– Ну, хорошо. Четыре так четыре. Значит жду тебя в среду... в это же время.

– Да, шеф.

– Ступай. Да-а, погоди... Забыл тебя спросить... Что в городе слышно? Сам знаешь, о чём я.

– Ореховскую братву трясут по-чёрному... Солнцевскую тоже. За братвой Деда начали менты охотиться. Очень беспокойно. Многие группировки отказались от преступных действий и взяли курс на занятие только бизнесом, но им не дают жить по-новому. Некоторые вынуждено возвращаются к старому.

– Ну, а как жить при таком отношении. Вот и мы с Сычём, царство ему небесное... откинулись, помотались в поисках работы... Везде отказ. А потом пришлось за свою старую профессию браться. Мы не грабим тружеников, а отбираем незаконно нажитое у тех, кто грабит народ... А... ладно о политике. Поезжай, Грубый... не забывай о безопасности, то же самое требуй от братвы.

Тот кивнул головой и ушёл к машине, где его ожидали два бойца.

Под крылом Стаса он находился около трёх лет. На его счету, как и на совести, было три убийства, с десяток угонов машин, что на конкретных станциях техобслуживания мгновенно разбирались на запасные части, мылись в бензине, смазывались маслом и отправлялись часть в магазины, а другая использовалась для ремонта автомобилей клиентов, не брезговал он разбоями, грабежами, а в последнее время собирал дань у тех, кто был под крышей Стаса. За плечами Грубого числилось две отсидки: одна полтора, а другая два с половиной года лишения свободы. Его погнало «Грубый» произошло от фамилии Груоб, что обозначает в переводе с немецкого грубый. Его отец был из числа советских немцев, умер в 1989 году, а мать из чисто русской семьи, проживала в Саратове. Имя своё Кевин и отчество Францевич он давно забыл, потому как все называли до ареста Колей, а по отчеству Фёдорович. Так он проходил по обоим уголовным делам и судебным приговорам. В первой отсидке он и принял погнало «Грубый». При Стасе, а теперь и при Колуне, он отличался не только жестокостью, но и чёткой исполнительностью.

По возвращению из базы Колуна, Грубый собрал братву и каждого распределил, что ему нужно было сделать, а спустя два дня у него уже были достоверные сведения о перевозке крупной суммы денег из филиала торгующей автомобилями фирмы, а также о торговле наркотиками цыганами, проживающими на окраине города в частном доме бывшей деревни. Время перевозки денег обозначалось на третий день в десять часов утра. Автомобиль для этого предназначался УАЗ-69, переоборудованный под инкассаторский в исполнении

металлического кузова. Это был подходящий вариант, который, как ему казалось, должен одобрить Колун, но был и уже готовый, на который он давно глаз положил – филиал сбербанка, в котором отсутствовала охрана, но всё же находился на пульте отдела милицейской охраны. В сбербанке трудились два контролёра и кассир, которые за стойкой сидели в один ряд. С этими тремя вариантами Грубый и приехал к Колуну, изложил ему всё до мелочей и ожидал согласия от задумавшегося шефа.

– Все хороши, – наконец произнёс Колун. – На мой взгляд, они мелочные, за исключением перевода денег. В филиале сбербанка на десять утра накопления будут малые и остатки мизерные, а у цыган... бабка надвое сказала. Вот бы поставщика зацепить – было бы здорово.

– Шеф! В сбербанк завезли пенсии и прочие выплаты, а что касается цыган, то они нам укажут и поставщика...

– Так ты докладывай толком, – оборвал его Колун, – а то гутаришь, как будто мы оба одинаково располагаем деталями информации. И всё равно, я думаю, что там денег будет немного. Ну, сколько там пенсионеров обслуживается? Ну, сто, пусть двести, а пенсии-то у них с комариный глаз! Ладно... На безрыбье и рак рыба. Сделаем мы все эти три варианта, но ты ещё подыскивай, только покрупнее... поденежней. На территориальность наплевать. Воры в законе, конечно, взбунтуются потому, как их трясти будут. Но это нас не касается. Наша территория не только Москва, но и вся Россия. Будем доставать везде и всюду, действуя автономно. А чтобы нас не вычислили, надо оставлять на месте на-

лѐта что-то отвлекающее от нас. Ну, к примеру... рисунок чёрной кошки, гремевшей в прошлом. Сможешь это сделать? Как карты, но с рисунком кошки?

– Без проблем. Сегодня будет сделано. Мой братишка работает в фирме, которая изготавливает разного рода визитки, буклеты и прочую ерунду.

После они распределили роли. Грубый захватывает автомобиль, перевозящий деньги, Хан совершает налёт на сбербанк, а Колун с двумя бойцами займётся цыганами. Себе, конечно, он взял самое лёгкое, менее безопасное.

С этого момента группы начали тотальную слежку за означенными объектами нападения.

Себе в соучастники Колун выбрал Бутона и Карася, которых сразу же послал по адресу, где проживали цыгане, следить за суетой вокруг их дома.

Когда же наступило время действовать, все выехали по своим направлениям.

Колун изменил внешность, надел заранее приготовленную форменную одежду капитана милиции и на автомобиле с поддельными номерами, которым управлял Бут, подкатил к дому цыган. Ворота и калитка были закрыты. На наличнике калитки чернела кнопка электро-звонка. Колун нажал на неё. По бокам притаившись, стояли Бут и Карась. Спустя минуту послышались шаги по дорожке, ведущей к калитке, ещё несколько секунд, и калитка приоткрылась.

Увидев капитана милиции, молодой черноволосый цыган растерялся. Колун толкнул его внутрь двора и вместе с Бутом и Карасём, схватив под руки, потащили в дом. Там уже началась паника всей семьи, заметившей происходящее во дворе.

Войдя в дом, Колун и его соучастники отпустили молодого цыгана. В этот момент из соседней комнаты вышел бородатый цыган с одноствольным охотничьим ружьём. Из других комнат выглядывали цыганята и цыганки.

– Кто такие? И чего надо? – спросил бородатый, наставив ружьё на вошедших.

– Заместитель начальника управления по борьбе с тяжкими преступлениями, распространением наркотических веществ и самогоноварением, – представился Колун, выдумав какую-то абракадабру в должности, а потом потребовал: – Опустить оружие, не то мне придётся привлекать тебя за оказание вооружённого сопротивления законному представителю власти.

– А мне не известно, кто вы, – ответил цыган, не подчинившись.

– Для тебя, что... форма капитана милиции ничто? – возмутился Колун.

Карась и Бут в это время стояли сзади него, сжимая в руках пистолеты.

– Документы предъявите, – потребовал цыган и взвёл курок ружья, положив палец на спусковой крючок.

Его целью было не удостовериться в личности вторгшихся в его жилище, а проводить их во двор, чтобы дать возможность цыганкам надёжно спрятать наркотики. Это понимал и Колун. Видя, что мирным путём достигнуть цель не удастся, он произнес:

– Бут, покажи ему наш документ.

Тот молниеносно поднял руку и из-за спины Колуна выстрелил. Цыган уронил ружьё, зашатался и упал на пол. Карась в это время наставил пистолет на молодого цыгана, потребовал:

– На пол! Лечь на пол!

Тот подчинился. В других комнатах раздались крики женщин и детей.

Бут и Карась пинками открыли двери комнат, потребовали прекратить крики, угрожая оружием. В доме стало тихо.

– Всем выйти из комнат и сесть на пол здесь, – потребовал Колун, указывая на комнату, где находился сам, а когда его требование было исполнено, взял стул, сел, вытащив из кобуры пистолет и глянув на Бута и Карася, приказал: – Приступайте к обыску. – А потом, глянув на молодого цыгана, спросил: – Кто наркотики вам поставляет?

Тот, не глядя на него, ответил:

– Никто.

Старая цыганка безутешно смотрела на мужа, истекшего кровью, тихо плакала, решила попросить:

– Добрый человек, позволь мне подойти к мужу... Если он жив, то я окажу ему помощь.

Колун, бросив взгляд на цыгана, а потом на неё, произнёс:

– Хочешь, смотри, – и добавил: – Не надо было ему оказывать вооружённое сопротивление.

Цыганка подошла к нему, приложила ухо к груди, её лицо засияло.

– Жив, – вскрикнула она. – Роза, тащи йод, бинты и всё прочее. Скорее.

Молодая цыганка метнулась на кухню. Бут последовал за ней. Вскоре возвратилась со всем необходимым, и они обе стали заниматься бородачатым.

Из комнаты, которую осматривал Карась, послышался его голос:

– Оп-па! Есть, шеф, то, что искали.

Спустя несколько секунд он вынес три сумки с расфасованным героином. Бут из другой комнаты вынес мешок с кукнаром. Бросив возле ног Колуна, они оба кивнули головами, глядя на него. Это был знак, что деньги найдены и находятся у них.

– Кухню посмотрите, – распорядился Колун.

Они обыскали всё, что было в этой комнате, и оттуда вынесли ещё наркотики.

– Дурь расфасованная... готовая к продаже, – сказал Бут.

Колун глянул на молодого цыгана:

– Так кто снабжает дурью вас? Не ответишь... стреляю.

– Номер телефона под клеёнкой стола. Больше я ничего не знаю.

– Врёт, паскудник, – сказал Бут.

– Свяжите всех... и детей тоже, – приказал Колун, – да так, чтобы не смогли передвигаться.

Бут и Карась нашли бельевую верёвку, которой связали ноги и руки всем, а кроме этого привязали всех друг к другу. Старая цыганка попросила:

– «Скорую» вызовите, не то мои проклятья коснуться не только вас, но и детей ваших.

– В доме есть телефон? – спросил Колун.

– Нет. Там, где начинаются высотки, телефон-автомат стоит.

Колун положил на стол квадратный листок с изображением чёрной кошки, перед этим он предусмотрительно, чтоб не остались отпечатки, протёр его с обеих сторон рукавом, достал из-под коленки клочок бумаги с номером телефона, после чего все они покинула дом, оставив в нём все обнаруженные наркотики.

Сев в автомобиль, Бут и Карась из-за пазухи стали доставать денежные купюры разного достоинства. Их было много.

– Дома посчитаем, – сказал Колун. – А сейчас, Бут, подкати к будке телефонной, а ты, Карась, позвони на «02»... сообщи об огнестреле и наркотиках... А потом рванём на базу. Да не забудь трубку после разговора протереть.

Вот и будка... но в ней – девушка... прислонившись к стеклянной стенке, закинув нога на ногу, ведёт непринуждённый размеренный разговор, периодически хохоча. Карась немного постоял в ожидании, но поняв, что этому конца и края не будет, подошёл, нажал на рычаг, а девушку взял за руку и вывел из будки.

– Что за дела?! – возмутилась она.

Карась, не обращая внимание на продолжавшиеся возмущения, набрал «02». Девушка-оператор была готова принять вызов.

– Записывай адрес, – произнёс он.

– Представьтесь...

– Обойдётся. Записывай адрес. Третий раз повторять не буду, – он продиктовал, а потом сообщил: – В доме куча наркотиков, да такая, что тебе не снилась. Живут в нём цыгане. Один из них тяжёло ранен... Вооружённое сопротивление оказал. Все они связаны. Всё.

– Кто сообщил? – спросила оператор.

– На столе... там в доме наша визитка, – ответил Карась и повесил трубку, а выходя, глянул на девушку, продолжавшую стоять возле будки, и сказал: – Иди, болтай дальше. Трепачка.

– От такого слышу, – огрызнулась та и вошла в будку.

В это время Влас поставил угнанные «Жигули» на главной улице на углу пересечения с второстепенной, по которой будет выезжать «УАЗ» с деньгами филиала фирмы, торгующей автомобилями. Лиса стоял в ста метрах от него, оттуда ему были хорошо видны выездные ворота и перекрёсток, возле которого притаились Влас, Грубый и Афганец. Власу в салоне не терпелось, и он нервничал. Шла пятнадцатая минута одиннадцатого часа, а автомобиля всё не было.

– Ну, где этот... на колёсах кошелёк с бабками? – нервно произнёс он, стуча по баранке кулаком.

– Терпение – успех, – спокойно заметил Грубый.

– О-о! Приготовились! – вскрикнул Влас. – Лиса бейсболку повернул козырьком назад.

Щёлкнули затворы пистолетов, Грубый и Афганец выскочили из салона, заняв каждый своё место по обеим сторонам второстепенной улицы. Влас включил скорость. Не отпуская педаль сцепления, он ожидал приближения «УАЗа», а тот с каждой секундой приближался. Влас уже отчётливо видел лица водителя и сопровождающего, сидевшего рядом. Когда оставалось около десяти метров до перекрёстка, он выехал вперёд и остановил автомобиль, перекрыв дорогу «УАЗу». Заскрипели тормоза, «УАЗ» резко клюнул вперёд и остановился. В этот момент Грубый и Афганец одновременно подбежали к внедорожнику, открыли дверцы, направив пистолеты на сидевших в салоне, потребовали:

– Быстро из машины!

Сопровождающий в страхе сразу выскочил. Грубый приказал ему лечь на асфальт, а водитель попытался было включить заднюю скорость и уехать, но Афганец

схватил его за шиворот да так дёрнул из салона, что тот с лёту упал на асфальт. Грубый заглянул в салон, где лежали три инкассаторские сумки с деньгами, забрал их, а потом бросился к своей машине. В этот момент подкатил «Москвич» зелёного цвета, в нём сидели четверо. Афганец направил на водителя пистолет, после чего тот резко рванул назад, развернулся и, прибавив скорость, умчался прочь, а он, бросив карту с чёрной кошкой в салон, шагнул в сторону поджидавшего их автомобиля, как вдруг сзади прогремел выстрел. Афганец резко повернулся и выстрелил в стрелка. Тот дёрнулся и замер на асфальте, всё ещё удерживая в правой руке пистолет. Присмотревшись, Афганец увидел, что он был газовый, и ему стало жаль этого человека... услышав, что ему сигналият, побежал к автомобилю.

Лиса остался на месте, а когда стала собираться толпа, подошёл словно любопытствующий прохожий. Ему было велено после происшедшего, смешавшись с зеваками, понаблюдать за происходящим.

Влас, тем временем, проехав три квартала, свернул в проулок, где поджидал другой марки автомобиль, за рулём которого находился Макар. Все быстро перебрались к нему, оставив засвеченную машину. Теперь только и оставалось – выехать из города.

У Хана события развивались более трагично.

Встав у входной двери филиала сбербанка вместе с Карявым, они под видом начинающейся аудиторской проверки не пускали посетителей, ожидая, когда операционный зал покинет последний человек. Когда группа Хана прибыла к банку, посетителей было шесть человек. Когда четверо вышли, Хан сразу же велел

зайти Климу и Осипу. Те, заняв очередь, стали за двумя настоящими посетителями, как вдруг к одному работавшему оператору подошёл второй.

– Подходите ко мне, – объявила оператор, и к её окошку подошёл посетитель, а второй, закончив все вопросы по вкладу, забрав сберкнижку, ушёл.

К освободившемуся окошку вынужден был подойти Осип.

– Я хочу открыть счёт на сто тысяч рублей под хорошие проценты... Не смогли бы посоветовать? – спросил он.

Оператор начала объяснять порядок и предлагать разные варианты вкладов. Тем временем, Клим вышел и сообщил о сложившейся ситуации Хану. Тот, оставив Карявого у входа, сам с Климом вошёл в зал.

Осип, чувствовалось, уже не находил нужных вопросов, чтобы продолжить разговор, а посетитель не собирался уходить, заключая договор по вкладу, тогда Хану ничего другого не оставалось, как, выхватив пистолет, громогласно объявить:

– Это ограбление! Операторы! На шаг от стоек! За неподчинение стреляем без предупреждения.

Операторы, увидев три направленных на них пистолета, растерялись, продолжая сидеть на месте. Посетитель попытался ринуться к выходу, но Хан сбил его с ног и приказал лежать.

– Я сказал: на шаг от стойки! – вторично потребовал Хан, щёлкнув затвором.

Кассир и оператор отодвинулись, а третья продолжала раз за разом нажимать ногой на «тревожную» кнопку, беспокойно сидя на стуле. Хан в одно мгновение перемахнул через стойку и, увидев действия опе-

ратора, выстрелил в неё. Она, дернувшись, медленно сползла со стула на пол.

Хан в сумку собрал все денежные купюры, находящиеся у операторов и кассира, открыл сейф и забрал все пачки денег. После чего бросил сумку Осипу, затем положил на стол оператора игральную карту с чёрной кошкой, перепрыгнул через стойку в зал, и все двинулись к выходу.

Женщины, глядя на застреленную сотрудницу, стали плакать, а посетитель от испуга продолжал дрожать лёжа на полу.

Подойдя к выходу, Хан протянул руку, чтобы открыть дверь, как вдруг раздался выстрел, а следом автоматная очередь. Он слегка приоткрыл дверь и увидел в десяти метрах милицейский «УАЗ», из-за которого сержант из автомата вёл огонь, а другой, присев возле открытой дверцы машины, по радию вызывал подкрепление. Хан выстрелил в него, и тот свалился на бок.

Карявый, укрывшись за возвышающимся крыльцом, вёл перестрелку с сержантом. Хан присел, дал команду Осипу открыть частый огонь по сержанту. И под этим прикрытием Хан выскочил на крыльцо, спрыгнул с него и лёг на землю. Ему были видны на фоне высокого клиренса автомобиля ноги сержанта. Он прицелился и выстрелил. Сержант упал на колени. Ещё один выстрел Хана, и он уже лежал на земле. Хан поднялся, подошёл к милицейской машине и, осторожно выглядывая, встретился с глазами сержанта.

– Хочешь жить, лежи спокойно... – сказал он ему и сразу потребовал: – Автомат в сторону... отбросил.

Сержант исполнил. Хан подошёл, пнул автомат по прикладу, он отлетел ещё метра на три, после чего

поднял пистолет, выстрелил во вторую ногу сержанта.

– Ты что делаешь, сволочь?! – процедил сквозь сжатые от боли зубы сержант.

– Жизнь тебе спасаю, – ответил Хан. – А что... надо было в голову?

Повернувшись назад, он жестом позвал своих сообщников. Осип и Клим прибежали, а Карявый продолжал стоять там, где укрылся при стрельбе. Обратив внимание на его бледное лицо и туманные глаза, Хан подошёл и увидел, что он ранен в грудь. Схватил его под локоть, тут же подбежал помочь Клим. И они быстро доставили к ожидавшей их машине, где неотлучно за рулём сидел Буран. Стали усаживать раненого в салон. Как вдруг в это время раздался выстрел. Осип, шедший сзади с добычей в сумке, неожиданно остановился, упал сначала на колени, а потом и всем туловищем лицом вниз рухнул без движений.

Хан, рассвирепев, бросился к милиционерам, лежавшим возле автомобиля. Прозвучало ещё два выстрела, предназначенные ему, но пули пролетели мимо. Приблизившись, он выстрелил в голову сержанта, стрелявшего из пистолета, забрав по пути сумку с деньгами, пистолет Осипа, убедившись, что он мёртв и в его карманах ничего не осталось, потом вернулся к автомобилю.

Влившись в уличный поток, скрывающиеся с места происшествия видели, как с включёнными сиренами по встречной полосе мчались три милицейские машины. Дальше ехали молча, лишь Карявый, терпя боль, лишь стонал. Глянув на него, Хан сказал Бурану:

– Заверни в проулок.

Тот, не понимая зачем, но исполнил. Через сто метров Хан потребовал остановиться. И спустя несколько минут тихо промолвил:

– Клим, давай выведем Карявого.

Карявый забеспокоился, не понимая, что они хотят с ним сделать, но те всё-таки его вывели. Хан протянул руку и потребовал у него:

– Пистолет дай мне.

– 3-зачем, – разволновался тот.

Хан сам залез к нему в карман и забрал пистолет, а потом обшарил все карманы и, не найдя ничего навещающего на группировку, сказал:

– У нас врача нет. Сам знаешь... А без него тебе хана. Сделаем так... Ты проходил мимо, увидел нас с оружием, задал провокационный вопрос... мол, а вы кто такие?.. Ну мы... выстрелили в тебя и уехали. Ранение у тебя сквозное, пули не найдут, а в больницу доставит «скорая». Понял?

– Ага, – обрадованно заявил Карявый.

– Выздоровишь... знаешь, где нас искать. Ну, пока, брат.

Они отошли к автомобилю, и Хан повернулся к Карявому, тут увидел как от пятиэтажки идут старушка и девушка. Тогда он вытащил пистолет и выстрелил в сторону Карявого. Пуля улетела вдаль, а Хан с Климом сели в машину и быстро уехали. Карявый понял инсценировку и лёг на траву.

Старушка и девушка, подбежав к нему, стали хлопотать, а потом девушка побежала и вызвала «скорую».

Возвратившись на базу, Грубый чуть раньше, а Хан часом позже – доложили Колуну о результатах. Добыча

оказалась неплохой. Однако гибель Осипа и ранение Карявого его расстроили.

– Надо было забрать труп Осипа, а здесь бы захоронили. Нельзя ментам оставлять ничего. Они из пальца могут высосать весь ход событий, – возмутился он.

– Шеф... уходя, я забрал пистолет Осипа. При нём ничего подсказывающего о его принадлежности к нашей группировке нет. Кроме этого, он лежит в нескольких десятках метров от прошедшей перестрелки. Всё выглядит, как убит случайно... шальной пулей проходившего в этот момент человека, – объяснил Хан.

– Ну, а Карявого зачем в больницу отправил?

– У Карявого, шеф, есть два свидетеля, что по нему стреляли... а это ж был я... и его якобы именно там ранили. Они и вызвали «скорую». Выглядит как пострадавший. А ментам историю придумали с ним вместе. После лечения вернётся к нам.

– А ты молодец, Хан. Не ожидал. Голова у тебя шурупит дай Бог. Ну что, братва?!.. Всем спасибо. Раздел добычи завтра, а сейчас отдыхать.

Колун был доволен. Его настроение значительно поднялось. Оставшись наедине, он уже обдумывал очередные вылазки, несмотря на их последствия.

VII. Конец банды Колуна

Разгул преступности, спровоцированный внутренними событиями страны и внешними заокеанскими подстрекательством и пособничеством, в невыносимой напряжённости заставлял правоохранительные органы выполнять свои функции. После свержения предательской власти Горбачёва и её захвата Борисом Ельциным, а также революционных событий 1993 года, шёл кровавый передел собственности не только в верхних структурах власти, но и в нижних, а также в криминальном мире.

Остались под палящим солнцем простые труженики, которых вскоре посчитают классом неимущих, многие представители интеллигенции и некоторые представители власти. Остальные продолжали интенсивно работать локтями, другие вытянутыми руками, а иные и с оружием в руках, пробиваясь к богатствам страны, отнимая понравившееся друг у друга, и даже не брезгуя скудным имуществом класса неимущих. При прямом попустительстве руководителей власти и в нарушение всех существующих законов, кроме класса неимущих общество постепенно разделялось на вмиг возникших миллиардеров и средний класс. Эти атрибуты буржуазного государства прочно вращались в жизнь страны. Не отставали от развивающегося в кривом направлении общества и криминальные лидеры разно-

шерстных преступных группировок, а следом и все остальные до самых мелких воришек. Безработица, оставленная на произвол судьбы молодёжь, пустые прилавки магазинов, тяжелейшая инфляция и дефолт, длительные задержки выплат зарплат и прочее – толкали людей на преступный путь. Таким же образом группа спортсменов вынужденно пополнила преступную группировку Колуна. Аналогичное положение создалось и в других преступных группировках.

Прокурор города Сергей Герасимов и исполняющий обязанности Генерального прокурора России Олег Гайданов, как и все остальные прокурорские работники, всё творимое в столице и в стране в целом пропускали через своё сердце и разум. Бессонные ночи были заполнены изучением причин и анализов такого явления, кропотливым изучением многотомных уголовных дел, разработкой планов противодействия, поиском создания условий для результативной деятельности, борьбой с властными структурами, нередко ставившими «палки в колёса» и многим другим, которое не являлось мелким в общем составляющем.

Прокуроры следственного управления прокуратуры города постоянно держали на контроле расследование уголовных дел по тяжким преступлениям, изучали добытые доказательства и материалы следствия, давали по делам письменные указания. Таким же образом надзор вёлся и по всем возбуждённым и расследуемым уголовным делам, касающимся преступлений, совершённых группировкой Колуна. Их изучали с выездом на места не только прокуроры следственного управления Белосов В.Ю., Аршба Г.В., Кузнецова Т.Е. и другие, заместитель начальника управления Томпаков Ю.Я., началь-

ник управления Адамов Ю.А., но и заместители прокурора города Андреечев Ю.М., Смирнов Г.П., Росинский В.В. и Синельщиков Ю.П. Неоднократно заслушивал у себя на оперативном совещании и прокурор города. Качество следствия и своевременность выполнения необходимых следственных действий нареканий не имели, а вот розыск и задержание преступников вместе с их лидером Колуном – постоянно. Систематические требования об этом сначала исходили как от прокурора города, так и от начальника Главного управления внутренних дел города Москвы, а потом подключились генеральские погоны Генеральной прокуратуры и МВД республики по своей линии. Головная боль начиналась у сотрудников прокуратуры города и заканчивалась следователем межрайонной прокуратуры Каневским. Помимо расследования уголовных дел, он тщательно следил за ежесуточными городскими сводками о совершенных разного рода преступлениях, чтобы обнаружить след Колуна. Просматривая очередную, его внимание привлёк ряд тяжких преступлений, совершённых почти одновременно, и с этой информацией решил зайти к концу рабочего дня к Лапину.

– Сергей Валерьевич, я хочу, чтобы вы прочли отмеченные мною преступления, – и он положил перед ним сводку за прошедшие сутки.

Тот прочитал, задумался, снова прочитал, а потом спросил:

– Ты хочешь сказать, что «чёрная кошка» это никто другой, как наш Колун? Так?

– Вот именно. Не было ведь этой «чёрной кошки» и вдруг появилась. Он сбивает нас со следа. Я выезжал на убийство цыгана и после осмотра места происшествия

его супруга заявила, что сомневается во внешности того, кто командовал при налёте. Во-первых, как она поясняет, милицейская форма на нём была не по размеру. Она сдавливала его, подсказывая, что одежда не его, а во-вторых... она настойчиво утверждает, что волосы на голове, бакенбарды и усы выглядели искусственно. Вот послушайте, чем она аргументирует, – Каневский развернул бланк протокола допроса и прочитал: «Я прожила целый век и в людях разбираюсь. Поэтому по их внешности могу определить возраст человека, чем он страдает, как его лечить, и что на нём и в нём инородное, не своё. Я заметила, что как усы, так и бакенбарды стягивали кожу лица. В разговоре он постоянно трогает мочку уха...» – остановившись, Каневский глянул на Лапина и спросил: – Ну! Разве не о Колуне идёт здесь речь?

– Очень даже по-хо-же... – задумчиво ответил тот, а потом спросил: – Муж цыганки скончался в больнице?

– Нет. В своём доме, дождавшись «скорой». Так вот... дополню, Сергей Валерьевич... Уходя, преступники оставили карту с «чёрной кошкой». Такие же карты оставлены во время нападения на филиал сбербанка и при налёте на автомобиль, перевозивший крупную сумму денег. Я разговаривал со следователями, и они подтвердили. Это говорит о том, что все три преступления совершила одна и та же группировка, а с учётом показаний старой цыганки мы имеем дело с бандой Колуна, отвлекающей нас «чёрной кошкой». Чтобы на все сто процентов определиться, я хочу сегодня побывать в Тимирязевской и Головинской прокуратуре, ознакомиться с уголовными делами. Ты не против?

– Поезжай, Боря, а вдруг что-то интересное откопаешь.

Возвратившись в свой кабинет, Борис позвонил следователям и договорился о визите.

Собрав в портфель всё необходимое, он стал выходить и невольно глянул в окно... увидел шедшего в прокуратуру Кравцова Григория. «А вот и Гриня. Зря он сюда не придёт, значит что-то важное несёт», – подумал Каневский, возвращаясь на своё рабочее место. Не успел он сделать и двух шагов, как с улицы донеслись три pistolетных выстрела. Каневский кинулся к окну и увидел возле ступенек крыльца лежавшего Кравцова. От него на главную улицу умчалась семёрка «Жигули» кофейного цвета. Её госномера была закрыты полосой газеты. Борис выбежал из помещения и сразу же оказался возле Кравцова. Тот ещё был жив, но уже терял сознание. «Я шёл к вам, но Колун меня убил. Он проследил за...» – только и успел сообщить он, как тут же скончался.

Из здания прокуратуры стали выходить сотрудники, а с улицы подходить интересующиеся происшедшим. Сюда же подошёл и Лапин.

– Я дал указание организовать перехват, – объявил он и сразу распорядился: – Ты, Боря, бери мою машину и езжай. Осмотр места происшествия произведёт Машетов, он же будет расследовать... пока. А там посмотрим, – задумчиво посмотрел в сторону, куда умчалась «семёрка», а потом добавил: – А он обнаглел... твой Колун. Его надо либо уничтожить, либо взять живьём и до конца его жизни отправить за решётку. Третьего не дано.

В знак согласия Каневский кивнул головой, возвратился к кабинет, взял портфель и направился к автомобилю.

В Тимирязевской прокуратуре он изучил дело о нападении на автомобиль с деньгами, посмотрел карту с «чёрной кошкой» и побеседовал с водителем, оставшимся в живых. Тот рассказал, что произошло, и ничего толком не дополнил к ранее сказанному следователю. Тогда Каневский стал задавать ему вопросы, которые помогли оживить память:

– Возможно, заметили что-либо необычное?

– Там некогда было замечать. Меня выбросили из кабины, а когда я упал, то ощутил острую боль, ударившись коленками об асфальт.

– Возможно, они называли друг друга по именам?

– О-о! Точно. Вспомнил. Один другому крикнул: «Эй, Грубый», – и пальцем показал на мою тачку. Тот и стал копаться в салоне... и забрал сволочь все деньги. А потом, когда они бежали к своему автомобилю, кто-то из них крикнул: – «А Лису как подхватим?» И я понял, что был ещё один, который в налёте не участвовал.

– Ну, вот это уже кое-что. Спасибо вам, – поблагодарил Каневский шофёра и уехал в Головинскую прокуратуру.

Следователя Терской Л.Ф. на месте не оказалось, и секретарь пояснила, что та находится у прокурора Улыбышева с докладом о результатах, добытых при расследовании уголовного дела о налёте на сберкассу. Пришлось подождать с полчаса. Когда она вернулась, был замечен её уставший вид.

– Извините! Заставила вас ожидать. Прокурор у нас дотошный. По каждому делу о тяжких преступлениях требует доклада за каждый день работы. Вам дело? Если можно побыстрее. Я вторые сутки глаз не смы-

кала. Дежурство моё... сумасшедшее закончилось утром, а я до сих пор на работе.

– Я по быстрому и долго вас не задержу, – ответил Каневский.

Ознакомившись с материалами дела, он остановил взгляд на карте с «чёрной кошкой», а потом спросил:

– Любовь Фёдоровна, а не пытались ли вы установить типографию, на которой отпечатаны такие карточки, и тем самым выйти на заказчика?

– Вообще-то в моём плане работы по делу это есть, но руки пока не доходили.

– Ещё один вопрос и ухажу... По делу проходит неизвестный гражданин, убитый при перестрелке... Установлено кто он? Вся обстановка напрашивается на то, что он может быть соучастником.

– Я бы не сказала, хотя чем чёрт не шутит, когда....

– Вот смотрите, – перебил её Каневский. – Я на своей схеме поставил точки... где кто находился. Вот здесь стоял милицкий автомобиль. Наряд милиции отсюда вёл огонь по выбежавшим бандитам. Как показал после раненый водитель, он видел, как двое из них вели под руки третьего, а четвёртый шёл сзади и нёс сумку. Они уходили вот в этом направлении. Когда же сержант начал стрелять по ним, он потерял сознание. Так вот, в том направлении никого из посторонних водителей не видел... И вопрос... Откуда взялся неизвестный? Из дома, с неба, с дерева прыгнуть не мог. Пальчики откатали этому неизвестному?

– Поехал в морг криминалист. Результат будет завтра.

– Не затруднит, если вы поделитесь со мной информацией?

– С удовольствием.

Выйдя из прокуратуры, Каневский сразу же направился в больницу, побеседовал с милицейским водителем, и тот подтвердил свои показания.

– Как вы думаете... мог в зоне перестрелки появиться, пусть даже случайно, посторонний... и был убит? – спросил он водителя в конце беседы.

– Я думаю, что это исключено. Перестрелка продолжалась примерно минут пять... Это только тот период, что я помню.

– Когда прибыла «скорая», вы приходили в сознание? Если да, то что видели вокруг?

– Убитого сержанта и того человека... неизвестного. Выносили на носилках из сбербанка женщину – контролёра... медиков, зеваки собирались.

– В чём был одет тот, который нёс сумку?

– Я особо не обратил внимание на его одежду, так как отвлекала меня боль, но сумка была чёрного цвета и находилась за плечами человека в серой куртке... ветровке.

– Тогда вспомните, в чём был одет неизвестный?

– Я ведь мельком глянул... Ой! Точно! В серой куртке.

– Почему следователю об этом не сказали?

– Этот вопрос задали вы, а до этого меня никто не спрашивал. Сам же на эту деталь я не обратил внимание. После операции не до того.

В это время вошёл в палату высокий мужчина в белом халате, представившись лечащим врачом. Он стал настоятельно требовать прекращения посещения, а видя, что Каневский собирается уходить, спросил:

– Вы и с другим беседовали?

– Это с кем ещё? – поинтересовался Каневский.

– В соседней палате находится Аирбух Альберт Исаевич... тоже с огнестрелом поступил в один день с этим, – и врач незаметно для водителя загадочно подмигнул глазом следователю.

– Оперирован?

– Да... Я оперировал. Не разговорчив. Больше молчит, а спросишь его... он сначала подумает, а потом ответит... Сквозная рана. Состояние стабильное. Счастливчик. Пуля жизненно важные органы не задела.

– Направление раневого канала можете описать?

– Конечно. Пуля прошла через левую грудную клетку и вышла через межлопаточную область справа сзади... то есть на спине. Раневой канал начинается снизу и уходит вверх. Одним словом мой больной должен был стоять, а стрелявший либо присел, либо лежал. Но не стоял однозначно.

– А вот... сержант лежа стрелял потому, что укрылся за выступом крыльца, – вставил водитель.

– Вы можете опознать того? Или кого-либо другого?

– Нет... не смогу. Я же занят был рацией.

– С вашего разрешения, доктор, я могу минут пять пообщаться с ним? – попросил следователь.

Тот разрешил. У Каневского в голове промелькнуло: «Не зря я сюда приехал. Если доктор с явным подозрением говорит о своём больном, то я уж докопаюсь».

Войдя в палату, где находились трое больных, лежавших на койках, он спросил:

– Аирбух кто из вас?

Двое кивком головы показали на третьего, а тот не проронил ни слова. Каневский взял стул и сел рядом с ним.

– Я следователь прокуратуры Каневский, – представился он и сразу спросил: – Ваше имя, отчество?

– В истории болезни записано, – нехотя с иронией ответил Аирбух, приподнялся на локтях, выпил из стакана воду и сердито поставил стакан на край тумбочки.

– При каких обстоятельствах вы получили ранение? Расскажите более подробнее об этом.

– Уже рассказывал ментам. У них и спросите. Надоело одно и то же говорить.

– Вы, почему грубите? Разве я вас чем-то обидел? Да и пришёл я не как к обвиняемому, а пострадавшему, – сказал совершенно спокойно следователь и обратил внимание на верхнюю часть правой груди, где было выколото: «Не забуду мать родную».

Купившись на слова следователя и его тон, он рассказал заранее вымышленную историю своего ранения.

– Очнулся я, когда «скорая» приехала. Спасибо люди вызвали. Они очевидцы всего происшедшего.

– Сколько их было?

– Трое. Но стрелял один.

– Какой марки пистолет был?

– «Макар»... а может и не «Макар», – опустив глаза, заявил Аирбух, а потом добавил: – Я в оружии не разбираюсь.

– Как вы стояли по отношению к стрелявшему... ровно лицом к лицу, боком, спиной?

– Лицом к лицу, – не задумываясь, ответил раненый.

Каневский, глядя ему в глаза, подумал: «Врёт, подлец. Что-то здесь не так. Надо до конца проверить. Раневой канал ведь свидетельствует, что Аирбух должен был стоять левым боком к стрелявшему в него».

– Оpoznать стрелявшего можете?

– Нет... Испугался сильно и особо не обратил на него внимание.

– Сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Судимы?

– По молодости с кем не бывает.

– Ваше погоняло?

– Корявый... – выпалил тот и как-то вздрогнув, резко замолк, а через несколько секунд сердито добавил: – Всё... достаточно. Я устал.

– Поправляйтесь, – сказал Каневский и ушёл из палаты, но, уходя, он незаметно для Аирбуха забрал стакан, из которого тот пил.

Зная, что морг находится в этой больнице, Каневский вошёл туда. В кабинете сидели патологоанатом и санитар, чаёвничая. Представившись, он попросил показать погибшего возле сбербанка. Врач молча, прожевывая пряник, кивнул санитару.

– Милиционера или второго?

– Второго, – ответил следователь.

Санитар встал и, махнув рукой Каневскому, пошёл по коридору, а тот последовал за ним.

– Вот он, – сказал санитар, откинув с лица, лежавшего на каталке, простынь.

Посиневшее и застывшее лицо умершего ни о чём не говорило следователю. Тогда он достал из портфеля портативное приспособление для взятия отпечатков пальцев: стекло, валик и мастику, откатал пальцы обеих рук, поблагодарил санитару и вошёл в кабинет, где патологоанатом всё продолжал гонять чай.

– Я могу от вас позвонить?

– Звоните, – ответил тот.

Каневский набрал номер телефона начальника уголовного розыска Тимофеева. Тот сразу же поднял трубку.

– Олег Николаевич, добрый день, Каневский у аппарата. Просьба к вам крайне серьёзная.

– Весь во внимании, Борис Фёдорович, – ответил тот и на приветствие тоже.

– В 67-й больнице... в хирургии... в палате 38 находится Аирбух Альберт Исаевич. Его надо срочно пробить по учётам ЗИЦ, а ещё срочнее взять под охрану на несколько дней. Я подозреваю, что он участник нападения на сбербанк и ранение получил именно там.

– Сейчас же зайду к Ломанову и думаю, что вопрос с охраной решим в пределах получаса с выставлением поста у палаты.

– Привет Юрию Дмитриевичу и заранее... спасибо. Твои же бойцы выезжали на место ранения Аибуха?

– Мои. А вот как раз зашёл Коля Егоров, он и выезжал. А в чём дело?

– Можно, чтобы он дождался меня и мы проедем с ним к женщине, которая была очевидцем стрельбы. Надо выяснить кое-какие детали.

Тимофеев знал, что Каневский просто так просить не будет, значит, как он понял, что-то весомое нашёл.

– Да нет проблем. Он будет в своём кабинете. Я нужен? А то мне к прокурору за санкцией на обыск.

– Нет. Спасибо.

Поблагодарив работников морга, Каневский выехал к Егорову. «Интересно, почему кличка «Корявый»?!» Ничего ведь в нём корявого нет. Чаще кличка берётся от фамилии, имени, а потом и от других признаков

внешности. А тут «Карявый», – размышлял Борис, пока ехал.

Егоров его ожидал возле будки постового милиционера при въезде на территорию отдела милиции. Поприветствовав друг друга, и уже в пути движения Каневский поделился своими сомнениями, а Егоров сослался на то, что не придал этой мелочи, как он выразился, значения. Когда же встретились с женщиной, назвавшейся Ефросиньей Алексеевной, Каневский задал ей интересующий его вопрос. Она ответила:

– На примере вас обоих могу показать?

– Можете, – решительно заявил Егоров.

– Мы с Люськой, внучкой моей, были вон там возле угла дома. Сколько здесь... ну метров двадцать нас разделяло. Здесь стоял автомобиль, возле него стояли двое, – она поставила на то место Каневского и продолжила: – Этот с пистолетом направлен в третьего. Сзади за ним стоял ещё один, а тот, в отношении которого был направлен пистолет, стоял вот здесь, удерживая правую руку... как бы держась за левую грудь, где сердце, – и она, сделав пять шагов, поставила Егорова лицом к лицу с Каневским. – Прозвучал выстрел. Эти двое сели в машину и уехали, а этот упал там, где стоял.

– Упал навзничь, на бок или лицом вперед? – спросил Каневский.

– Лицом вперёд. Хотя само его падение больше смахивало на то, что он лёг... нагнулся, выставив левую руку вперёд и оказался на земле. Вот здесь он и лежал, – она указала на место.

– А следы крови на земле были? – продолжал выяснять Каневский.

– Нет. На одежде его были. Когда мы подбежали к нему... он стонал, повернулся на левый бок, а правая рука была за пазухой. Внучка побежала звонить, а я оставалась возле него. Он сел. Тут подкатила «скорая», и врачи стали оказывать помощь. Так вот... почему он держал правую руку за пазухой? В ней была белая тряпка, пропитанная кровью, и он ею зажимал рану. Ему сделали укол, обработку и сразу увезли.

– Он что-либо медикам говорил? – спросил Егоров.

– Молчал, как рыба. Вот когда приехали вы, то он объяснил, что не знает тех, кто стрелял.

– Коля, что ты понял из сказанного? – спросил его Каневский.

– Ну-у... то, что она сказала, – ответил тот, непонимающе глядя на следователя.

– А то, что следов крови там, где он лежал не было, а тряпка, которой зажимал рану... Он что... до выстрела приготовил её, чтобы использовать при кровотечении? Это значит, что его привезли сюда раненого, а здесь инсценировали. Одежду его надо исследовать на предмет наличия пороховых газов от близкого выстрела.

– Борь... а ты прав. Ну, коробочка твоя варит, дай Бог. И точно. Ранили, а он достаёт тряпку и пытается...

– Да ничего он не доставал. При выстреле рука его уже была там, где её увидела с близкого расстояния, – перебила старушка Егорова. – Я сначала подумала, что он достаёт что-то из внутреннего кармана... документы, деньги или пистолет. Насмотревшись этих боевиков по телевизору... кумекаю кое-что.

– Спасибо вам, Ефросинья Алексеевна. Вы нам очень помогли.

– А я рада этому. Удачи вам, хлопчики. Храни вас Господь, – сказала она и пошла к своему дому.

В пути следователь и опер продолжали обсуждать свою работу, проделанную с помощью старушки... оба были довольны.

– Очень хорошо, что мы сюда приехали, – сказал Каневский.

– Благодаря тебе. Борь, вон пивной киоск... Завернём? По бокалу пропустим за удачу, – продолжил Егоров.

– Давай, но сразу предупреждаю... спиртного и пива тоже не употребляю. Спорт. Водички выпью с удовольствием.

– Я слышал, ты боевым самбо занимаешься?

– Третий год... этим и другим тоже.

Взяв два бокала пива и бутылку минеральной воды, они стояли за высоким столиком рядом со стойкой продавца. Подходили другие посетители, покупали и с бокалами становились за другие столики. Глаза Каневского остановились на пальцах одного из них, широколицего, стоявшего возле стойки и ожидавшего, пока продавец наполнит бокалы. На них были выколоты буквы: «КОЛЯ». «Тёзка опера Егорова», – подумал он. Продавец в это время поставил перед ним два бокала с пивом и ожидал оплаты. Посетитель левой рукой залез в карман пиджака, достал деньги, а когда вытаскивал руку из кармана, выпала на пол карта с «чёрной кошкой». Посетитель взял пиво и пошёл в угол зала, где за столиком его ожидал плотного телосложения худощавый на лицо парень лет двадцати пяти.

Каневский поднял карту, показал оперу и тихо сказал:

– Берём обоих... и в отдел, а там поговорим.

Оставив не начатое пиво на столике, они направились в угол зала. Шум, гам посетителей, табачный дым и запах характеризовали обычную пивнушку. При приближении следователя и опера широколицый, нагнув голову ко второму, отпивающему пиво, что-то во весь рот улыбаясь, говорил.

Каневский жестом руки дал понять Егорову чуть приотстать, а сам, подойдя к столику, обратился к уронившему карту:

– Молодой человек, вы уронили возле стойки, и уж точно колода карт будет не полной.

Тот, глянув на протянутую ему карту, на первых секундах растерялся, а потом криво улыбнулся, взял карту, положил её в свой карман и небрежно кивнул головой.

Каневский, продолжая стоять на том же месте, достал своё служебное удостоверение и потребовал:

– Предъявите свои документы.

Оба вздрогнули, поставили на стол бокалы, и широколицый повернулся на стуле в сторону выхода, возмущённо спросил:

– А в чём дело? Мы что-то нарушили?

– Ваши документы?! – настаивал следователь.

Широколицый сделал движение руки, якобы с целью взять требуемое из кармана, а потом резким движением руки ударил Каневского в грудь и побежал.

– Буран, бежим! – на бегу крикнул он второму.

Но Егоров подставил ему подножку, отчего тот, сваливая с грохотом стулья, растянулся на полу. В одно мгновение на его руках за спиной сверкнули наручники. Из-за его пояса Егоров извлёк пистолет «Макаров».

– Ну что, Буран... и ты попытаешься? – спросил Каневский, вытаскивая из-за пояса наручники.

Тот обвёл взглядом зал и, видя удивлённые, но безразличные к их судьбе лица посетителей, покрутил головой и стал подниматься со стула. В этом положении он попытался нанести удар Каневскому, но его кулак не долетел до цели. Длительная учёба Каневского в спортклубе пригодилась. Он перехватил его руку, заломил за спину и защёлкнул на ней наручник.

– Вторую положи на спину, – потребовал он, нажимая на руку с наручником вверх.

Боль заставила того выполнить требование. Забыв о пиве, Каневский и Егоров повели задержанных к автомобилю, а спустя пятнадцать минут они сидели в разных кабинетах.

Первым допрашивал Каневский широколицего, а вторым оставался Егоров. Ни тот ни другой на контакт не шли и упорно молчали. Каневский испытал всё своё красноречие, убеждая сотрудничать со следствием, но безрезультатно. Тогда он пошёл на хитрость. Решив взять второго, он завёл первого допрошенного в кабинет Егорова и увидел, как тот бьёт Бурана валенком.

– Ты что делаешь? Прекрати немедленно! – потребовал Каневский и вырвал из рук Егорова валенок, а когда машинально заглянул в него, то увидел там весовую гирию. – Ну ты вообще!

– Нутром чую, что бандит, а молчит, сволочь, – ответил Егоров, виновато глядя в глаза Каневскому.

Тот покачал головой, погрозил ему пальцем, а потом произнёс:

– Этот пусть у тебя побудет... пока... А Бурана я заберу, – когда же он вывел его в коридор, то перед этим

сказал Егорову: – Того отпустим. Пусть идёт домой, а Бурана в камеру.

Когда же до первого дошло всё сказанное, он начал возмущаться, заявив, что это подло и начал на весь кабинет кричать:

– Буран, я ничего не сказал! Это уловка!

Но его крик был похож на крик в пустыне, и кроме Егорова его никто не слышал, так как звукоизоляция в РОВД была отличной, да и Каневский с Бураном находились уже через три кабинета.

Когда они вошли в кабинет, Буран сразу же возмутился:

– А почему меня в камеру? За что?

– Ты сам знаешь, за что, и я тоже теперь знаю, – ответил Каневский, давая понять, что широколицый язык развязал. – Назови свою фамилию... имя и отчество... Буран, как я понимаю, погоняло?

– Ну, Буранов Юрий Ильич.

– Сколько ходок?

– Каких ходок? Вы о чём?

– Судимый сколько раз?

– Ни разу.

– А погоняло откуда?

– Ребята так называли. Это правда. Клянусь!

– Не надо клятвы давать. Я всё равно всё узнаю. Сейчас возьмут у тебя отпечатки пальцев, и всё будет известно. Так кто конкретно кликуху дал? Колун?

– Ну и сука же Грубый, – вырвалось у Бурана, – расколол всё-таки.

– А он судим?

– Неоднократно.

Каневский набрал номер телефона кабинета Егорова и несколько секунд ожидал, пока тот взял трубку.

– Коля, надо срочно дактилоскопировать Грубого и продумать, как бы побыстрее получить результат в ЗИЦ (Информационный центр МВД).

– А Грубый это кто? – не поняв, спросил тот.

– Перед тобой сидит.

– О-о! Так он Грубый?! Ага! Сделаем... а в ЗИЦ Василька пошлю. Там его тётка работает. Часто выручает нас.

– Коля, портфель мой в твоём кабинете. В нём лежит дактилокарта и стакан. Надо пальчики посмотреть и всё остальное... Сам знаешь. Сделаешь?

– Без проблем.

Проложив трубку, Каневский долгим взглядом посмотрел на Буранова, а потом произнёс:

– Юра, если ты не судим... зачем тебе ломать собственную жизнь. Предлагаю добросовестно во всём признаться, а я, как следователь, постараюсь в хорошем смысле поучаствовать в твоей судьбе.

– В чём именно?

– Не надо так. Я на провокации не поддаюсь. Ты должен начать сначала. Не хочешь... так и скажи. Это дело твоё... можешь говорить, а можешь молчать. Я тебе сделал предложение, которое в твоём положении заслуживает особого внимания. Если согласен... начинай.

– С чего?

– Давай договоримся... Вопросы задаю я, а ты отвечаешь. Начни с того, как оказался у Колуна.

– Это вам Грубый сказал?

– Так всё... Закончили. Я допрашиваю или ты? Ладно... Считай, что я тебе ничего не предлагал.

– Да соврал Грубый. А вы поверили. Я не знаю никакого Колуна. Спортсмен я. В секции по боксу занимаюсь. Живу с мамой и сестрёнкой. Зашёл в пивнушку пива выпить и встретил старого знакомого... Николая... Ну-у... Грубого. Прозвище у него такое...

– Хватит мне лапшу вешать, – оборвал его Каневский. – Только что ты Грубого назвал сукой за то, что он раскололся... Постой, постой... а мы сделаем по-другому, – сказал он и поднял трубку телефона, набрал номер, и когда услышался ответ, сказал: – Коля, я передумал. Грубого оформляй, как задержанного, а Буранов Юрий пойдёт домой.

– Буранов Юрий, это тот, что у тебя? Так его домой отпускаешь? А этого в СИЗО? Как скажешь... – ответил Егоров, поняв игру Каневского.

– Ты этого заberi у меня, а Грубого приведи.

– Хорошо.

Буранов заёрзал на стуле. Его мучили два внутренних червяка. Один настаивал на том, чтобы хозяин сознался и ушёл домой, а второй противился и требовал не сознаваться. Поэтому он, глотнув подкатившуюся к горлу слюну, заволновался. В это время дверь открылась, и в проёме показался Грубый. Каневский поднял руку, и Егоров придержал его.

– Ты, падла, попомни. Тебе хана. Не жить тебе, сука продажная. На волю передать мне ничего не стоит, – пригрозил Бурому он.

– Так послушай, Грубый! – закричал тот, вскочив с места, но Каневский успел показать жест, и Егоров захлопнул дверь, а Грубого увёл в свой кабинет. – Я ничего не сказал! Слышишь!

– Он при закрытой двери ничего не услышит. Такая конструкция, – ответил Каневский.

Буран медленно опустился на стул, скривив лицо и задумался. В его памяти всплыли светлые многообещающие дни занятия спортом, встречи с друзьями и девчонками, жизнь в квартире, а не в лесу, повседневная тёплая забота матери, добрые и ласковые её слова и такое же трепетное отношение сестрёнки, завистливые, а у кого и с гордостью взгляды в части его спортивных достижений. «То было тогда, а теперь, увидев меня на скамье подсудимых, что подумают все они? Что я отвечу на вопрос, почему я стал бандитом? Сошлюсь на вакханалию в стране: так не все ведь бросились вступать в преступные группировки... воровать, грабить и убивать для того, чтобы нажиться на здоровье и жизнях других! Ведь каждая копейка, рубль и бакс, которые лежали в моих карманах, добытые мною и моими соучастниками, пахнут кровью. Да, я участвовал в этом, хотя моё участие менее значительное, чем у других, чем у этого же Грубого, и заключается в том, что я возил на налёты, ожидал, когда те возвратятся с добычей, и радовался ей, вёз обратно, а после участвовал в делёжке. Одно успокаивает, что на моих руках нет крови, и люди, может быть, смогут простить меня», – размышлял он.

А Каневский, видя его переживания, не мешал ему, копаясь в своём портфеле и ожидая, когда он, наконец, созреет к ожидаемому диалогу.

И вот Буранов поднял голову, решительно посмотрел на следователя и заявил:

– Я ещё не успел стать стопроцентным бандитом и не хочу этого... Пишите. Я всё скажу, а там, как судьба решит.

Он рассказал всё до самых мелочей и о Корявом, и об убитом Осипе, а Каневский с песней в душе писал лист за листом. Буранов раскрыл всю структуру группировки, её слияние с группировкой Стаса, о всех преступных вылазках, о полном кадровом составе, вооружении и месте дислокации.

Закончив допрос, Каневский, спросил:

– Юра, точное место расположения группы Колуна показать сможешь? Ты там светиться не будешь... А после решим, что с тобой делать.

– Хорошо. Согласен... Борис Фёдорович... ведь так вас зовут, как я слышал? Клянусь вам... после отбытия наказания буду трудиться на благо людей, чтобы они меня простили, а о том, что всё было... буду вспоминать, как страшный сон.

– Верю, Юра. Ты правильно поступил и ни на грамм не сомневайся в этом, а угрозы Грубого тебя не коснутся. Я тебе обещаю. Сейчас ты побудешь у дежурного... временно, а через часик я тебя заберу.

Отправив Буранова с вызванным дежурным, Каневский доложил о всей выполненной работе Лапину и попросил помощи ОМОНа для задержания банды Колуна. Тот, воодушевлённый таким сообщением, влетел в кабинет прокурора:

– Валерий Николаевич, сегодня банду Колуна накрою, – и он доложил ему обо всём услышанном от Каневского.

Тот вскочил с кресла, прошёлся с улыбкой на лице по кабинету, потирая руки, а потом, остановившись перед Лапиным, сказал:

– Действительно Борис от Бога. Он им отмечен... и послан нам. Значит так... Прямо сейчас выезжай с Ма-

шетовым к Каневскому. Вооружитесь всем необходимым для расследования и фиксации доказательств, а я сейчас доложу прокурору города и через начальника ГУВД выйдем на руководителя ОМОНа, а, может, будут бойцы другой спецслужбы. Держи меня в курсе всех событий.

– Есть, – отчеканил по-военному Лапин и кинулся исполнять.

Колесо возмездия закрутилось.

Межрайонный прокурор доложил прокурору города Герасимову, а тот в Генеральную прокуратуру Гайданову. И вот отряд в количестве пятнадцати человек Федеральной службы безопасности в микроавтобусе уже мчался по месту нахождения Каневского. Первыми, конечно, прибыли Лапин, Машетов и Кирилин, готовые оказать помощь в расследовании. Каневский в это время убеждал Грубого на контакт со следствием. Однако тот стоял на своём – ничего не знаю, не участвовал и не виновен. С протоколом задержания он был отправлен в изолятор временного содержания (ИВС).

Когда же все были в сборе, Лапин на коротком совещании милиции, представителей прокуратуры и руководителя спецподразделения, заявил:

– Каневский в курсе всех событий, и он будет руководить всей операцией по задержанию, а если не получится, то и ликвидацией банды. Думаю, что до стрельбы не дойдёт, но к этому надо быть готовыми. Вам слово, Борис Фёдорович.

Тот на первых порах растерялся, не ожидая такого, почувствовал себя неловко, а потом, поборов нахлынувшие чувства, начал:

– Прошу всех сосредоточить внимание на карту местности. Работники РОВД и ГАИ перекрывают во-

круг красного квадрата дороги... просёлочные, в том числе. Мышь не должна проскочить. Оперативно-следственная группа со спецотрядом продвигаются вот по этой дороге... Проводник у нас есть... и здесь, – он указал карандашом на место, – спецотряд скрытно берёт в кольцо базу Колуна. При продвижении всем необходимо быть предельно внимательными и осторожными, поглядывать не только вперёд, по сторонам, но и себе под ноги, – могут быть растяжки и прочие ловушки. Не создавать шума. Хотелось бы, чтобы спецотряд подобрался к базе как можно ближе. Есть два варианта... – и он обратился к его руководителю. – Отряд, используя эффект внезапности, врывается на территорию и в помещение или же, окружив, объявляет по мегафону о бесполезности сопротивления, сложении оружия и сдачи. Один из них выбирайте сами.

– На месте определим, – ответил тот.

– Тогда... по коням, – сказал Лапин, и все поспешили к автомобилям.

Каневский зашёл в дежурную часть, где за решёткой ожидал Буранов. За короткое время пребывания в неволе он передумал многое, но не пожалел, что во всех грехах, как в церкви, исповедался следователю. Наоборот ещё уверенней себя почувствовал, а когда загремел железный запор, и дверь открылась, он решительно шагнул вперёд и сейчас, указывая дорогу, вёл всех навстречу своей судьбе и каждого.

– Здесь направо, – сказал он водителю, и тот с асфальтной дороги свернул на просёлочную.

Через километра три по его указке свернул налево, а через метров пятьсот направо. Проехав километра два, он попросил остановиться.

– Дальше надо пешком. Услышат гул моторов... уйдут в лес, – сообщил он.

Все за Бурановым пошли цепочкой. Шли около часа, и тут он поднял руку. Все остановились, присели. Руководитель спецотряда подошёл к нему.

– Что дальше? – спросил он у Буранова.

– Метров триста впереди база. Дальше сами, – произнёс тот и сел под сосну на игольник.

– Понял, – ответил руководитель и жестом руки дал команду отряду.

Все двинулись дальше. Лапин, Машетов, Кирилин и Егоров последовали за отрядом, а Каневский, глянув на Буранова, сказал:

– Юра, за нами не ходи. Ожидай здесь. Я за тобой приду... И ещё... отсюда вернёмся в город, и ты пойдёшь домой.

У того глаза заблестели, и он, ничего не говоря, нагнул голову, а Каневский поспешил за отрядом.

Приблизившись к небольшой поляне, на которой стоял домик, он увидел, что спецотряд разделился. Часть его ушла вправо, а часть – влево. Несколько бойцов остались в центре и залегли на расстоянии десяти метров друг от друга. У каждого в ухе был наушник, и они чётко выполняли команды командира.

Каневский лежал между Лапиным и Машетовым, а правее залегли Кирилин и Егоров.

– Если всё пройдёт удачно... Борь... крути дырку в погоне и кителе, – прошептал Лапин.

– Я, Серёжа... зарплату за свою работу получаю, а остальное меня не интересует, – тихо ответил тот.

В это время бойцы спецотряда поползли в сторону базы. Оперативно-следственный состав последовал за

ними. С каждым преодолённым метром до цели становились всё ближе и ближе. Оставалось подняться и ринуться на территорию и в помещение, как вдруг из помещения вышли двое, о чём-то споря. Следом за ними вышел и третий, откусывая от морковки. И тут за домиком раздался выстрел. Все трое резко повернулись, а потом в два прыжка оказались за кучей наколотых дров. По всей цепи спецотряда в один миг затрещали автоматы, и бойцы бросились на территорию и в помещение. Стрельба резко прекратилась, звучали окрики бойцов и изредка одиночные выстрелы, которые тоже прекратились. Из-за кучи дров поднялись Макар, Афганец и Бут. Им было велено лечь на землю, расставив руки и ноги в сторону, и они это требование исполнили.

Из домика бойцы стали выводить других членов банды: Власа, Хана, Карася, Лису, Клима и других.

Каневский жадно всматривался в лица, но Колуна среди них не находил. Когда же вывели последнего и уложили на землю, он забеспокоился и, подойдя к Лапину, тихо сказал:

– Колуна среди них нет.

– Ребята, – обратился тот к бойцам спецотряда. – Просмотрите всё ещё раз. Главарь исчез.

Егоров подошёл к Карасю, взял рукой за волосы, приподнял голову над землёй, а потом спросил:

– Где Колун?

– Да пошёл ты?.. – грубо выпалил тот.

Егоров придавил его лицом к земле и вновь задал тот же вопрос, но тот молчал. Он спрашивал и давил всё сильнее.

– В комнате был... угловая она, – процедил Карась, и Егоров отпустил его.

Услышав ответ, Каневский бросился в домик. Найдя угловую комнату, он увидел взломанную дверь и пристально осмотрел всё. Вошедший Егоров помог ему, но ничего не найдя, вернулся к Карасю, а Каневский стоял посреди комнаты, детально глядя на каждый предмет. Его внимание привлёк ящик с одеждой, стоявший в углу комнаты. Подойдя к нему, он попытался отодвинуть его, но тот не поддавался. Тогда, приподняв без особого труда крышку, Каневский обнаружил, что он служит и крышкой, и входом в подземный ход.

Спустившись и присев, он сразу же увидел вдали светлеющий выход. Пройдя по узкому тоннелю и выбравшись из него в густой куст, он осмотрелся, вычисляя в какую сторону Колун мог побежать. А тот, тем временем, царапая о ветки лицо, торопился, как можно дальше уйти от базы, где были захвачены все его члены группы.

Услышав треск сухой ветки, на которую наступил Колун, Буранов приподнял голову, прислушался и крикнул:

– Борис Фёдорович! Я здесь!

И вдруг через минуту из-за куста вышел Колун. В правой руке он держал пистолет, а в левой вещевой мешок с деньгами.

– Вот оно что? – удивлённо произнёс Колун, свирепо глядя на Буранова. – Так это значит, ты навёл ментов на базу?!

– Ну я, – ответил тот, вставая с игольника.

– Так получай, падла, – и Колун поднял пистолет.

– Стреляй. Зато я умру не как бандит, – сказал Буранов и закрыл глаза.

Раздался выстрел, послышался чей-то вскрик... Буранов открыл глаза. В пяти метрах лежал Колун, а возле него стоял Каневский, поднимая его пистолет и вещмешок. Пуля пробила ему правое плечо, и он сквозь зубы стонал, злобно поглядывая на Каневского.

– Надо было мне взять немного левее, чтобы поставить на тебе, Колун, точку, и не возиться с твоим лечением, следствием и судебным разбирательством, – сказал тот, вытаскивая двое наручников.

– Тварь ты... ментовская. Жаль, что я тебя раньше не прикончил, – скрипучим голосом зашипел тот.

Каневский соединил между собой двое наручников, а после защелкнул чуть выше левой кисти и чуть выше лодыжки левой ноги.

– Вставай! – потребовал он. – Пойдём к твоим бандам.

– Ты чего зверствуешь?! Как я в этом положении пойду? Убери с ноги, – воспротивился Колун.

Но Каневский схватив его за шиворот, приподнял с земли, поставил на ноги, и тот теперь стоял в согнутом положении.

– Здесь рядом. Дойдёшь. Пошли, нето прикончу тебя здесь... Основания есть для этого, – подталкивая Колуна, сказал он, а потом, повернув голову к Буранову, позвал: – Идём, Юра. Там всё уже закончено.

В таком положении Колун пришёл к своей братве. Каневский попросил оказать ему помощь, и когда его перевязывали, показал задержанным вещевой мешок с деньгами.

– А вы, дураки, горбатились на него, – выпалил Егоров, глядя то на задержанных, то на мешок с деньгами.

Хан, увидев деньги, посмотрел со злостью на Колуна, процедил:

– Сволочь ты, Колун. Нам не давал, тянул до последнего, надеясь смотаться с баблом?

– На зоне и в СИЗО братва узнает о нём... какой он щедрый с нами был, – сказал Клим и плюнул к его ногам.

– Брат! Я для вас всё это берёг... – попытался оправдаться Колун, но Хан его оборвал:

– Сам-то ты улизнал с тайником, а для нас дверь закрыл на замок, чтобы мы не вошли и не побежали вместе с тобой, сволочь.

– То-то он всё мастерил замки... гад, – отозвался Лиса.

– Да все вы продажные твари, как...

– Прекратить разговоры! – строго потребовал Лапин, и Колун замолк.

Всех их доставили в два районных ИВС и распределили по разным камерам.

Машетов и Кирилин под руководством Лапина стали выполнять работу по процессуальному оформлению задержанных и их допросу, а также производству других следственных действий.

Каневского Лапин в порядке поощрения за проделанную работу, да ещё с таким результатом, отправил домой.

Уезжал он около десяти часов вечера и с собой забрал Буранова.

Тот молча сидел на заднем сиденье, не зная, как поступить с ним. Молчал и Каневский, переваривая всё происшедшее за день, но из проведённой с ним беседы знал адрес проживания его матери. Перед отъездом он

шепнул его водителю, а тот, подъехав к дому Буранова, остановил автомобиль.

– Иди, Юра. Мама, наверное, давно тебя не видела... Обрадуется. Спасибо тебе. Завтра часикам к двенадцати на полчаса загляни ко мне... Вот адрес, – он протянул свою визитку.

– Борис Фёдорович... спасибо вам... за понимание и человечность. Вы бросили мне, тонущему... спасательный круг, и я ухватился за него. Но... хоть до берега ещё далеко... клянусь вам... Я выплыву, чтобы оказаться среди людей на равных. Среди всех задержанных и ещё проживающих в городе есть пять человек таких же, как я. Мы из одного спортклуба. Постараюсь убедить их...

– Вот и постарайся, Юра, – оборвал его Каневский. – Убеди. Пусть завтра явятся с повинной, и я составлю протоколы. Ну, всё... Удачи тебе.

Направляясь домой, Каневский мысленно рассудил, что за день можно совершить немало добрых дел, которые будут направлены на благо встающего на ноги полуразвалившегося государства и болезненно воспринимающего сложившуюся ситуацию народа.

А дома в это время его с нетерпением ожидали Даша и маленький, подающий надежды Дима.

VIII. Кровавая афера

Крупномасштабная территориальность, рост населения за счёт постоянно прибывающих с периферии на постоянное место жительства, усиление криминогенной обстановки, перегруженность в работе органов прокуратуры – способствовали созданию в столице окружных прокуратур с подчинением им межрайонных. Полным ходом шла работа по подбору кадров. Узнав о том, что прокурор района приглашён на должность прокурора округа, Лапин зашёл к нему.

– И на кого вы нас покидаете, Валерий Николаевич? – с шуткой спросил он.

– Кто-то из городской... А ты пойдёшь ко мне замом? Нет... Первым замом? А чего... Считается повышение... Всё-таки вышестоящая структура.

– Можно считать... официальное предложение?

– А разве я шутил? Официальное. Если да, то заносу в графу штатного расписания. Каневский пойдёт? Хотя городская может не дать согласия. Он, конечно, парень толковый... десять других не надо, классный чин юриста 3-го класса досрочно присвоили, представлен к правительственной награде, на хорошем счету... На него уже следственное управление глаз положило и ждёт своего часа... А на сегодня... у него единственный недостаток... новичок в органах. Поговори на всякий случай с ним, а я в кадрах прозондирую.

Спустившись в следственную часть, Лапин зашёл к Каневскому, который завершал подготовку всех объединённых уголовных дел в отношении банды Колуна для передачи в следственное управление прокуратуры города, в соответствии с указанием Герасимова.

– Закончил? Повезём сегодня или завтра? – спросил Лапин.

– Сегодня я дежурный. Утром отвезу с кучей вещдоков, – ответил следователь.

– Жалко, конечно, но с другой стороны, если посмотреть, то мы должны бросить все дела и следственной частью расследовать все эпизоды. Главное мы сделали, а второстепенное пусть они. У нас на каждого следователя приходится по двенадцать дел, а в управлении одно... от силы два. Конечно, они несравнимы... крупные, актуальные, многоэпизодные... да и многотомные. Так я чего зашёл к тебе... Шеф наш уходит прокурором округа, пригласил и меня на должность первого зама. Мы бы хотели и тебя видеть там. Как ты? Согласен?

– Проситься сам не буду... Предложат, пойду. Решение принимать будет управление кадров с руководством города... Думаю, это нереально. Я читал о статусе окружной прокуратуры... а я ведь желторотик, только из яйца вылупился. Одним словом, моя судьба в руках Сергея Ивановича... прокурора города.

В это время зазвонил телефон. Каневский поднял трубку. Дежурный милиции сообщил об обнаружении трупа мужчины в собственной квартире.

Положив трубку, он доложил Лапину и стал собираться. Минут через десять подъехал микроавтобус с оперативно-следственной бригадой, и он уехал.

На улице, возле подъезда скопилось несколько машин и толпа людей. Тут как тут появились телевизионщики и сразу кинулись к Каневскому с просьбой дать интервью.

– В мои обязанности это не входит. Моё дело – тщательный осмотр место происшествия, фиксация вещественных доказательств и расследование дела, а не позировать перед вашей камерой, – ответил он и направился в подъезд.

– Но простите! – возмутился корреспондент. – Вы забыли Закон о печати...

А следователь уже захлопнув дверь подъезда, поднялся на лифте на седьмой этаж. Выйдя на площадку, тут же встретил участкового, у которого поинтересовался категорией трупа.

– Огнестрел, Борис Фёдорович, – ответил тот и сразу стал пояснять то, что ему было известно. – При жизни пострадавший был связан с бизнесом. Жил красиво и богато. Жена отдыхает в Греции... с подругой, дети... мальчик двенадцати лет и девочка десяти в Воронеже у его родителей, а он был один в квартире. По предварительной информации ближе к 12-ти часам ночи у него отключился свет. Его квартира и сейчас обесточена. Похоже на то, что пришедший к Ковалёву с целью убить его оборвал провод возле счетчика и ожидал, когда тот выйдет из квартиры, чтобы заглянуть в щиток, а когда это случилось, он затолкал Ковалёва в квартиру. Тот сопротивлялся, кричал. Крик слышали соседи... я их уже опросил... вот возьмите, – и он передал несколько объяснительных записок. – Но потом преступник пытался наладить энергоснабжение.... Вот смотрите, сколько спичек сжёг.

Каневский посмотрел и увидел на полу лестничной площадки возле энергощита множество почти до конца сгоревших спичек, и провода у одного из четырёх счётчиков оборваны.

– Понятно. Я попрошу вас пригласить двух понятых, и мы с судмедэкспертом войдём в квартиру, – сказал Каневский.

– Так они уже там... в квартире вместе с операми, – ответил участковый.

– Как это? Кто распорядился? – возмутился он и кинулся в квартиру, а эксперт последовал за ним.

На диване в зале сидели две женщины, а два опера расхаживали по комнатам, заглядывая в платяной шкаф, тумбочки, книжные полки и прочее...

– Вы кто такие?! – в повышенном тоне спросил Каневский.

Те подошли в развалку, представились, предъявив удостоверение личности, а следователь занёс их фамилии в протокол. Забрал удостоверения обоих и положил в свой карман. Те стали возмущаться, требуя возврата, но все их возмущения он пропускал мимо ушей, а потом достал из следственного портфеля стекло, пасту и валик, поочерёдно взял у каждого отпечатки пальцев рук и заявил:

– А как вы думали? Надо же отместить ваши следы от следов преступника. На следующий раз будете знать, что заходить и шарить по квартире, в которой лежит труп, нельзя. Ваше дело там за дверью... Находить очевидцев, добывать сведения, способствующие раскрытию преступления. А удостоверения получите у своего начальника. Наверняка он сюда заявится... Пошли вон.

Те, покрутив головами, вышли. Судебный медик, тем временем, убедился, что Ковалёв мёртв, и заявил:

– Стреляли дважды и оба раза смертельно... Первый с близкого расстояния в сердце, а второй... наверняка, контрольный... в голову. Пуля прошла насквозь и торчит в полу под его головой.

Каневский пообщался с понятыми и, убедившись, что одна из них может быть хорошим свидетелем, записал её данные и проводил из квартиры, а участковому поручил найти замену.

Спустя пять минут вошёл мужчина лет семидесяти, седой с орденскими колодками на груди, оказалось, проживает этажом выше. После соблюдения всех процессуальных формальностей Каневский приступил к детальному осмотру.

Сгоревшие спички валялись по полу в каждой комнате. Разбросанные вещи, книги с книжных полок и прочее свидетельствовали о том, что тот или те, кто совершил убийство, усердно что-то искали. Криминалист в это время работал над выявлением и изъятием на дактоленту следов отпечатков пальцев рук.

Каневский, закончив осмотр, извлёк пулю, собрал в конверт все сгоревшие спички, а одну взял пальцами и разглядывал, примеряя к своим пальцам. Криминалист, увидев занятие Каневского, спросил:

– Что можно увидеть в сгоревшей спичке?

– Не в спичке дело, а в том, как преступник держал её, ощущая огонь. Либо кисть была в перчатке, либо что-то вроде протеза. Это ведь не одна сгорела, а все.

– И точно. А я как-то не обратил на это особого внимания.

– Сжечь коробок спичек, можно поджарить пальцы. Это надо взять на заметку. Как насчёт следов пальцев рук? Есть где-либо?

– Есть. На дверцах шкафов и тумбочек, ящиках стола, предметах кухни и так далее. Но это не значит, что их оставил преступник. Могут быть пострадавшего, его членов семьи, друзей, знакомых, не имеющих к убийству никакого отношения...

– Оперов наших... – дополнил Каневский.

– И оперов тоже.

Возвратившись в свой кабинет, Каневский набросал черновик плана работы по делу и стал размышлять над ним, что позволило несколько дополнить его. Открыв папку учредительных документов по ресторану, он лист за листом читал, делая в свой блокнот пометки, и вдруг обнаружил несколько вырванных листов. От них остались в местах крепления лишь мелкие частицы. Девять листов оказались не закреплённые и небрежно вложенные среди других. Некоторые из них являлись договором купли-продажи ресторана «Русич» и всего имущества, находящегося в нём, заверенного нотариусом три дня тому назад. Здесь же находилась копия расписки, данной Гульчику Иллариону Моисеевичу о получении Ковалёвым от него денежной суммы два с половиной миллиона долларов, как плату за проданный ресторан. В конце расписки двое свидетелей удостоверили, что эта сделка совершена в их присутствии. Её дата соответствовала договору купли-продажи. К расписке был приколот акт передачи ресторана и всего, что находилось в нём, скреплённый подписями, в том числе подписью Ковалёва. По дате было понятно, что сделка совершилась за сутки до его убийства. На все эти доку-

менты Каневский обратил особое внимание и решил начать работу с них. Напрашивалась связь продажи ресторана и убийства, притом что произошло оно, когда жена Ковалёва отсутствовала.

Спустившись на первый этаж и подойдя к окошку милицейской охраны, Каневский попросил сидящего за столом сержанта:

– Ко мне приедут по вызову граждане... Пусть ждут. Я скоро вернусь.

Тот кивнул головой и, показывая пальцем на двух девушек, сообщил:

– Заявляют о попытке изнасилования. А вы, Борис Фёдорович, дежурный.

Тот глянул на них изучающим взглядом и, видя, что одна из них с зарёванным лицом в порванном платье и со свёртком в руках вновь готова расплакаться, спросил:

– Заявление написали?

– Вот оно, – и подруга протянула лист бумаги, а вторая начала всхлипывать.

– Кто это сделал, знаете? – задал очередной вопрос следователь, принимая заявление.

– Знаем. Она познакомилась с ним вчера вечером. Они были в ресторане, а после он проводил её домой, и там всё случилось, – пояснила подруга.

– Так он добился своей цели или только пытался? Это имеет значение для того, чтобы знать... что надо делать сейчас.

– Пытался, – ответила всё та же.

– А почему не добился?

– Так в это время я пришла. Мы живём в одной квартире... снимаем у одной старушки, а та живёт на даче.

– Понятно... И кто этот негодяй?

– Михаил. Фамилии не знаем. Живёт через дом от нас в квартире № 47. Работает в таксопарке № 1.

– Ваша подруга глухонемая?

– Да вы что? Нет, конечно.

– А почему за неё вы отвечаете на все вопросы?

– Ну-у... она же в расстроенных чувствах.

Каневский кивнул головой и, подойдя к столику для посетителей, достал бланк направления на медосвидетельствование, заполнил его и вручил пострадавшей.

– После медосвидетельствования сразу ко мне. А одежду он порвал? – видя, что та кивает головой, подтверждая, продолжил: – Дома переоденьтесь и всю одежду с повреждениями принесите. Кроме платья ещё что-то?..

– Трусики, лифчик, – произнесла пострадавшая.

– Значит и это тоже. Всё понятно?

Обе закивали головами. Каневский показал им рукой на дверь, а сам позвонил начальнику РОВД «Митино» Марфичеву.

– Александр Анатольевич, доброго здоровья, Каневский у телефона... Просьба к вам... Девушка к нам обратилась с заявлением о попытке изнасилования, и надо задержать покусителя, а я к вам заеду.

– Без проблем, Борис Фёдорович. Диктуйте адрес...

Каневский продиктовал, поблагодарил, положил трубку и уехал в ресторан.

Он оказался закрытым по техническим причинам, о чём гласило бумажное объявление на двери. Он начал стучать в дверь. Никто не открывал. Тогда он принялся сильнее стучать... наконец, дверь открылась. Вышел дюжий верзила со стриженной головой в чёрном костюме.

– Чё... слепой? Объявление не видишь? – с возмущением начал он.

Каневский предъявил ему удостоверение и потребовал пропустить его, но тот перекрыл собой дверной проём, заявив:

– Сказал... ресторан закрыт. Идёт смена власти. Приходи завтра, а сегодня ты не войдёшь.

– Если ты ещё раз мне так ответишь, я вызываю ОМОН и войду, но все вы тогда будете лежать лицом вниз, – предупредил следователь.

Тот замаялся, окинул орлиным взглядом Каневского с ног до головы, а потом уже поспокойнее сказал:

– Я доложу начальству, как оно решит, так и будет. Да – войдёшь, а нет... и суда нет.

Закрыв на замок за собой дверь, он ушёл, а Каневский для себя заключил: «Что-то они торопятся и прячутся. С чего бы это?»

Прошло минуты две. Дверь загремела и открылась. Внутри стоял всё тот же верзила.

– Заходите, – объявил он и встал в сторону.

Войдя в зал ресторана, Каневский обратил внимание, что персонал сидел за столиками ближе к стойке бармена и кухни, а подальше в глубине зала – четверо мужчин и женщина сидели за двумя сдвинутыми столами с ворохом бумаг на них. Направившись к ним, подошёл, представился.

Холёный с седыми висками и проблесками лысины на голове мужчина, сидевший в центре, пристально смотрел на Каневского, не отвечая на приветствие, спросил:

– Вы по какому вопросу?

– А вы вообще-то кто здесь? – вопросом на вопрос ответил следователь. – Я представился, а вы-то кто?

– Новый владелец ресторана... Гульчик Илларион Моисеевич...

– А где старый? – следующим вопросом оборвал его Каневский.

– Он... это... умер, – как-то несмело известил Гульчик, бросив взгляд на мужчину, сидевшего крайним справа.

– Кто это вам сказал? Он нездоров, но жив. Находится в настоящее время в реанимации после операции, – добросовестно солгал следователь и сразу же обратил внимание, как разволновались Гульчик и этот мужчина справа.

Они несколько раз с удивлённым видом переглянулись. Но у мужчины был взгляд больше виноватый, чем удивлённый, а у Гульчика больше ошеломлённый, но в то же время и возмущённый. Ему как будто так и хотелось задать тому вопрос: «Почему?» Эта перестрелка взглядами не прошла мимо внимания Каневского. После такого сообщения Гульчик совсем потерял дар речи и, не зная, что сказать по этому поводу и как себя вести, молча смотрел на следователя.

– Я прошу всех предоставить личные документы, – продолжал следователь. – А вас, – он обратился к Гульчику, – все правоопределяющие документы... как нового владельца.

В это время он почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Повернувшись, он увидел того верзилу, что был у входа в ресторан.

– Станьте вон туда, – обратился к нему Каневский, указывая пальцем в сторону. – Нето у меня может сработать инстинкт самозащиты, и я могу ненароком выстрелить в того, кто подкрадывается сзади.

Тот выполнил его требование. Следователь же принял личные документы присутствующих и ожидал, когда его просьбу исполнит Гульчик. А он всё копался в карманах, потом извлёк из своего портфеля паспорт.

Каневский, присев к торцу стола, переписал в свой блокнот все интересующие сведения из паспортов и принялся изучать документацию о купле-продаже ресторана. Возникающие вопросы записывал себе на заметку... в конце объявил:

– Возникает много вопросов и сомнений, а поэтому я изымаю все эти документы до окончательной проверки.

Гульчик переглянулся всё с тем же мужчиной, лицо его стало бледнеть, потом резко вскочил со стула, возмущаясь:

– Безобразие. Я буду жаловаться... Я так не оставляю... Почему я должен нести убытки? Это произвол...

– Ваше право. Жалобу направляйте по инстанции... межрайонному прокурору, а потом прокурору округа, если полученный ответ вас не удовлетворит, – прервал его Каневский своими разъяснениями, а сам в это время составлял протокол изъятия и как бы между прочим спросил: – Ваша основная работа?

– Владёю несколькими торговыми точками в районе станции метро «Планерная»... Рынок там есть, – ответил Гульчик.

Когда с вопросами было покончено, он поднялся, окинул взглядом зал и, остановив его на сидящем в стороне коллективе ресторана, спросил:

– Кто из вас главный после владельца... Ковалёва?

Поднялась седоволосая женщина лет сорока пяти, подошла к Каневскому и представилась:

– Это я. Исполняющий директор ресторана Крайнова Зинаида Степановна.

– Так вот, Зинаида Степановна, ресторан и его коллектив должны работать, как и прежде. Вся документация о смене владельца будет подвергнута тщательной проверке и экспертизе в ходе расследования дела, – сказал ей Каневский, потом, повернувшись к Гульчику, потребовал: – А вас со своей командой я попрошу покинуть это помещение. После соответствующей проверки изъятых у вас документов... при данном раскладе... вы продолжите. Всё... Вот вам копия протокола об изъятии, в нём перечислены все документы. А теперь встали и вышли. Вас, гражданин Гульчик, я жду завтра к десяти утра в своём кабинете.

– Мы отсюда никуда не уйдём. Это беззаконие. Я вызову сюда своего юриста... адвоката... Документы нотариально заверенные, – возмущался тот. – Ну как быть? Как быть? Мне же лететь... – вырвалось у него, и он замолк.

– Вы что, напрашиваетесь на то, чтобы я вас задержал и отправил за решётку, как подозреваемого в совершении столь тяжкого преступления? – пригрозил следователь. – Это я мигом. Где у вас телефон?

– Не стоит... Мы уходим, – ответил Гульчик и понуро удалился вместе со всеми следовавшими за столом и верзилой в том числе.

Весь коллектив кинулся к следователю. Каждый наперебой благодарил его. Из рассказов тот узнал, что Гульчик объявил об увольнении всех, ссылаясь на то, что у него есть свой кадровый состав. А при беседе с

Крайновой стало известно, что за месяц до отъезда супруги Ковалёва на зарубежный курорт, Гульчик дважды приезжал с ней в ресторан, и оба раза в то время, когда Ковалёв отсутствовал в нём. Это усилило сомнения следователя в чистоте документации о смене владельца. Узнав в ходе беседы, что городской телефон находится в кабинете Крайновой, он попросил оставить его одного и стал звонить начальнику РОВД «Митино». В ходе контакта попросил его связаться с главным врачом больницы, чтобы тот оказал поддержку и помощь в проведении операции в части создания мифа, что Ковалёв жив и находится в реанимационном отделении после хирургического вмешательства. Одновременно необходимо было засекретить нахождение Ковалёва в морге. Тот не стал звонить по телефону, а сам срочно выехал в больницу, а потом и в морг. Эти два крайне важных вопроса были решены менее чем за полчаса.

Как только это случилось, начали поступать звонки в морг и больницу от лиц, представившихся родственниками Ковалёва, которых на самом деле в Москве не было.

Не остановившись на этом, Каневский, понимая, что после такой неудачи, Гульчик будет принимать меры по спасению положения, позвонил Лапину и завуалировано попросил в самое короткое время решить вопрос о законной прослушке телефонных разговоров Гульчука по городскому и мобильному телефонам. Пользуясь моментом, спросил:

– Сергей Валерьевич, я смотрю, многие уже имеют мобильные телефоны и от пейджеров отказались. Нельзя ли нас, следователей, обеспечить. Это бы очень

положительно отразилось на результатах нашей работы.

– Уже занимаемся этим вопросом. Так что думаю, в пределах текущей недели будет у тебя телефон.

Пригласив на следующий день для допроса несколько человек из числа работников ресторана, Каневский вышел на стоянку автомобиля. Ему вдруг вспомнилось растерянное лицо Гульчика, его блуждающий взгляд и ответы на вопросы, которые он давал замедленно, обдумывая. Вспомнил он и то, что ему куда-то надо было лететь. «Интересно когда, куда и зачем? Эти вопросы я хотел задать ему завтра. А что если забежать на минутку на рынок и пообщаться с продавцами его торговых точек? А что я теряю? Всё равно это сделать надо. А потом навещу нотариуса в РОВД к этому насильнику», – размышлял он.

До упомянутого рынка было рукой подать. Узнав у администратора Ахубы номера торговых точек Гульчика, уже собрался навестить их, как тот спросил:

– А он разве вернулся?

– Поясните, Валерий Иванович, откуда? – насторожился Каневский.

– Чуть больше недели я его видел... За аренду он платил... и говорил, что едет отдыхать в Грецию. С ним ещё была миловидная женщина... Всё его под руку держала, а глаза путаны... Заглядывает прямо в душу, – ответил Ахуба.

– Валерий Иванович, я слышал вы из Сухуми... полковник милиции, а здесь на рынке заведуете. Не противно ли?

– А что делать? Жить-то надо и не только самому, но и семью содержать. Грузинско-Абхазская война за-

ставила бежать в Россию-матушку, за что я ей благодарен.

– Но вы же абхаз, не грузин?!

– Абхаз, но жена грузинка.

– Ну да ладно. Извините. Я просто ради интереса спросил, потому как хотелось видеть вас в другом качестве.

– Придёт время, буду и в другом.

Каневский ушёл к торговым точкам. В первой работала полная светловолосая Анна. Отвечая на его вопросы, она пояснила, что работает продавцом у Гульчика второй год, и что тот часто навещается, особенно в дни инкассации. Анна подтвердила слова Ахуба в части сопровождающей Гульчика молодой женщины.

– Жена его, наверное? – спросил следователь.

– Жену я знаю... Зоя, простенько одетая и добродушная, а эту Ларисой звали, но он её Лорой называл. Глаза у неё как у той... прости господи... ну гулящей девки, которая таким способом деньгу заколачивает.

Вызвав повесткой её к себе в кабинет, Каневский уехал в нотариальную контору. Чуть прихрамывающий нотариус Суриков принял его недружелюбно, нервничал, подгоняя к завершению общения, ссылаясь на занятость.

– Да, были здесь оба... составили договор купли-продажи ресторана. Оба шутили, смеялись, Ковалёв получил свои деньги, и они ушли. Всё у меня по закону, – пояснил нехотя он. – До свидания.

– А согласие жены? – не собираясь уходить, спросил Каневский.

– Она дала согласие. Вот оно. С ними же она была... при Ковалёве дала... и с ним же уехала.

Каневский обратил внимание на устройство видеокамеры, но интересоваться не стал, оставляя это для привлечения специалистов. Открыв портфель, он достал бланк протокола допроса свидетеля, авторучку и, глянув на Сурикова, сказал:

– Ваши показания я занесу в протокол.

– Но вы мешаете процессу моей работы, – возмутился тот и нервно задёргался в кресле.

– Вас что... доставить в прокуратуру для допроса? Я тоже выполняю свою работу и подстраиваться под ваши условия не собираюсь. Закрывайте свой сейф и поехали, – твёрдо заявил следователь.

Нотариус насупился, глядя в стол, и казалось о чём-то размышляет, а потом вдруг подобрел, лицо скривилось в искусственной улыбке, и он уже заговорил примирительным тоном:

– Ладно... пишите. Допрашивайте здесь.

Зафиксировав его показания, Каневский ни единого разу после того, как увидел аппаратуру видеонаблюдения, не взглянул на неё, боясь насторожить нотариуса.

Перед тем, как распрощаться, ещё и успокоил его своим заявлением о том, что к нему и его конторе у следствия претензий нет... выехал в РОВД.

Не успел он войти, как дежурный из-за стойки крикнул, поправляя на рукаве красную повязку:

– Борис Фёдорович! У нас Ищенко Михаил Захарович, задержанный за покушение на изнасилование!

– Я в курсе. Давайте мне его. Следственный кабинет свободен?

– Нет. Там очную ставку проводят. Рядом соседний. Он не закрыт, а этого... я сейчас приведу.

Зайдя в кабинет, Каневский опустился за стол в шарканное до дыр кресло и сразу ощутил затхлый, бьющий в нос запах милицейских учреждений. Закрыв глаза, он ненадолго окунулся в размышления о своей работе, обязывающей не ошибаться в решении человеческих судеб. И, конечно, нельзя допустить, чтобы невиновный оказался за решёткой, а ещё того хуже – был осуждён. «С Божьей помощью руководство моё посадило меня в кресло следователя, значит, я должен оправдать оказанное доверие с полной самоотдачей и строго блюсти закон плюс при этом оставаться чутким и справедливым», – но поток мыслей прервал дежурный, доставивший задержанного.

– Проходите, Михаил Захарович, и присаживайтесь, – показывая на стул, сказал следователь, представившись... – У меня на проверке заявление Риты Сусловой о покушении на изнасилование. Что скажете по этому поводу?

– Борис Фёдорович, клянусь вам самым святым... мамой и Богом... Не было этого. Чистейший оговор.

– Но вы такую знаете?

– Знаю и её, и её подругу Зину. Они обе приехали с Житомирской области. Зина, как она пояснила, ранее работала учительницей начальных классов. Но с тяжёлым экономическим кризисом в Украине бросила работу и с Ритой уехали на заработки в Москву. Рита моложе её возрастом года на четыре, а может быть и больше.

– Вы знали их раньше?

– Нет, конечно. Познакомились в кафе, а потом они пригласили меня в свою квартиру. Рита как-то ко мне больше липла, а в квартире по её просьбе я помогал на кухне, а Зина сервировала стол. В разговоре их обоих

больше интересовал не я, а моя работа, доходы и жильё. Что я помню... это то, что мы сели за стол, выпили, и у меня всё поплыло, а потом я отключился. Правда, мы и в кафе пили спиртное. Когда же я пришёл в себя, то был раздетым до трусов. Моя одежда беспорядочно валялась на полу, тут же лежали порванный лифчик и женские трусики, а на стуле сидела Рита с мокрым от слёз лицом. На ней было порвано платье. Зина сразу накинулась на меня... стала ругать, оскорблять и допытываться, почему я так сделал с Ритой.

– Сколько спиртного вы выпили?

– В кафе бутылку «Столичной» на троих, а в квартире после первой рюмки я отключился. Такого со мной никогда не было. Я мог выпить один бутылку водки и не терять самообладание, а чтобы вот так отключиться, этого никогда не было.

– Ну, вы допускаете, что пытались изнасиловать Суслову?

– Ни в коем случае. Я никогда не шёл против воли женщины и лично презираю такое. Всё должно быть при обоюдном согласии и исходить от сердца. Это я вам говорю не ради красного словца и чтобы уйти от ответственности. Проанализировав всё... знакомство, встречу, разговоры, выпивку, я пришёл к выводу, что они обе мошенницы. Не я к ним подошёл, а они ко мне, не я напрашивался к ним в квартиру, а они позвали... притом настоятельно. Кто-то из них что-то подлила мне в водку. А Зина, когда я очнулся... кричала, кричала, а потом потребовала три тысячи баксов, мол, тогда они не будут обращаться в милицию. К тому же я обратил внимание, что на Рите платье было не то, в котором она была одета в кафе и за столом в квартире.

С учётом того, что я не видел своей вины... я и отказался платить. Они и кинулись в милицию. Я прошу вас, разберитесь в этой злополучной истории. Надежда только на вас.

Каневский вынул бланк допроса и положил перед Ищенко, которому кивнул головой, предлагая:

– Излагайте всё и как можно подробнее.

Пока он собственноручно описывал все события, Каневский взял в канцелярии книгу учёта происшествий и алфавитную книгу учёта поступивших заявлений граждан и, возвратившись в кабинет, стал изучать их. Под буквой «С» он нашёл в алфавитной книге две записи, датированные 2-м апреля и 7-м июля, свидетельствующие о том, что Суслова Рита Савельевна обращалась с заявлениями по поводу попытки изнасилования Мироновым и Гуськовым. В книге учёта происшествий была обнаружена запись об изнасиловании 3-го июня Сусловой ранее судимым за кражи Гуйваном, и что этот материал получил следователь прокуратуры Машетов. Значился и номер возбуждённого уголовного дела. Тогда он вновь поднялся в канцелярию и попросил предъявить ему материалы по заявлениям от 2 апреля и 7 июля.

Спустя несколько минут требуемые материалы лежали у него на столе. Прочитав оба заявления Сусловой, объяснительные записки Миронова и Гуськова и встречные заявления той же Сусловой об оговоре тех по причине допущенных ими оскорблений и унижений. Их объяснительные как две капли воды были похожи с объяснением Ищенко. Воспользовавшись тем, что в объяснительных Миронова и Гуськова были отражены не только адреса проживания, но и номера до-

машних телефонов, он позвонил и поговорил с обоими. Те под конец разговора поняв, что от них хочет следователь, заявили, что, не желая огласки, заплатили Сусловой по две тысячи долларов, а фактически попытку изнасилования отрицали. Вызвав их к себе на утро, Каневский оформил изъятие материалов, а перед Ищенко положил лист бумаги и предложил написать заявление в отношении Сусловой и Корниенко о привлечении их к уголовной ответственности.

Отпустив его до утра домой, Борис вернулся на своё рабочее место и доложил о результатах выезда прокурору. В отношении девушек тот был крайне удивлён, а по результатам выезда в ресторан и к нотариусу долго беседовал с Каневским, а потом вместе набросали план работы по делу с перечнем экспертиз, которые необходимо было назначить и произвести.

Домой Каневский возвратился уставшим, поговорил с женой, поиграл с сыном и незаметно уснул. Только поспать ему не довелось. До конца его дежурства оставалось четыре часа и дежурный РОВД «Северное Тушино» своим звонком разбудил его:

– Извиняюсь, Борис Фёдорович, за ранний звонок. Покушение на убийство Гульчика. Это тот, который ресторан Ковалёва купил...

– Как это произошло?

– Позвонила в дверь якобы соседка с криком, мол, кран в ванной забыли закрыть. Ну, жена Гульчика и открыла дверь. Её оглушили сразу возле двери, а в Гульчика преступник выстрелил дважды. Очнувшись, она вызвала «скорую» и позвонила нам. Его сейчас оперируют. Дежурный автомобиль у вашего подъезда.

– Хорошо. Я выхожу.

Возле квартиры Гульчика он застал участкового, опера и двух уже приглашённых понятых. Зная требовательность Каневского, они в квартиру не заходили. Участковый стражу доложил, что супруги Гульчики в больнице, поэтому осмотр места происшествия будет производиться без их участия.

После осмотра следователь изъял две стреляных гильзы от пистолета «Макаров» и пулю, опечатал квартиру и выехал в больницу.

Идя по коридору, заполненному запахом медикаментов, Каневский увидел сержанта милиции возле одной из палат и подумал: «Наверное, по моей просьбе. Буду уходить, поговорю... не посещал ли кто-либо много Ковалёва». К этому времени Гульчик после операции находился в реанимации, а его супруга с забинтованной головой в палате. Её лечащий врач заявила, что она находится в стабильном состоянии и угрозы для жизни нет, что через пару дней будет выписана для амбулаторного лечения. С разрешения врача Каневский посетил жену Гульчика, которая рассказала:

– Ночью в дверь позвонили. Когда я спросила, кто звонит и по какому поводу, то женщина начала кричать... ругаться... что мы затопили её квартиру. Я побежала к кранам и ничего не обнаружила, о чём через дверь сообщила ей. А она... мол, из вашей ванны льётся вода. Стала грозить милицией. Ну, я дура и открыла для того, чтобы она сама убедилась. В квартиру ворвался человек в маске и сходу ударил меня пистолетом по голове. Я потеряла сознание и уже не слышала, как стреляли в мужа, а когда очнулась... тут и обнаружила его там, где он и спал... весь в крови... Я и вызвала «скорую» и в РОВД позвонила.

– Женщину, ту, которая звонила в дверь, видели, – спросил следователь.

– Нет. Его одного видела.

– Что-нибудь необычное в нём запомнилось?

– Ничего такого... Хотя... жёлтый... золотой круглый кулон на белой, а может серебряной цепочке. Он как будто вывалился из-под одежды и висел поверх рубашки в клетку. Это всё.

– А о покупке ресторана вашим мужем что вам известно?

– Ничего. Я в его дела не вникала, и он меня не посвящал. Но то, что вы сказали, меня удивляет. Он, как я краем уха слышала, вложил все деньги ещё полгода назад в какую-то строительную компанию и до сегодняшнего дня жаловался на отсутствие средств, необходимых для завершения строительства нашего загородного дома. Поэтому за эти полгода купить ресторан не мог. Да и долги у него крупные. Он занимал у кого-то деньги под проценты, потому как не хватало той суммы, которую необходимо было перечислить строительной компании. Простите... а не могли бы мы поговорить днём позже... Сильно голова разболелась.

– Да, конечно. Перед выпиской вы мне позвоните, – и он вручил ей свою визитку. – Квартира ваша мною опечатана, и я вам её открою. Вот тогда и поговорим. Поправляйтесь.

Выйдя из палаты, Каневский направился к сержанту милиции. Проходя по коридору, в конце его он увидел сидевшего сержанта, и когда к нему направлялся, то видел, что с ним о чём-то разговаривал врач в маске. Но в этот момент женщина в белом халате стала громко

отчитывать медсестру за то, что та дала таблетки совсем не тому больному и этим непроизвольно отвлекла внимание Бориса. Вернув свой взгляд на сержанта, он увидел его в неестественной позе, наклонённым набок, насторожила голова, упавшая на грудь. Врач в маске быстро шёл от него навстречу Каневскому. Проходя мимо, он бросил на Каневского тревожный взгляд, который тот поймал и ускорил шаг.

Увидев, что в груди сержанта торчит нож, Каневский резко повернулся, крикнув:

– Эй, вы! А ну-ка стойте!

Врач в маске оглянулся и тут же пустился бежать.

Каневский, крикнув проходившей медсестре, чтобы она вызвала врача сержанту, на ходу доставая пистолет, бросился за ним по лестнице на первый этаж, куда тот бежал со всей скоростью, пытаясь скрыться. На лестничной площадке он затормозился и выстрелил в Каневского. Пуля пробила его одежду в области левого плеча, содрал кожу. Он почувствовал, как ручьём по груди потекла тёплая кровь. Пригнувшись, они оба одновременно выстрелили. Вторая пуля пробила одежду в области левого рукава, не задев Каневского. Зато его пуля настигла преступника, угодила ему в левую ногу чуть ниже живота, и он, упав на площадку, поднял пистолет на Каневского.

– Не стоит. Ты всё равно не уйдёшь. Брось пистолет, – потребовал следователь, удерживая того на мушке.

Бандит медленно стал опускать пистолет, а потом вдруг резко поднял руку, пытаясь выстрелить в следователя, но тот опередил его. Раздался выстрел, и пистолет бандита упал на площадку, а следом опустилась и окровавленная рука мнимого врача.

– Пожалел я тебя, подлеца, – сказал, подходя, Каневский, ногой отбросив пистолет в сторону. – Ты ещё суду понадобишься.

Сорвав с него маску и увидев знакомое лицо, скривлённое от боли, он обратил внимание на серебряную цепочку на шее, которую тут же сорвал. На ней оказался золотой круглый кулон.

– Вызови же врача, – простонал лежащий.

– Так вот кто совершил нападение на квартиру Гульчика, – воскликнул следователь и сел на подоконник, не отводя взгляд с раненого. – Ты же с Гульчиком сидел тогда за одним столом в ресторане.

– Врача вызови... ментяра! – закричал тот.

– Ага, ты будешь меня оскорблять, а я должен спасти тебя. Твоя фамилия? Назови себя.

Раненый корчился и, схватившись руками за место ранения, стонал.

– Вызови, вызови же врача...

– Фамилия? – оборвал его Каневский, и тут он ощутил боль в плече и влажность рубашки.

Но, зажав рукой рану, продолжил:

– Назови фамилию, и я вызову врача.

– Яковлев, – тихим голосом процедил он.

– Ещё два вопроса, и врач будет здесь... Почему ты так поступил с сержантом милиции?

– Он... оказался не в том месте и не в то время... Охранял пустую палату, а я, дурак, клюнул на ловушку.

– Тебе нужен был Ковалёв?

Яковлев, продолжая стонать, зло посмотрел на Каневского и сделал движение к лежавшему на полу в двух метрах пистолету. Следователь поднял пистолет.

– Да... я Яковлев, – в глазах читалась злость. – А мне был нужен Ковалёв.

– И Гульчик тоже?

– И Гульчик тоже. Больше я ничего не скажу...

Его прервал резкий скрип открывавшейся двери, в проёме появилась женщина в белом халате и, увидев лежавшего в луже крови Яковлева и раненого Каневского, растерялась.

– Я следователь прокуратуры Каневский, – представился он. – Вы врач?

– Да я врач.

– Окажите ему помощь...

Она кинулась назад, но Каневский окрикнул её:

– Пойдите! Вы куда?

Она остановилась:

– Взять всё необходимое и носилки тоже.

– Сестричке поручите, пусть вызовет наряд милиции.

Женщина побежала, а Каневский, глянув на Яковлева, продолжал задавать вопросы:

– Кто вам поручил всё это сделать? – перейдя на «вы», спросил следователь.

– Не скажу больше ни слова.

– Вы уже, как говорится, приплыли... В ваших интересах сотрудничать со следствием. Нето можно схлопотать пожизненное... Ковалёв, Гульчик, сержант... для этого достаточно. Может всё-таки ваш разум возобладает?

В это время вернулась врач в сопровождении двух парней в белых халатах с носилками. Остановившись в нерешительности, она посмотрела на Яковлева и следователя:

– Начну с вас, Каневский. Снимите верхнюю одежду.

– Начните с него, – сказал тот, указывая на Яковлева.

Такой жест мимо бандита не прошёл, и он уже теплее стал смотреть на следователя, а когда врач стала ножницами разрезать штанину, сказал ему:

– Поправлюсь чуток... приходи... поговорим.

– О-о! – воскликнула врач. – Ему нужна операция. Быстро на носилки и в операционную.

Пришедшие с ней два парня послушно положили Яковлева на носилки и понесли, а Каневский вынул наручники и подал врачу.

– Пристегните его на всякий случай. Так будет надёжнее.

Та засмеялась, покачала головой, но наручники взяла и уже собралась оказать помощь Каневскому, но тот отказался.

– Заживёт. Идите. Вам же того оперировать надо.

– Я не хирург. Там есть кому. А ну-ка быстро снимите верхнюю одежду, – в приказном тоне потребовала она.

Каневский сдался и молча стал снимать пиджак и рубашку. В это время появился милицейский наряд и Лапин с ним. Узнав, что субъект преступления находится в операционной, он распорядился о подготовке наряда к его охране, а сам остался с Каневским и выслушал доклад о происшедшем.

Минутой позже прибыл Машетов и сразу же приступил к осмотру места происшествия.

– Миша, наверное, начни с трупа сержанта. Он там, в коридоре... – посоветовал Каневский.

– Он к счастью живой, – отозвалась врач, заканчивая перевязку. – Лезвие ножа прошло рядом с сердцем. Просто в рубашке родился.

Лапин, посмотрев на Каневского, покачал головой со словами:

– Этот тоже... не только в рубашке, но и в майке. С Богом парень дружит. Столько раз он уже заглянул смерти в глаза... не счесть, – встав ровно, поднял голову к потолку и, перекрестившись трижды, дополнил: – Спасибо тебе, Господи, за моего друга... за хорошего человека и моего подчинённого. Да, Боря... кстати... с завтрашнего дня я работаю в окружной прокуратуре, а на моё место придёт младший советник юстиции Клестов Александр Александрович... спокойный, рассудительный и грамотный юрист. Насколько я помню, на следствии он лет пять, а вне моей памяти значительно больше. Ну, ты не передумал?.. Может с нами в округ?

– Нет, Серёжа. Спасибо...

– А если в приказном порядке? – перебил Бориса Лапин.

– Приказ – закон для подчинённого. Для меня одного взгляда Герасимова Сергея Ивановича достаточно, – уверенно ответил тот.

– Ну, хорошо. Там будет видно. А ты давай сейчас домой. Всё, что запланировал на сегодня, откладывай на завтра.

– Не могу. Я много народу вызвал на сегодня, а повторить будет сложно.

Выйдя из больницы, Каневский вспомнил, что ему сегодня потребуется фотография Ларисы Ковалёвой, поэтому, воспользовавшись тем, что её квартира находилась по пути, заехал. Вскрыл опечатанную дверь, изъясил из альбома фотокарточку, восстановил опечатку на двери и возвратился в свой рабочий кабинет.

Не успел он сесть на своё рабочее место, как в дверь на несколько секунд заглянула заведующая канцелярией Марина, сообщив:

– Борис Фёдорович, ваша жена просила позвонить.

– Спасибо! – вдогонку крикнул он ей, уходящей.

Борис глянул в окно туда, где красовалась вывеска фотосалона. «То, что и требуется», – решил он и, схватив фото Ковалёвой, направился в фотосалон. Там из одной сделали несколько, а по возвращению, изготовив три фототаблицы для предъявления на опознание, стал ожидать вызванных свидетелей.

Первой пришла Анна – продавец Гульчика, которую Каневский допросил и предъявил фототаблицу с фотокарточкой Ларисы Ковалёвой. Она безоговорочно указала на неё.

– Да, это с ней Гульчик частенько приезжал на рынок, – так утверждал Валерий Иванович. И думаю... он с ней и в Грецию уехал... – после этих слов Каневский позвонил в транспортную прокуратуру и попросил проверить вылет в Грецию Ковалёвой Ларисы и Гульчика.

Спустя полчаса получил подтверждающий ответ, который гласил не только их совместный вылет, но и в самолёте у них места были рядом. Кроме того, сообщили и дату внезапного возвращения в Москву Гульчика, тогда как Ковалёва оставалась на острове Крит.

Получив санкцию на производство обыска по месту проживания Яковлева, Каневский отдельным поручением исполнения поручил после детального инструктажа обыск операм РОВД «Митино». В его квартире те обнаружили пистолет «Макарова», боеприпасы и перчатки с обгоревшими краями пальцев. Когда сообщили об этом Каневскому, он сказал:

– Значит, не зря я собирал сгоревшие спички. Ещё одно доказательство его вины будет.

Отпустив Ахубу, Борис позвонил своему тестю в МВД России и попросил оказать содействие в получении телефонных переговоров между Ковалёвой и Гульчиком. Тот записал все необходимые данные и спросил:

– Как срочно надо, Борис?

– Сегодня к десяти утра, – ответил Каневский и глянул на часы, которые показывали девять.

– Понял. Постараюсь.

– Спасибо, Пётр Степанович. При возможности отплачу, – сказал Борис.

– Да уж постарайся, – с шуткой ответил тот.

Положив трубку, Каневский позвонил начальнику РОВД «Митино» и попросил изъять видеокассету в помещении нотариальной конторы, заверив, что отдельное отпечатанное поручение о производстве этого следственного действия будет сегодня у него на столе. После этого посмотрел на часы, удивляясь, что нет вызванных на это утро, вышел в коридор, а там увидел сидевших и о чём-то шепчущихся Суслову и Корниенко.

– Почему не заходите? – спросил он их.

– Ждём, когда пригласите, – сказала Корниенко любезным тоном, дежурно обольстительно улыбнувшись.

– Заходите, – сказал следователь и бросил взгляд в окно, где увидел идущего от автобусной остановки к зданию прокуратуры Михаила Ищенко. – Присаживайтесь, – сказал он женщинам, указывая на стулья, а сам, прикрыв дверь, направился в кабинет Машетова,

который только что вернулся после проведённых следственных действий в больнице.

– Миша, у тебя есть дело об изнасиловании Сусловой ранее судимым Гуйваном. Он арестован?

– Безусловно, – ответил тот.

– Вину свою признаёт?

– Отрицает. А в чём дело?

– Будем выпускать и извиняться, – сказал Каневский и детально объяснил ему складывающуюся ситуацию. – Ты возьми одну из них и допроси, а я вторую, а потом займись с Ищенко.

– Без проблем. Идём.

Выйдя из кабинета, Каневский увидел Ищенко в коридоре, показал ему жестом подождать и вошёл с Машетовым в свой кабинет.

– Вы, – обратился он к Корниенко, – идите со следователем Машетовым, а вы, – сказал он Сусловой – садитесь поближе к столу.

Те тревожно переглянулись, и Машетов с Корниенко вышли.

Прагматическая обусловленность развития свалившихся за последние дни и часы разных по своей тяжести событий требовала от Каневского предельной внимательности не только к каждому поставленному вопросу, но и при получении на него ответа.

– Вы по-прежнему категорично настаиваете на преступных посягательствах на вашу честь Михаила Ищенко? – уточнил он у Сусловой.

– Безусловно, – ответила та.

Каневский записал свой вопрос и её ответ в протокол допроса и дал ей прочесть и расписаться. Так он поступал впоследствии постоянно.

– Вам разъяснили об уголовной ответственности за оговор другого человека? – и, не ожидая ответа, разъяснил все подробности этого закона.

– Вы к чему это клоните? Спасибо за разъяснение, но я уже об этом осведомлена. Неужели вы сомневаетесь в моей правдивости?

– Когда чувства обиды, стремления заполучить что-то желанное и сладкое, а также антипатия к другой личности, разного рода увлечения возникают в детском возрасте бессознательно, то это объяснимо, а когда всё это в действиях взрослого человека – преступно...

– Вы что... проводите со мной занятия по философии? Что вы конкретно хотите сказать? – перебила она следователя.

– Хорошо. Если так... начнём конкретно. Вы написали заявление о привлечении Ищенко к уголовной ответственности за покушение на изнасилование... Так?

– Именно так.

– Такое же заявление вы писали в отношении Миронова и Гуськова, а когда ими занялись следователи... вы тут же написали встречные, заявив, что оговорили их, хотя фактически причина другая. Вы получили от них по две тысячи долларов. А вот Гуйван отказался вам платить, и вы настояли на изнасиловании и предоставили сфабрикованные доказательства. Я перечислил только те факты, которые мне пока известны. В моих намерениях... показать вас обеих по телевидению и попросить откликнуться других пострадавших от ваших действий. С учётом сказанного я предлагаю вам чистосердечно рассказать истину ваших деяний.

– Я буду на вас жаловаться. Вы взяли взятку у преступников и пытаетесь обелить их. Не выйдет. Я настаиваю на своих показаниях.

– Так и записать?

– Так и запишите.

Каневский записал её ответ слово в слово, дал ей расписаться, а потом спросил:

– Вы принесли изорванную одежду?

– Вот она, – и тут же достала её из сумки.

Каневский пригласил двух понятых, оформил протокол доставки и осмотра, а потом завёл к милиционеру-охраннику Суслову и попросил присмотреть за ней, а сам пригласил Ищенко и допросил его. К этому времени прибыли Гуськов и Миронов. Их тоже он допросил, а после со всеми тремя произвёл очную ставку с Сусловой. Она продолжала отрицать свою вину и настаивать на прежних показаниях.

Зайдя к Машетову, Борис услышал, как тот продолжает внушать Корниенко о целесообразности дать правдивые показания, но та непоколебимо стояла на своём. Тогда Каневский решил применить хитрый, но зачастую действенный на деле приём:

– А чего ты с ней мучаешься. Суслова же раскололась... рассказала не только об Ищенко, но и о Миронове, Гуськове и даже в отношении Гуйвана и некоторых других. Эти девицы в Москве... оказываются, таким образом, открыли тайный свой бизнес. С целью более полного выявления пострадавших, я вызвал телевидение. Пусть их обеих покажут на всю Россию и Украину. Уверен, что число пострадавших увеличится, и народ Украины узнает своих героинь.

Корниенко, услышав о Миронове и Гуськове, а также о намерениях Каневского, заметно забеспокоилась, а потом кинулась в слёзы:

– Не надо этого делать... Прошу вас, не делайте этого. Не показывайте по телевидению, – упрашивала она. – Я ведь работала учительницей... Какой позор... Какой стыд. Если откажитесь от телевидения, я всё расскажу... Прошу вас. Умоляю...

– Хорошо. Рассказывайте, – предложил Каневский и подмигнул глазом Машетову.

Она рассказала обо всём и не скрывала самых мелких деталей. После очной ставки с Сусловой та призналась в совершённых преступлениях. Машетову пришлось брать в своё производство все эпизоды, Гуйвана освободить из-под стражи, а в отношении Сусловой и Корниенко ходатайствовать перед прокурором о взятии их под стражу.

После операции Гульчик тяжело шёл на поправку, сержант милиции и Яковлев значительно лучше, а жена Гульчика на четвёртый день была выписана для амбулаторного лечения, и Каневский передал ей квартиру, составив об этом соответствующий процессуальный документ.

Просмотр изъятой в нотариальной конторе кассеты показал, что в день заключения договора купли-продажи ресторана в нотариальной конторе находились Ковалёва и Гульчик, а сам Ковалёв при этом не присутствовал. Яковлев в это время находился возле машины Ковалёвой, а в нотариальную контору заходил лишь один раз, – принёс Ковалёвой папку с бумагами. Под давлением этой неопровержимой улики нотариусу пришлось признаться в подделке договора, получении

взятки и подлоге. Каневский готовил необходимые следственные документы для выхода к прокурору за санкцией на его арест. Расшифровка телефонных переговоров, полученная на основании судебной санкции, свидетельствовала о сговоре Ковалёвой и Гульчика по поводу фальсифицированного захвата ресторана с последующей переадресовкой его Яковлеву. Яковлев же, исполняя обязанности по охране, в большей степени Ковалёвой, чем её мужа, находился в любовных отношениях с ней, планировал в дальнейшем богатую совместную жизнь, поэтому беспрекословно выполнял её указания по физическому устранению Ковалёва, а после и Гульчика, который впоследствии мог стать препятствием, а хуже того пойти на сделку со следствием.

Ковалёва, с виду казавшаяся ветреной и безразличной ко всему вокруг происходящему, далёкая от семейного постоянства женщина, планировала достичь своей цели не только посредством убийства своего мужа, которого больше ненавидела, чем любила, но и Гульчика, как соучастника, и нотариуса Сурикова, а после и своего любовника Яковлева.

В ходе следствия было установлено, что брак между ней и Ковалёвым не был зарегистрирован, а они являлись однофамильцами, что и подталкивало её на столь тяжкие преступления. Дети его, проживавшие в Воронеже, были от первого брака. Жена при рождении второго ребёнка умерла.

Яковлев, видя, что воздушный золотой замок рухнул, сознался во всех своих грехах и даже в присутствии следователя позвонил Ковалёвой, сообщил ей, что не только Ковалёв и Гульчик, но и Суриков ликви-

дированы, а та, назвав его тупым молодцом за то, что о таких вещах говорит по телефону, сообщила дату своего прилёта в Москву.

В аэропорту она была задержана Каневским, а на следующий день уголовное дело из его производства было изъято, так как сам он являлся потерпевшим, и передано в следственное управление города.

Кровавая афера получила полное разрешение целей, и аферисты заняли места, которые заслужили.

IX. Плата за принципиальность

Страна всё ещё продолжала жить в хаосе и экономической разрухе. Упала до самого низа и мощь армии. Государственная граница значилась условно, оставаясь незащищённой и прозрачной. Зарубежные вороны поглядывали на Россию, как на огромный лакомый кусок географической карты, но всё-таки сомневались в захватнической цели, хорошо помня, что в России медленно встают, но быстро бегают и больно бьют.

Заводы, фабрики, госучреждения разного типа, хозяйственные предприятия от крупных до мелких либо закрывались, либо переходили в частные руки под видом приватизации. Борис Ельцин и его команда на всё это либо закрывали глаза, либо поощряли, особенно, если касалось действий приближённых. Сельское хозяйство умирало. Росла безработица. Страна катилась в пропасть. Лишь в правоохранительных органах душа всё ещё держалась в теле.

Олег Гайданов, исполняя обязанности Генерального прокурора России, будучи исключительно честным и принципиальным человеком по отношению творящегося, а также равенства закона, невзирая на ранги, попытался воспрепятствовать, применить основание на законе меры. Однако это крайне не понравилось в верхах, и его заменили теми, кто будет жить в согласии и делать то, что велено, не взирая на требование закона.

Среди сотрудников прокуратуры по этому поводу возмущениям не было предела, своими действиями в какой-то степени они поддерживали Гайданова.

Борис Каневский тоже был среди них. По этому поводу он с тестем подолгу говорил, обсуждая эту и тому подобные темы, уединившись от женского присутствия на балкон. Однако разговор постоянно заканчивался тем, что их беседы и возмущение повиснут в воздухе от бессилия против движущейся огромной государственной машины, под управлением которой находятся инициаторы беспорядка.

В очередной раз Каневский и Пётр Степанович в часы досуга уселись на балконе за чашкой чая. Как не пытались обойти наболевшую тему о здоровье России, однако всё же её коснулись. А там, где два политика, всегда существует три мнения, и третье, как правило, остаётся спорным.

– Ну вот, почему так легко Генеральный секретарь ЦК КПСС Горбачёв предал свою партию, а ещё легче разрушил Советский Союз и беспрепятственно сдал Россию Ельцину? Меня всё время это волнует, – с возмущением спросил тестя Борис.

– Знаешь... несомненно, все считают его человеком на букву «п»...

– Это как? – прервал его зять.

– Ну-у... Подлец по отношению оставшихся членов партии, да и народа тоже. Редко кто поддерживает его действия. А вот на вопрос «Почему?» он должен перед своей кончиной сам ответить и не уходить со святой земли с грехом своим. Однако давай-ка забросим обсуждение этой темы, сознавая, что мы вдвоём её такую глобальную не осилим.

Скрипнула балконная дверь, приоткрылась и показалась Даша.

– Борь, тебя к телефону.

И он направился ответить на звонок.

В это время из кухни вышла Нина Фёдоровна:

– Не замёрзли вы на балконе?

– Да нет. Он же утеплён, и отопление выведено, – ответил Борис и поднял трубку со стола:

– Каневский у телефона.

– Борис Фёдорович, никого не нашёл, и ваш дежурный не отвечает. Труп у нас. Молодая женщина... похоже замерзла... На краю оврага обнаружена. Выручайте, – попросил дежурный РОВД «Северное Тушино». Это на полчаса... не больше.

– Ну, конечно... Заблудилась женщина и пошла по задворкам, а дойдя до оврага, прилегла и навсегда... – слегка с юмором резюмировал тот, протягивая к свитеру руку.

– Борис Фёдорович, как мне сообщили, видимых следов насильственной смерти нет. Остаётся одно... температура. Может под «мухой» шла. Да что гадать. На месте разберётесь. Так можно группе выезжать за вами?

– А что поделаешь? Пусть выезжает.

Одевшись, взяв следственный портфель, он выглянул в окно. Автомобиля на площадке ещё не было. Тогда, зайдя в детскую, стал играть с Димкой, а тот задорно хохотал. Даша смотрела на мужа и сына, улыбка счастья не сходила с её лица. В очередной раз глянув в окно, сказала:

– Боря, приехали.

Тот поцеловал сына и Дашу, махнул рукой тёще и тестю, побежал по лестнице...

В машине, как всегда, сидели криминалист, судмедэксперт и дежурный опер. Спустя чуть больше десяти минут они были на месте.

Судмедэксперт одной дорожкой прошёл к труп, убедился, что женщина мертва, вернулся той же тропой и доложил следователю. К этому времени участковый, хорошо помня свои обязанности, уже приготовил двух понятых граждан, и Каневский приступил к осмотру, а криминалист к фотосъёмкам.

Вначале судмедэксперт ещё раз подошёл к труп, измерил температуру, окинул взглядом весь труп, перевернув его на спину, а потом объявил:

– На груди имеются три колотых раны, то есть три ножевые ранения, но смерть наступила не здесь, о чём свидетельствует отсутствие следов крови под трупом.

Каневский подозвал участкового и опера, которым поручил после десятиметрового радиуса вокруг места обнаружения трупа тщательно всё осмотреть. Затрудняло то, что в воскресную ночь прошёл лёгкий снежок и припорошил следы.

– Собачку бы сюда, – задумчиво сказал он, глядя на труп.

– Так в чём вопрос?! – отозвался сразу участковый.
– У моего друга... живёт здесь неподалёку... овчарка есть. Берёт след только так. Позову?

– Зови. А вдруг получится, – ответил Каневский. – Тогда прекратите все передвижения.

Все остановились, глядя с надеждой на участкового, а тот вопросительно посмотрел на следователя, а потом на спецавтомобиль.

– Да, да бери, так быстрее будет, – поняв его, ответил Каневский.

Спустя полчаса высокий мужчина в расстёгнутом полушубке и без головного убора выскочил с овчаркой из автомобиля и остановился возле ожидавших его.

– Я – Зубков, а его, – и он кивнул на пса, – Стивом зовут. С чего начнём?..

Каневский вкратце объяснил ему ситуацию, после чего Зубков взял Стива за ошейник и подвёл к труп. Тот обнюхал и прибежал к судмедэксперту.

– Молодец, Стив, – сказал тот. – Я только что осматривал. Умница.

Тогда Зубков вновь вернул Стива к труп, снял с головы женщины платок, потёр его об её пальто и дал понюхать, а потом скомандовал:

– Стив! Ищи!

Тот, почти касаясь носом снежного покрова, побегал по краю оврага, а потом свернул к жилым домам.

Каневский и опер пустились за ними, а участковый и понятые остались на месте. Стив привёл к пятиэтажке и стал лаять возле двери подъезда. Зубков открыл дверь. Стив, вбежав в подъезд, заметался. Тогда тот дал ему понюхать платок, и пёс, взбираясь по ступенькам, привёл на пятый этаж к квартире № 14, стал лаять.

Каневский нажал на кнопку звонка. Никто не открыл, в квартире стояла глубокая тишина. Тогда он стал опять звонить и стучать. В это время открылась соседняя дверь и вышла полная женщина в красном домашнем халате.

– А вы кто? – спросила она, глядя на высунувшего язык Стива, а потом на мужчин, одетых в цивильную одежду.

– Прокуратура и милиция, – ответил Каневский, предъявляя удостоверение личности. – Кто живёт в этой квартире?

– Бездетные – муж с женой, Игорь и Юля. Она возле метро «Планерная» торгует промышленными товарами, а он третий месяц как уехал на Север. На строительстве космодрома работает, – ответила она, а когдаглянула вниз на лестницу, с удивлением вскрикнула. – О-о! А вот и он.

Все повернулись. К ним подходил мужчина лет тридцати пяти, одетый в чёрный пуховик с капюшоном, на голове спортивная шапочка, в правой руке – чемодан, а левой стал доставал ключи из кармана.

– А в чём дело? Что-то случилось? – с тревогой в голосе спросил он, глядя на дверь своей квартиры.

– Вы Игорь? – спросил Каневский, скользя глазами по его одежде.

– Да, я Игорь... Игорь Чернов, а вы кто?

Каневский представился и предъявил удостоверение, а потом потребовал:

– Я вижу, у вас в руке ключи... открывайте.

Тот дрожащей рукой вставил ключ в замочную скважину и сразу же вскрикнул:

– Так дверь не заперта!

Каневский рукой отстранил его, нажал на дверную ручку, открыл дверь и вошёл в коридор. В нос ударило запахом спиртного и рыбных консервов. На полу валялась чёрная утеплённая мужская куртка с капюшоном, а рядом разбросанная обувь. Пройдя по коридору, Каневский увидел на столе разбросанные продукты питания, немытую посуду, бутылку с недопитой водкой и один стакан. Похоже было, что за столом находился

один человек. В зале всё разбросано, платья, рубашки, мужской костюм и прочее валялись возле открытого платяного шкафа, стул опрокинут. Каневский шагнул в спальную комнату, увидел разбросанную постель, лужу крови на ней и на полу, окровавленный кухонный нож, разорванные женские трусики и бюстгальтер, один чулок, осколки разбитой вазы, которая, похоже, стояла на прикроватной тумбочке.

Каневскому было понятно, что жертву насиловали, убили в квартире, а труп вынесен и брошен там, где его обнаружили, но его мучил вопрос: «Зачем? Зачем было оставлять следы преступления в квартире, а труп прятать в враге вдали от жилого массива?»

Возвратившись к своей команде, члены которой удерживали Чернова, яростно рвущегося в квартиру, следователь объявил:

– Пока сюда никто не зайдёт, – а увидев торчащий в замочной скважине ключ, закрыл дверь на замок, а ключи положил в свой карман. – Она будет осмотрена после окончания осмотра трупа.

– Какого трупа?! Чьего трупа? – разволновался Чернов.

Каневский глянул на пухлый чемодан, а затем перевёл взгляд на его хозяина:

– Как я понял, вы приехали или прилетели? Когда и откуда?

– Приехал поездом. В северной части страны строим космодром... и вот приехал, а вы...

– А вот приехал?!.. Что ты, Игорь, врешь? – раздался женский голос соседки, живущей рядом.

Все повернулись к ней. Седая худощавая женщина продолжила:

– Скажи правду и не юли. Вот что ты на рассвете выносил из квартиры... завёрнутое в покрывале... коричневым?

– Да вы что? Тётя Надя?! Я вот сейчас пришёл к квартире...

– Не надо врать. Я всё видела. Это было в пять часов тридцать три минуты. Я плохо сплю, а тут ещё что-то глухо стукнуло. Подойдя к глазку... увидела тебя вот в этой одежде, только без чемодана. Не знаю, когда ты приехал, но выходил, знаю в точности до секунды.

– Да вы что-то путаете, тёть Надя...

– Билет с вами? – оборвал Чернова Каневский.

– Да. Вот он, – и вынув из кармана паспорт, стал вытаскивать из него билет.

Каневский из его рук взял паспорт, посмотрел его, а потом стал изучать железнодорожный билет. Его отметки гласили, что Чернов прибыл в Москву почти сутки назад.

– Где вы находились всё это время? – спросил следователь Чернова.

Тот опустил голову и молчал.

– Обнаружен, по всей вероятности, труп вашей жены. Ответьте на мой вопрос, – настаивал он.

– Ага! – вскрикнула седоволосая соседка. – Вот оно что. Стало быть, я видела, как он выносил её завернутую в покрывало!

– Наденьте ему наручники, – попросил Каневский опера. – И возвращаемся на место обнаружения трупа.

Поставив чемодан Чернова в квартиру и вновь закрыв её на замок, он и члены его команды вместе с Черновым вышли из подъезда. Там Каневский остановился, глянул на Стива и протянул ему руку:

– Стив, от себя лично и от имени органов прокуратуры и милиции выношу тебе самую искреннюю благодарность. Тебе и твоему хозяину.

Тот, понюхав руку следователя, положил в неё свою лапу. Все, кроме Чернова, рассмеялись. Каневский пожал её, поднялся и, обговорив с Зубковым время встречи для составления процессуального документа для уголовного дела, отпустил его, а сам в сопровождении остальных по своему следу пошёл к месту обнаружения трупа. Возле последнего жилого дома он обратил внимание на мусорный контейнер и, подойдя, заглянул в него, где сразу же увидел смотанное в клубок коричневое покрывало. Криминалист сделал нужные фотоснимки, и следователь, не тронув покрывало, двинулся дальше.

– Ну как? – спросил участковый.

– Молодец, собака, – ответил Каневский, а потом попросил: – Возле первого дома, если идти отсюда, стоит мусорный контейнер. В нём лежит покрывало. Вы пройдите туда и возьмите под охрану, а я закончу здесь и сразу к вам.

– Есть! – по-военному ответил капитан.

Каневский подошёл к Чернову, взял его за локоть и подвёл к трупу женщины.

– Кто это, знаете?

Тот весь задрожал, а потом, заплакав, стал возле неё приседать, но следователь удержал его.

– Это жена моя... Юлия... Юлечка, прости меня. Я виноват. Твоя смерть на мне. Прости меня, родненькая, – сказал Чернов и вдруг зарыдал.

– Забирайте его и в отдел, – сказал он оперу.

Тот подошёл, крепко взял за локоть и повёл к автомобилю. Каневский приступил к осмотру места про-

исшествия. Описывая труп, он задокументировал его положение, наличие на ноге одного чулка, отсутствие нижнего белья, множество ссадин и синяков, расположение колото-резаных ран, а при завершении попросил судмедэксперта остричь ей ногти. Когда же тот исполнил и вложил в конверт, забрал их, зафиксировав все свои действия процессуально. За трупом прибыл автомобиль-труповоз, а Каневский по пути к квартире Чернова изъяснял покрывало и прибыл с понятиями в квартиру, где также произвёл осмотр. Криминалист четко выполнил свои обязанности. После чего Каневский приехал в РОВД, где содержался Чернов, и приступил к его допросу.

Тот был не разговорчив и всё плакал. Это вынудило следователя прекратить допрос и дать подозреваемому успокоиться. Он возвратил Чернова в комнату, задумался, прокручивая все обстоятельства своего нового дела: «Муж столь длительное время находился в командировке и возвращается домой, убивает жену, а потом прячет труп, оставляя все следы убийства в квартире... да притом насилует её или пытается это сделать... Не понятно. Не стыкуется. Длительная разлука устраняет само насилие. Это ведь больше к правде, чем к кривде. Однако наличие факта насилия имеет место, и это подтверждают – наличие телесных повреждений и изорванная одежда, хотя и говорит в пользу Чернова. В данном случае так и хочется подписаться под тем, что Чернов в насилии не виновен, но удерживает другое: где он находился почти сутки после прибытия в Москву? В части убийства... Допустим, они только встретились. Зачем убивать? Может, застал с другим женщиной? Тогда напрашивается вопрос... Жену убил,

а его, свидетеля, оставил в живых? Иди, сообщай. Не клеится. Ну ладно... встретились, поссорились, в гнев совершает убийство... а изнасилование? Да если и убил, то убийца наводит марафет в квартире, убирает, замывает и застирывает следы крови, а этот оставляет, ничего не тронув. И это при судебном разбирательстве любой самый малограмотный в этих вопросах адвокат использует в пользу Чернова». Из этого состояния вывел его вошедший начальник РОВД майор Ломанов.

– О чём задумался, Борис Фёдорович? – спросил он, присаживаясь напротив.

– О сегодняшнем убийстве, Юрий Дмитриевич.

– А чего о нём думать? Предъявить обвинение и в суд. Всё там ясно... как отче наш. Мне оперуполномоченный Сизов доложил. Дело раскрыто. Свидетель указывает на Чернова.

– Много неясных вопросов, а ответов на них нет. Всё складывается к тому, что это злодеяние совершил другой, а не Чернов. Сейчас он успокоится, и я продолжу допрос. Да, Юрий Дмитриевич, нельзя ли кого-то послать в судмедэкспертизу для освидетельствования Чернова?

– Почему нельзя?! А вот сейчас того же Сизова и пошлю. Машину и охрану дам, – сказал тот и вышел.

«За это время Чернов успокоится», – подумал Каневский, а затем вытасил бланки о назначении ряда экспертиз, в том числе и по подногтевому содержанию убитой.

Через час возвратился Сизов с Черновым.

– Новые обстоятельства, Борис Фёдорович... На трусах Чернова обнаружены свежие следы спермы, свидетельствующие о совершении недавнего полового акта.

Здесь его нижняя одежда и смывы с тела, – сказал Сизов и положил свёрток на стул. – На теле телесных повреждений не имеется.

– Спасибо, лейтенант. А старенькие брюки сможем раздобыть?

– Да не проблема. А зачем?

– Я изыму у него его брюки. Проверим их по микрочастицам.

– Думаете, что останется?

– Обязательно. При контакте одежды насильника с одеждой жертвы микрочастицы остаются.

– Тогда я мигом.

Каневский забрал из комнаты задержанных Чернова и продолжил допрос.

– Так, где вы провели всё время после выхода из поезда? – спросил следователь.

Тот молчал, а при повторном этом же вопросе ответил уклончиво:

– На вокзале.

– Кто это может подтвердить?

– Никто.

– Вы сказали неправду... и в ущерб себе.

– С кем вступали во время приезда в Москву в половую близость?

– Ни с кем.

– Но это подтверждено судебным медиком. Ваша одежда будет направлена на биологическое исследование, и вы будете вынуждены назвать партнёршу.

– Ладно. Проводница вагона.

– Как её зовут? Имейте ввиду. Я её найду и допрошу. Номер вагона известен, и запрос пойдёт сегодня же. Здесь проблемы нет.

– Я не знаю, как её зовут. И она была не из моего вагона. Мы познакомились случайно.

– По психологии отличная оценка у меня была, поэтому я могу различить говорящего правду или ложь. Вы сказали неправду.

– Я скажу лишь одно... К тому, что произошло в моей квартире, я не имею никакого отношения и убедительно прошу вас... найдите убийцу или позвольте это сделать мне.

– Жена знала о вашем приезде?

– Столько не был дома... разве я дурак, сообщать об этом. Лишь один человек знал, и то я ему не сказал точную дату, а на два дня вперёд. Вот сегодня 10 февраля, а ему сказал, что приеду 12-го.

– А почему так?

– На всякий случай.

– Кто этот друг?

– Витёк Козлов. Мы с ним в одном дворе росли, вместе одну школу заканчивали, а потом я поступил в Бауманское, а его дружок вовлёк в какую-то аферу, и он три года в местах отдалённых пробыл, вернулся и работает в какой-то фирме охранником.

Последнее слово Каневского насторожило: «Ранее судимый и охранником. А как он лицензию получил? Надо проверить», – и аккуратно сделал пометку в своём блокноте, куда всегда записывал то, что надо сделать. Называл он его контролёром памяти.

– Ну что же... на сегодня мы закончим, а вы подумайте над тем... стоит ли мне сказать правду или нет, хотя я всё равно до неё докопаюсь. Сейчас я задерживаю вас по протоколу на трое суток. А после будет решаться вопрос избрания меры пресечения. Стало быть, мы с вами встретимся 13-го февраля.

Чернов поднялся и стоял, ожидая своей участи. Каневский завёл его в дежурную часть, заполнил протокол задержания, а дежурный произвёл личный обыск, при котором вынул из его кармана вместе с другими предметами записную книжку. Увидев это, Каневский изъясил её.

Возвратившись домой, он долго беседовал по этому делу с тестем, а на следующее утро ещё до начала оперативки зашёл к исполняющему обязанности межрайонного прокурора, прибывшему из Горпрокуратуры Андрею Кузьмичу, которому доложил результаты своего выезда на место происшествия.

– А почему вы, а не дежурный?

– Так получилось.

– Ну и каково ваше мнение по поводу доказательств вины Чернова?

– В любом вопросе никакой стыковки. Насилие и убийство совершил не он. За два оставшихся дня проверю кое-какие моменты и доложу вам для принятия решения о дальнейшем содержании его под стражей.

– Но ведь там есть очевидец... Разве вы это не учитываете? – с раздражением в голосе спросил и.о.прокурора и, не ожидая ответа, приказал: – Прямо сейчас передайте дело Арутюнову, а сами расследуйте те, что имеются в вашем производстве.

– Андрей Кузьмич, мне два дня надо...

– У вас что... со слухом нелады? Выполняйте... а вообще-то... дайте мне дело.

Каневский положил дело на стол прокурора, и в его душе всё перевернулось: «Да-а, этот не Валерий Николаевич... и не Лапин».

– Я могу идти?

– Идите. Все вещдоки по делу занесите в кабинет Арутюнова, – с недовольным видом сказал и.о.

Управление кадров по настоянию генеральной прокуратуры прислало его временно. В приказе так и значилось: «... до подбора кандидатуры на должность межрайонного прокурора». А после он возвратится на свою должность. Однако, сев в прокурорское кресло, занялся перестановкой кадров... поменял заместителей курирующих направлений надзора. Клестова снял со следствия и закрепил за ним надзор за законностью в деятельности органов внутренних дел и их следствии и дознании, надзор по делам следственной части прокуратуры возложил на заместителя, который несколько лет подряд курировал уголовно-судебный надзор. С остальными поступил так же. Себе же оставил только общее руководство, игнорируя приказ Генерального прокурора об обязательном кураторстве лично прокурором по ряду особо важных направлений. Он даже некоторых помощников поменял – из уголовно-судебного надзора перевёл на гражданско-судебный и обратно. Следователя Арутюнова за срыв дежурства обязал быть дежурным двое суток подряд.

Возвратившись в свой кабинет, Каневский привыкший к человеческому отношению, которое стимулировало его отношение к работе, поощряло в своём роде, в одночасье исчезло, и он в расстроенных чувствах опустился на стул и так сидел молча минут десять, а потом резко встал, взял вещдоки и понёс Арутюнову.

– Ты извини, Боря... Я испортил тебе выходной... Представляешь, на два часа всего отлучился, – с извинениями и оправданием встретил его тот.

– Представляю... Дело об убийстве Черновой получил?

– Этот узурпатор только что дал... отругал, как врага народа, и в наказание двое суток дежурства всучил. Я ещё ничего не знаю, а он уже приказал... выходить с арестом...

– Нельзя. Всё, что есть по делу, говорит – против, а он основывается на косвенных доказательствах, – перебил его Каневский.

– А что я... с ним спорить буду?

– Но ты же следователь! Отвечаешь за каждую букву... не только за судьбу подозреваемого. Вырази письменно своё мнение, а он пусть решает.

Арутюнов ничего не ответил, лишь задумался, а Каневский, глянув на него, подумал о его слабости и нерешительности и ушёл в свой кабинет.

Открыв папку с планом работы по находящемуся в его производстве уголовному делу о похищении человека, стал смотреть перечень вопросов, необходимых разрешить для закрепления доказательств вины обвиняемого, но в голову ничего не лезло. Всё проходило мимо, лишь слова Чернова: «Я убедительно прошу вас... найдите убийцу или позвольте это сделать мне», – витали в голове и не давали покоя.

Отложив папку с планом работы, он, откинувшись на стуле, задумался, а потом, вспомнив, что не отдал Арутюнову записную книжку Чернова, вынул её и стал изучать. Каждую запись он внимательно просматривал, как вдруг наткнулся на следующее содержание: «Витёк К. долг 1 т. баксов», а ниже следовала запись номера телефона и его адрес. «Улица Генерала Глаголева недалеко. В Хорошевском районе», – подумал он

и глянул на часы, что показывали двадцать пять минут пятого. Быстро собравшись и никого не предупреждая, чего он ранее не делал, уехал по этому адресу.

Высотный дом выглядел серо и неприглядно. В подъезде стоял удушающий смрад. Поднявшись на девятый этаж в обшарпанном и скрипучем лифте, Борис остановился перед дверью и нажал на звонок. За дверью послышались шаги.

– Кто там? – раздался грубый мужской голос.

– Витёк, открой, – ответил Каневский, решивший пойти на хитрость, и это сработало.

Щёлкнул замок, глухо скрипнула дверь, в проёме появился среднего роста русоволосый с небритым ищарапанным лицом молодой мужчина, ровесник Чернову.

Каневский обратил внимание на царапины, которые бросались в глаза. На правой щеке от уха до подбородка виднелись три борозды, на левой две и на левой стороне шеи три. «Такие рисунки можно сделать только женскими ногтями», – отметил для себя Каневский.

– Ты кто? – делая удивлённый вид, спросил открывший дверь и дышнувший неприятным перегаром.

– Я следователь прокуратуры. Каневский моя фамилия, – представился он и предъявил удостоверение личности. – А ты Козлов?

Тот рванул дверь, пытаясь захлопнуть, но подставленная нога Каневского помешала.

– Виктор, не надо. Ты же знаешь, что я войду и через захлопнутую дверь. Внизу для этого ОМОН наготове, – применив ложный приём успокоения, сказал следователь.

Тот отпустил дверь и молча пошёл в зал. Не закрывая дверь, за ним последовал и Каневский. Войдя в комнату, Козлов опустился в кресло и упёрся злыми глазами в названного гостя.

– Что хотел? – спросил он недружелюбно.

– Задать тебе несколько вопросов.

– Валяй, только побыстрее, а то я с будуна. Опохмелиться надо.

– Чернова знаешь?

– Игорька что ли?.. С детства. А что, он уже приехал? А почему ты спрашиваешь? Что с ним? – забросал вопросами Козлов, делая беспокойное лицо.

– Пропал он. С поезда сошёл, и след потерялся. Жена в больнице... в тяжёлом состоянии и вот через медсестру передала, что он может быть у тебя.

– Как в тяжёлом? А что с ней? – сильно забеспокоился Козлов, глаза забегали как маятник настенных часов, лицо стало бледное, и он сухо, но звучно сглотнул слюну.

Его состояние мимо цепких глаз Каневского не прошло, и он продолжал:

– В реанимации она... с ножевыми ранениями. В рубашке родилась. Если бы случайный прохожий не подошёл... замёрзла бы. Игорь мог это сделать?

– А кто его знает. С Юлькой детей не было, а вот у Лидки от него есть... сынок. Может, решил таким образом избавиться от Юльки?

– Может быть, он у Лидки? Где она живёт, знаешь?

– Один раз был вместе с ним... летом прошлого года, когда он в отпуску был... Это в Строгино... Там есть кинотеатр «Узбекистан» то ли «Таджикистан». Так вот, если смотреть на него с улицы, то дом справа, четвёр-

тый этаж... подъезд первый от кинотеатра, а вот номер квартиры не помню. Но с площадки первая слева.

– Как же так? Он ведь почти три года находился на Севере и только сейчас приехал, а ты утверждаешь, что был и летом?

– Да он ежегодно приезжал, только Юлька об этом не знала. Я его встречал и провожал. А жил он втихаря у Лидки.

«Вот оно как?! Стало быть, и этот раз он был у неё, но душа, почувствовав беду, потянулась к Юльке, а было уже поздно», – подумал Каневский и вновь посмотрел на царапины Козлова.

– Где это ты так разукрасил лицо своё?

От неожиданного вопроса тот замялся, не находя слов для ответа, а потом выпалил:

– С кошкой играл.

– Не похоже. Кошачьи узенькие, а это, как от женских ногтей... Да ещё и с обеих сторон. Скрываешь?

– Ладно уж... Девственница попалась.

«Какая девственница с этим пропойцей связываться будет? Юлька... Его работа», – рассудил Каневский, а потом, глядя в глаза Козлова, задал лобовой вопрос:

– Скажи, Виктор... За что ты нанёс три ножевых ранения Юльке?

Тот стал бледнее стены, руки затряслись, начал заикаться:

– Ты, ч...чего м...мелешь? З...зачем это м...мне? Избави Б...бог.

– Не трогай Бога. Ты уже непоправимый грех совершил и пытаешься ещё?! Имей ввиду... через день-другой Юлька начнёт говорить... это раз, через дверной глазок видела соседка, как ты в покрывале выносил из

квартиры Юльку – это два, под ногтями Юльки, которые я остриг и направил на экспертизу, остались частицы твоей кожи – это три... Продолжать дальше? – спросил следователь, пристально глядя в лицо Козлова и доставая наручники.

Тот вдруг изменился во внешности, выпрямился и резко заявил:

- Дело твоё. Только я к этому непричастен.
- А ну-ка вытяни руки, – потребовал Каневский.

Он исполнил, а Каневский в один миг защёлкнул на них наручники, а потом, подойдя к телефону, позвонил Ломанову и попросил о приезде наряда за задержанным. В период ожидания он подготовил все необходимые процессуальные документы о задержании подозреваемого, а также о медосвидетельствовании судебным медиком, о взятии смывов с половых органов Козлова.

Когда же прибыла оперативная группа работников милиции, Каневский пригласил двух понятых граждан, изъял у Козлова нижнее бельё и верхнюю одежду: брюки и свитер, висевшие на спинке стула, а так же произвёл обыск в квартире, при котором были обнаружены и изъяты золотые женские украшения: кольца, серьги, брошь, цепочка с кулоном, разная бижутерия и крупная сумма денег. Также он подготовил уведомление прокурору о производстве обыска и о том, что было обнаружено и изъято. Следственное действие он завуалировал, и все составленные документы не имели отношения к уголовному делу по возбуждению по факту убийства Черновой, хотя фактически это было так, а относились якобы к расследуемому делу в отношении неизвестного, совершившего изнасилование девушки в её же квартире с последующей кражей её дра-

гоценностей. Проведение медосвидетельствования Козлова следователь поручил оперу из состава наряда, а сам поехал в Хорошевский район к Лиде.

К удивлению она была дома и открыла сразу же, как будто ожидала. «Наверное, подумала, что Игорь пришёл», – мелькнуло в голове входившего Каневского. Представившись, он обратил внимание на двухлетнего ребёнка, а Лида не на шутку расстроилась. Каневский решил сразу на коня и за гриву.

- Лида, кто такой Игорь Чернов, вы знаете?
 - Конечно. А что случилось, – она не скрывала волнения.
 - Когда он к вам пришёл?
 - Вчера. Я его встретила у поезда, и мы приехали ко мне.
 - А ушёл от вас когда? Отлучался ли?
 - Не отлучался. Всё время был здесь... играл с сыном, а утром уехал к себе домой.
 - А вы знали, что он женат?
 - Знала. Ну, скажите же, наконец, что случилось с Игорем?
 - Не с ним. С его женой.
 - Он сегодня должен был сказать ей о ребёнке и о том, что уходит ко мне... и попросить прощения. Она что-то с собой сделала?
 - Нет, Лида... Игорь её живую уже не застал. Но к нему много вопросов, и он временно задержан. Но вы не беспокойтесь. Скоро он будет освобождён.
- Лида разрыдалась, и Каневский с трудом её успокоил. Тогда он решил ускорить общение. Достал из портфеля бланк протокола допроса свидетеля, допросил её и, по-быстрому простившись, ушёл.

Возвратившись на своё рабочее место, он только поднял трубку для звонка, как в это время в кабинет вошёл Арутюнов.

– Ну ты, Борька, подкинул мне подозреваемого? – выкрикнул он. – Категорически отказался со мной общаться. Требует тебя. Я доложил шефу, а тот приказал к утру подготовить постановление на его арест, – потом, понизив голос почти до шёпота, продолжил: – А ещё... подозревает тебя в заинтересованности.

– Он прав. Я действительно заинтересован... но только в том, чтобы истина восторжествовала, чтобы за решёткой сидел настоящий насильник и убийца.

– Ты по-прежнему убеждён в его невинности?

– Более чем. Дай мне разрешение на десятиминутное общение с Черновым, и я скоро предоставлю тебе настоящего убийцу.

– Без проблем. Только между нами... Никому не скажи. Шеф не должен знать. Он сказал... тебе дело читать не давать.

– Не беспокойся. Давай, Арсен... иди, приготовь мне разрешение, а я зайду к тебе.

Как только тот вышел, Борис позвонил судмедэксперту и поинтересовался результатами, а тот сразу сообщил, что Чернова была сначала изнасилована, а потом убита. Серьги с ушей не сняты, а вырваны и что смерть наступила около двадцати трёх часов вечера, а также то, что царапины на лице Козлова оставлены не когтями кошки, а ногтями человека, в большей степени Черновой, о чём более конкретно скажет биологическая экспертиза.

Воодушевлённый развязкой Каневский зашёл к Арутюнову, у которого разрешение уже было готово.

– А может вместе, Арсен? – спросил Борис.

– Много поручений, которые я должен исполнить сегодня. Прости, брат. Я тебе верю больше чем... ну да ладно... поезжай.

Каневский уехал. Его мучил один вопрос: послушает ли и.о.прокурора доводы Арутюнова не спешить с арестом Чернова. С первого дня прихода в межрайонную прокуратуру он начал действовать по-будёновски – шашку наголо, и на тебе по головам без разбора. Со стороны казалось, что он считает период работы Валерия Николаевича развалом, а все сотрудники лентяи и разгильдяи, лишённые инициативы в осуществлении надзора по всем направлениям, а ещё больше в профилактике и борьбе с преступностью, что только он может исправить положение.

Каневский уже решил для себя, если встанет вопрос о переходе на работу в окружную, уйдёт не задумываясь. К этому его подтолкнули пересказанные Арутюновым слова и.о.прокурора о заинтересованности в исходе дела с требованием дело не давать. «Значит, он меня не заслуженно подозревает в нечистоплотности... в мздоимстве?! А это удар не только по рукам, но и по инициативе, по отношению к исполнению служебных обязанностей и по авторитету, наконец», – размышлял Каневский, входя в следственную комнату.

Согласно его заявки, сначала доставили для проведения следственных действий Чернова. Кроме этого, он попросил подготовить, из числа свободно передвигающихся по территории заключённых, двух понятых, и те уже сидели в ожидании.

Каневский понимал, что грубо нарушает процессуальные требования, выражающиеся в том, что он ли-

шён права производить следственные действия по делу, не находящегося в его производстве. Однако остановиться не мог, видя, что над головой безвинного нависла угроза ареста.

Увидев Каневского, Чернов как-то оживился, повеселел, уважительно поприветствовал его, а тот, глянув на часы и видя, что время неумолимо поджимает, сразу же приступил.

– Игорь, у меня нет времени для подкрадывания к твоим ответам, начну сходу. Вот тебе бланк допроса свидетеля, давай собственноручно описывай, начиная с отношений с женой, о частом приезде в Москву, об отношениях с Лидой, о сыне, о приезде в этот раз, где ночевал... по времени, когда приехал в какое время и об уходе к Юле... Одним словом, обо всём подробно, а я подготовлю всё для опознания... кое-каких ценностей.

По ходу дела, как говорил следователь, у Чернова глаза становились всё крупнее и удивлённее.

– Ты хочешь спросить, был ли я у Лиды? – продолжал Каневский, видя состояние Чернова. – Был. Видел твоего сынишку. Ждут там тебя с нетерпением. Беседовал с Лидой. Я всё уже знаю. Тебе остаётся написать... Не для меня, потому как меня отстранили от этого дела, а для прокурора... всё и подробно. Всё. Не задавай мне больше никаких вопросов... Пиши.

Тот сразу же уткнулся в бланк и приступил к изложению событий, а следователь занялся своей работой. Когда Чернов закончил писать, Каневский прочитал, задал ему несколько уточняющих вопросов, ответы на которые записал в протокол, а потом пригласил понятых и в их присутствии выложил на стол все драгоценности, изъятые в квартире Козлова.

– Из всего этого вы видели что-либо у кого-либо или на ком-либо? – спросил он Чернова.

Тот внимательно посмотрел каждый предмет, а после поинтересовался:

– Где вы всё это взяли?

– Отвечайте на поставленный вопрос, – настаивал следователь.

– Всё это, за исключением кольца... вот этого... принадлежит моей жене Юле, а кольцо мне. Внутри его выгравировано её имя, а на её кольце, которого здесь нет, – моё имя.

– Где именно хранились эти драгоценности?

– В нашей квартире, а точнее в небольшой инкрустированной шкатулке, а она за книгами в книжном шкафу.

– Кто из ваших знакомых или других лиц мог видеть их наличие и место нахождения?

Чернов задумался, а потом начал перечислять:

– Сестра жены, но она уже второй год как замужем и живёт в Челябинской области, подруга жены Вера... и Витёк Козлов. Он видел, когда мы собирались пойти в город, кино и вообще куда-либо.

Дав возможность понятым осмотреть драгоценности и подписать протокол, Каневский отпустил их, оставшись наедине с Черновым. Тот вопросительно смотрел на него, но вопросов не задавал, ожидая пояснений, но видя, что Каневский не собирается это делать, всё-таки спросил:

– Откуда у вас Юлины драгоценности?

Не отвечая на вопрос, тот нажал на кнопку, а Чернову сказал, продолжая общение на «вы»:

– Ещё один сюрприз для вас, Чернов.

Высокий конвоир в следственную комнату завёл Козлова, и Чернов, увидев его, вскочил с места, кинулся к нему навстречу, стал обнимать.

– Витёк... дорогой... привет, братишка, – а потом, глянув, что тот в наручниках, в глазах его появился ужас и он спросил: – Как? За что?

Тот, потупив голову, молчал, боясь взглянуть в глаза друга.

Каневский, взяв протокол опознания драгоценностей, медленно прочитал его, это же он сделал и с протоколом изъятия драгоценностей в квартире Козлова. У Чернова в глазах стояли слёзы, и началась дрожь по всему телу.

– Ты-ы?! Убил Юлю?! – выдавил он из себя.

– Мне всё это подкинули... Это подстава, – начал бормотать Козлов всё, что пришло в голову, а потом потребовал: – Пусть он уйдёт. Я хочу поговорить с вами.

– За что, Витя? Ты же как брат мне был... За что? Что она тебе сделала плохого? Ответь или я тебя задушу сейчас, – с угрозой требовал Чернов.

Тот нервно зашевелил губами, пытаясь что-то сказать, а Чернов продолжал:

– Так этого тебе было мало... своё грязное дело пытался перевести на меня?! Подтасовал факты... И ты разве друг?! Сволочь последняя...

– Пусть он уйдёт... я вас прошу, – перебил Козлов своей просьбой Чернова, а потом, повернувшись к нему, затараторил: – Ты тоже хорош. Сколько лет обманывал её и в тайне жил с Лидкой. А я хотел с Юлькой, но она грубо отвергла меня... и меня понесло. Я уже не соображал ничего.

– Соображал ты хорошо, – начал Каневский. – Насиловал, нанёс три ножевых ранения, выкрал драгоценности, завернул труп в покрывало, и чтобы вдруг, если кто увидит, то подумал на Чернова, а для этого надел его куртку, которую после забросил в его же квартиру, да и подгадал же... ко дню приезда друга. Хотел сразу с двумя покончить... её в могилу, а его в тюрьму. Какой же ты друг после этого?!

– Оставьте меня с ним наедине, Борис Фёдорович... умоляю вас... оставьте.

– А может, и правда, оставить...

– Ни в коем случае! – перебил следователя своим криком Козлов.

Каневский посмотрел на него, как на жалкое существо, а потом достал бланк допроса подозреваемого и, ткнув в него пальцем, нехотя промолвил:

– Ладно. Вот отсюда начинай и опиши подробно всё как было. Анкетные данные я заполню сам. Закончишь... через конвойного вызовешь меня... или через надзирателя.

Каневский нажал на кнопку и сразу же вошёл конвойный. Ему он объяснил, что должен сделать Козлов, и тот, кивнув головой, вывел его из следственной комнаты. Чернов, тяжело и возбуждённо дыша с возмущённо злобным выражением лица, готовым к мести, обратился к следователю:

– Почему вы не дали мне...

– Не имею права. И ты тоже. Никому не позволено устраивать самосуд, – перебил его Каневский, а потом продолжил: – Тебе, Игорь, придётся сегодня здесь посидеть. Если бы дело находилось у меня... я бы тебя освободил. Теперь придётся доложить прокурору, решать будет он.

Было видно, как ему не хотелось оставаться в изоляции, но ничего нельзя было изменить, да и сам он понимал, что влип по собственной глупости. Стоило ему сказать правду и не находилась бы за решёткой.

Возвратив Чернова в камеру, Каневский закончил все вопросы с Козловым и вернулся на своё рабочее место. Часы показывали 19 часов 35 минут. Арутюнов и Машетов были ещё на своих рабочих местах. И.о.прокурора уже ушёл. Зайдя к Арутюнову, он доложил о результатах поездки, а тот слушал его с безразличным видом, а когда Каневский закончил, как ни в чём не бывало, сказал:

– Опоздал, Боря. Шеф санкционировал арест. Я его начал было уговаривать подождать, но он на меня как рывкнул и ещё дополнил, что не только ты, но и я руки нагрел на этом деле.

– Я с рапортом обращаюсь к Герасимову, если и он меня не послушает...

– Обратись, брат. Ты вот почитай на копии постановления, что я написал, – перебил его Арутюнов и положил перед ним.

Тот прочитал: «Постановление вынес по устному приказу прокурора. Считаю, что оснований для ареста Чернова И.В. не имеются. Следователь Арутюнов».

– Читал он твою приписку?

– Конечно.

– И что?

– Пошёл вон... сказал. Завтра передаст дело другому следователю. Поэтому оно меня уже не волнует.

Возвратившись в свой кабинет, Каневский сел на стул посетителя и задумался. От сложившейся ситуации на душе кошки скребли. «Почему и на каком осно-

вании он подозревает меня во взяточничестве? И не только подозревает. Но и говорит об этом моему коллеге. А может ещё кому? Так и распространится «слава» обо мне. Нет уж. Завтра я его на место поставлю. А нет, к прокурору города пойду и пусть назначат проверку. А может по инстанции пойти? Наверное, так лучше будет», – думал он и глянул на телефон. Пересев поближе и набрав номер телефона прокурора округа, стал ожидать. После третьего гудка ответил мужской голос. Он узнал Валерия Николаевича, извинился за звонок, а потом со всеми подробностями рассказал ему о сложившейся ситуации по делу об убийстве Черновой и отношении к нему и следователям исполняющего обязанности прокурора.

Тот выслушал и ни единого разу не перебил Каневского, а потом сказал:

– Что это с ним? Откуда у него такие мнения о работниках прокуратуры? Ладно... не суетись и не расстраивайся. Утром доложи ему. Посмотрим, какое будет его решение. Если что... я сам поговорю с ним. Я тебя заберу скоро, Борис. Твоя судьба решается с положительными признаками. Давай... До завтра.

Закрыв кабинет, Каневский уехал домой. По пути мысли о Чернове, Лидии, их сыне и Юле не покидали его. То, что он сейчас едет домой к своей семье, а семья Чернова разрушена, и что будет дальше неизвестно, выводило из себя. Его мучила и совесть... за то, что Чернов без вины в преступлении, которое ему старается вменить бесчувственный прокурор, сейчас находится в душной и вонючей камере с настоящими преступниками, а он, Каневский, по его мнению, проявил бессилие, оставив решение вопроса на завтра, когда в

этих условиях честному человеку минуту, час вытерпеть сложно. С такими чувствами он зашёл в дом... приятно оказаться в кругу своей семьи.

Даша, питающая безграничную любовь к мужу и зная его характер, в подобных случаях старалась не проявлять интерес к его служебной деятельности, к его взвинченному настроению, а наоборот, находила темы отвлекающие. Вот и сейчас, душой почуяв его состояние, она как птичка, щебетала, рассказывая о поведении Димки, о его новых сказанных им словах и о прочем. В результате этого Борис быстро прихотился в себя.

Утром нового дня Борис, убеждённый в своих действиях, полный сил, гарцевал как ретивый конь, метался по комнатам, постоянно поглядывая на часы, завтракал стоя, а когда стрелки приблизились к семи сорока пяти, схватил портфель, поцеловав жену и сына, посапывающего к кровати, умчался в наступающий рабочий день.

И.о.прокурора, не принявший Каневского и не пожелавший выслушать его доклад, начал оперативное совещание не с общей профессиональной темы, а с состояния дисциплины. Отчитав Семёнову за заявленное в судебном заседании ходатайство о возвращении уголовного дела для дополнительного расследования, хотя фактически оно относилось к части обоснованных по причине грубейших нарушений и пробелов в следствии, сделал замечание Злотниковой за слабый надзор за занятостью в следствии и дознании милиции, тогда как её показатель свидетельствовал как один из лучших, а потом перешёл к следственной части прокуратуры. Прежде всего, он накинулся на своего зама, ку-

рирующего следствие, назвав его беспринципным и бездейственным, и сразу остановился на Каневском.

– Товарищ Каневский, расследуя дела, не видит цели и путей быстрее завершения, а умышленно создаёт себе проблемы и их пытается разрешить, не думая о других делах и сроках... находящихся в его производстве. Возьмём дело Чернова, по нему есть полный букет доказательств вины обвиняемого... очевидец подтверждает его причастность, а Каневский, видите ли, не видит оснований к аресту убийцы и требует его освобождения. Я такое требование расцениваю... как личную заинтересованность... и по-другому никак. По его пути пошёл и Арутюнов. Тот вынес постановление об избрании меры пресечения в виде ареста только после моего приказа, да ещё и учинил на копии пометку, что арест, видите ли, не обоснованный. Пришлось дело изъять и у него. От зама жду сегодня предложений, кто будет расследовать это злополучное дело. Я вот сейчас... при всех... хотел бы услышать от Каневского и Арутюнова об истинной причине... Почему они настаивают на освобождении Чернова, – сказал он и сфокусировал колючие глаза на Каневском.

Тот поднялся, окинул взглядом коллектив и произнёс:

– Исходя из сказанного, Андрей Кузьмич, вами в своей публичной речи, я хочу спросить... вы уверены, что я, расследуя, а точнее, начиная расследовать дело об убийстве Черновой, получил взятку и поэтому всячески пытался его не арестовывать. Я правильно вас понял?

– А по-другому, как ещё? Выходит так, – утвердительно заявил тот.

– Я не знаю, как у вас на вашей прежней работе было, но категорично заявляю, что у нас подобного не бывает. Мы работаем, как сказал Феликс Дзержинский... с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками...

– В белых перчатках, – вставил и.о.прокурора, обрвав следователя, и криво ухмыльнулся.

– Поскольку вы своё мнение выразили публично и незаслуженно, оскорбив меня и сделав лицом, совершившим тяжкое преступление... Я оставляю за собой право обратиться к прокурору города о производстве служебной проверки. Я не могу это так оставить, потому как при встречах с моими коллегами по работе мне будет казаться, что ваши заявления ими приняты всерьёз. А служебная проверка позволит принять единственно правильное решение, с которым ознакомятся и мои коллеги.

И.о.прокурора это не понравилось, что было видно по его недовольному лицу.

– Теперь о деле Чернова, – продолжал Каневский. – Я действительно выезжал на место происшествия и производил осмотр. По делу действительно есть очевидец – старушка... соседка Черновых, которая видела якобы Чернова, выносившего труп, завёрнутый в покрывало...

– О-о! Видите! У него... якобы, а она утвердительно говорит о Чернове, – снова оборвал его и.о.прокурора.

– Она видела не лицо Чернова, а человека, одетого в его куртку. А им был не Чернов... к вашему сведению, а Виктор Козлов. Я позволю вам прочитать его собственноручные показания, – и Каневский прочёл весь протокол его допроса, – а в конце добавил: – Так что я

вас, Андрей Кузьмич, спас от наказания за необоснованный арест Чернова. Теперь освобождайте его, отменяя арест.

– Где вы добыли эти показания? Кто вам позволил вести расследование по делу, которое изъято у вас? Это ещё раз подтверждает вашу личную заинтересованность, – выходя из себя, выпалил он.

– Вы плохо слушали, когда я читал показания Козлова. Начну снова. Это всего несколько строк: «Я не совершал изнасилование Белкиной и кражи драгоценностей из её квартиры. Те драгоценности, которые обнаружили в моей квартире, принадлежат Черновой Юле...» Добыл я эти показания, расследуя уголовное дело об изнасиловании Белкиной при допросе подозреваемого Козлова, после произведённого в его квартире обыска...

– Кто вам разрешил производить обыск без моей санкции! – закричал и.о.прокурора, не зная за что укусить следователя.

– Закон разрешил, а вам я направил уведомление, как это и предусмотрено законом. Оно в канцелярии... в вашей почте.

В кабинете наступила тишина. Коллектив видел явную победу Каневского и очевидное поражение и.о.прокурора. Он сидел, опустив голову, что-то черкая карандашом на чистом листе бумаги. Часто дыша, он над чем-то размышлял, а потом, подняв голову и глянув на Каневского, промолвил:

– Так не бывает. Что-то здесь не так. Расследуете одно, а выходите на другое?

– Чистая счастливая... для Чернова случайность. Такие казусы следственная практика знает. А вы, Андрей

Кузьмич, расстроены, что придётся невиновного Чернова освободить?

– Чистая случайность? – вскипел тот. – Знаю я ваше крючкотворство... и ваше... и вам подобных... стремление заглядывать в чужой карман.

Для Каневского это был предел терпения оскорблений. Он резко повернулся к выходу, но, повернув голову в его сторону, посмотрел в глаза своему обвинителю и произнёс:

– В этом кабинете я последний раз. Вы для меня больше не существуете. Таких оскорблений я не заслужил, – и демонстративно направился к выходу.

Весь коллектив с возмущением в душе смотрел на и.о.прокурора.

– Вернитесь, Каневский! – закричал тот. – Я вас не отпускал!

Арутюнов поднялся и, глянув на него орлиным кавказским взглядом, на удивление спокойно промолвил:

– То, что вы произнесли в адрес Каневского, касается в ваших намёках и меня, – и решительным шагом последовал за Каневским.

У временного хозяина кабинета отвисла челюсть, он покраснел, глаза налились кровью и, заикаясь, выкрикнул, глядя вслед ушедших:

– Э-это б-бунт!..

Тут поднялся заместитель прокурора Клестов. И.о.прокурора остановил на нём уничтожающий взгляд, ожидая, что тот скажет.

– Андрей Кузьмич, вы меня извините, но вы не правы. Каневский замечательный работник, следовательно от Бога, а вы при всём коллективе оскорбили его... зачислили в список взяточников, которых в нашей

прокуратуре не существует. Я лично не могу согласиться с вашими методами руководства и тоже покидаю ваш кабинет. Вы можете поставить вопрос о принятом мною решении перед высшим руководством... Думаю, оно поймёт меня, а не вас.

Клестов вышел. Вновь наступила глубокая тишина. Вдруг загремел стул, и поднялась Злотникова, которая ни слова ни говоря пошла к выходу, а за ней последовали все работники.

И.о.прокурора уходивший коллектив провожал молча, стоял, не зная, что сказать и какими словами остановить сотрудников. Когда же за последним закрылась дверь, он медленно опустился в кресло, поднял глаза к потолку и глубоко выдохнул, а потом схватил трубку и набрал номер телефона прокурора города.

– Сергей Иванович, прошу вашего воздействия. У меня настоящий бунт в прокуратуре. Все демонстративно покинули проводимое оперативное совещание...

– И какая причина? Так просто ведь не бывает, – остановил его своим вопросом Герасимов.

– Дело в том, что я усмотрел личную заинтересованность Каневского в судьбе подозреваемого в убийстве Черновой. Он настойчиво высказывал просьбу не арестовывать подозреваемого Чернова, мужа убитой, но я арестовал его, а на совещании сегодня решил покончить с таким явлением. Так он встал и покинул кабинет, несмотря на то, что я требовал возвратиться... следом за ним ушёл следователь Арутюнов, а потом мой зам Клестов и все остальные...

– Я представляю, как вы озвучили своё решение, что весь коллектив запротестовал. Кто же так поступает, Андрей Кузьмич? Такие факты сначала проверяют,

притом самым тщательным образом, и только потом принимаются меры. А в части Каневского я сомневаюсь, что вы правы. Он на лучшем счету в городе. Ну что ж... что было, то уже есть. Назад события не открутишь. Пошлю проверку. Если вы правы... виновные будут наказаны, а если нет... меры будут приняты к вам.

Герасимова все работники органов прокуратуры города знали как самого справедливого руководителя и строгого в то же время. Его боялись и уважали.

В то время, как этот разговор состоялся, произошло следующее: Каневский по телефону доложил Лапину, а тот прокурору округа, который в свою очередь возмущился поведением и.о.прокурора и позвонил ему, хотел разобраться в этой истории, но разговор оказался слишком коротким.

– Я уже поговорил по этому поводу с прокурором города и не намерен повторяться, – сказал и.о.прокурора и положил трубку.

Тогда прокурор округа истребовал уголовное дело по факту убийства Чернова и расследование поручил следователю прокуратуры округа, а когда тот совместно с Лапиным, изучив все материалы, доложили прокурору округа, он позвонил Герасимову и доложил детально о всей сложившейся ситуации. К этому времени в межрайонную прокуратуру прибыл состав проверяющих из городской прокуратуры. Двое изучали материалы следствия, а другие опрашивали работников прокуратуры. Была истребована и объяснительная и.о.прокурора.

Ближе к концу рабочего дня всё было закончено. Чернов был освобождён из-под стражи, Козлову избрана мера пресечения, связанная с арестом. А проку-

рор города в телефонном разговоре высказал и.о.межрайонного прокурора:

– Вы, Андрей Кузьмич, не оправдали доверия вашего протеже из Генеральной прокуратуры, и он уже сожалеет о вашем выдвижении.

На следующее утро поступил приказ об его отзыве и назначении на это место и.о.прокурора Клестова.

В коллективе наступило спокойствие, способствующее нормальной рабочей деятельности по надзору за исполнением законности во всех сферах крупного района столицы.

Х. Месть гастарбайтеров

Получив диплом о высшем юридическом образовании и служебный чин юриста 1-го класса, приравненного к воинскому званию капитан, Каневский уже состоял в должности старшего следователя по особо важным делам окружной прокуратуры. В то время в штатном расписании приставка «по особо важным делам» значилась только в следственной части прокуратуры города, однако в связи с тем, что в округе только он расследовал уголовные дела особо важной категории, его называли среди сотрудников именно так, хотя вскоре эта должность была введена.

Даша к этому времени тоже закончила учёбу, получила диплом и работала в межрайонной прокуратуре в должности помощника прокурора по общему надзору.

Их сын Димка с трудом осваивал детский сад, а за его стенами находился под опекой прабабушки Прасковьи Нестеровны и бабушки Нины Фёдоровны. Ох, не понравилось Димке, что в садике всё по режиму, и все по расписанию принимали пищу, играли, выходили на прогулку, спали и уходили домой. Поэтому он несколько раз пытался убежать, но благодаря бдительности воспитателя был с горькими слёзами возвращён. В домашних условиях мальчиком бдительно и постоянно занимались, прививая всё только хорошее и доброе, но родительское внушение много значило, поэтому как

Даша, так и Борис, часто позванивали в детсад или домой, интересуясь поведением сына.

В один из таких дней Борис, как часто это делал, с работы позвонил воспитателю, поговорив с сыном, и довольный услышанным положил трубку, стал собираться к выезду для производства следственных действий по одному из находящихся в его производстве уголовных дел. В этот момент вошёл Лапин и, увидев его поспешные сборы, сказал:

– Придётся отложить то, что задумал.

– Есть причина? – спросил Каневский.

– Есть, Боря. Убит один из начальников транспортной милиции... Территория, конечно, не наша, но поступило распоряжение прокурора города командировать тебя, и это надо сделать немедленно. Поэтому ты должен взять всё обходимое, и на нашем автомобиле выехать вот по этому адресу, – и он протянул листок откидного календаря с написанным синей ручкой адресом. – Все уже на месте. Ждут тебя. Осмотр места происшествия будешь производить ты.

– У меня же своих дел...

– Боря, – перебил его Лапин. – Ты в армии служил и знаешь, что такое приказ начальника. Поторопись.

Каневский кивнул головой в знак согласия, молча взял следственный портфель, в котором лежало всё необходимое, и вышел из здания, где его уже у парадного входа ожидал служебный автомобиль.

На месте происшествия были уже через двенадцать минут.

Оцеплённый красными лентами участок в районе станции метро «Динамо» тревожно и настороженно ожидал его, а за пределами стояла толпа зевак с одной

стороны, а с другой – специалисты всех родов служб правоохранителей. Поприветствовав всех, Каневский спросил:

– Эксперт-медик к трупам ходил?

– Да я был, – отозвался мужчина лет сорока, – смерть от колото-резаных четырёх ран наступила около пяти часов назад. Остальное... при осмотре и вскрытии.

– Кто убитый и что произошло... может кто пояснит... хотя бы вкратце? – обратился Каневский к остальным.

К нему сразу приблизился дюжий милиционер майор и сообщил:

– Это подполковник милиции Юлин... начальник подразделения транспортной... Должен был ехать в Главное управление милиции города, а по пути, то есть здесь должен был забрать нашу кадровичку Зою Максимовну... вон она сидит, – и он указал на женщину, сидевшую с опущенной головой на лежащем у забора бетонном блоке. – Значит... она поясняет, что, когда подходила из проулка к автомобилю, то видела троих мужчин в масках, бежавших к стоявшей чуть впереди машине синего цвета, и они тотчас уехали. Марку машины и номер она назвать не может, а тех троих в масках приняла за бойцов спецназа. Когда подошла ближе, то увидела вывалившегося из-за руля Юлина и лужу крови, побежала к проходной ближней организации, вызвала «скорую», а потом сообщила на «02».

– Понятно. Я после с ней побеседую, – сказал Каневский и приступил к осмотру.

Осматривая место происшествия, он часто поглядывал на собравшуюся толпу, надеясь узнать в ней пре-

ступников, которых иногда любопытство притягивает к месту совершённого преступления. Однако все зеваки стояли со страдальческими лицами.

Сам осмотр ничего не дал, кроме того, что следователь зафиксировал наличие и положение трупа, а также местность, где он находился и прочее... Какой-либо ниточки, за которую можно было потянуть и выйти на след убийц, обнаружено не было. «Крупный орешек... и раскусить его будет не просто», – подумал Каневский, закончив осмотр.

После отправки трупа на исследование и допроса кадровички он, при участии представителя вышестоящей структуры милиции и заместителя по службе погибшего, осмотрел его рабочий кабинет, и в результате – рядом с вентиляцией у самого потолка небольшой комнаты отдыха был обнаружен хорошо замаскированный тайник. При его вскрытии там находились крупные суммы долларов США, европейской валюты и в рублях. Когда всё было подсчитано, то у присутствовавших округлились глаза. Там же находились: трое дорогих швейцарских часов, двое мужских и четыре женских перстня, несколько золотых цепочек, серьги с бриллиантами, три дорогих позолоченных авторучки и неучтённый пистолет германского производства «Walter PP» с полным магазином, рассчитанным на 8 патронов калибра 7,65 мм «ауто».

Из всего этого следовало, что руки Юлина на посту начальника милиции были далеко не чистыми, и что он активно злоупотреблял своим служебным положением в исключительно корыстных целях. В сейфе, при осмотре, находились несколько материалов от свежей до годичной давности, которые касались рыночной

деятельности определённых бизнесменов, один в отношении владельца ресторана и два в отношении трёх лиц калужской преступной группировки. Из стола были изъяты: записная книжка с записями номеров телефонов и адресов, а также перекидной календарь, на листах которого значились записи, заинтересовавшие следователя. Всё это было упаковано и изъято. Кроме этого в ящике стола был обнаружен проект строительства двухэтажного жилого дома в деревне Захарково Красногорского района Московской области.

Допросив очевидцев и свидетелей, которые могли пояснить хоть какую-нибудь долю истины совершённого преступления, Каневский стал изучать записную книжку Юлина, как вдруг сообщили, что обнаружен автомобиль, на котором, похоже, лица, совершившие убийство, скрылись с места происшествия. Он обрадовался этому сообщению, надеясь потянуть за желанную ниточку. Однако, когда прибыл на место обнаружения, то увидел сгоревший от него остов.

Работники ГАИ сразу установили, что автомобиль был угнан в 7 часов утра, судя по заявлению владельца, обратившегося в это время в дежурную часть РОВД «Щукино».

Пока ехал к своему месту работы, Каневский рассматривал документы Юлина на автомобиль, которым управлял, и обнаружил, что он принадлежит Сухареву Анатолию Карповичу, а Юлин управлял им по доверенности.

– Серёжа, – обратился он к водителю. – Давай-ка возьми курс вот по этому адресу.

Тот прочитал и кивнул головой, он хорошо знал улицы города, и без вопросов мог доставить туда, куда надо.

Сухарев оказался дома и открыл дверь, передвигаясь на двух костылях из-за отсутствия правой ноги. На вопрос о принадлежности автомобиля «Ауди» ответил:

– Машина фактически принадлежит Юлину. Он попросил, а я согласился... покупку автомобиля оформить на мой паспорт. Под Истрой у нас дачи рядом, правда, он свою выставил на продажу.

– А почему? – поинтересовался следователь.

– Он где-то возле Красногорска купил землю... 12 соток по 5 тысяч баксов за сотку, и строит там дом. Наверно, деньги нужны.

«Думаю, что вряд ли. С такими деньгами, какие были изъяты в его кабинете, можно построить три дома с отделкой», – мысленно заключил Каневский.

Допросив Сухарева, он вышел к автомобилю и взглянул на наручные часы – время приближалось к концу рабочего дня. Прикинув в голове про проделанную за сегодня работу по данному делу, ему показалось этого недостаточно, и он велел водителю ехать к месту проживания семьи Юлина.

Дверь открыла заплаканная супруга убитого. Борис, первым делом выразив соболезнование, спросил:

– Надежда Ивановна, вы сегодня в состоянии пообщаться со мной, как со следователем, расследующим уголовное дело об убийстве вашего мужа? Я вас не троплю... Могу согласиться с переносом нашей беседы... потом, когда вы успокоитесь.

– Коль пришли... спрашивайте. Я готова. Лучше сразу, чем растягивать.

– Давно вы в законном браке с Юлиным?

– Двадцать первый год.

– Есть совместные дети?

– Сын в армии... служит.

– Враги есть у него?

– У какого мента нет врагов? А он ещё и начальником милиции был. Только кто они... вот вопрос?

– Угрозы ему поступали?

– Постоянно. Но он мне особо не говорил... кто угрожает и по какой причине. Было как-то перед новым годом... камень в окно бросили с привязанной бумажкой, а на ней могила нарисована с крестом, а неделю назад он снова с кем-то по телефону ругался. Я не спрашивала с кем... Всё равно не скажет... Не твоего ума дело... Весь его ответ.

– Материально вы в достатке жили? Я вижу по обстановке в вашей квартире, что не очень.

– Я не работала из-за болезни сердца, а жили на его зарплату. Хватало на еду... Особо не шиковали... по курортам не разъезжали... Савелий любил всегда говорить: «Я материально беден, но вот духовно... богат». А эти все вещи, что вы видите в квартире, куплены ещё лет десять, а то и больше... в кредит.

– А дача под Истрой хорошая?

– Вы уже всё узнали... Дача старенькая. От родителей моих досталась. Савелий никак продать её не может... За автомобиль надо рассчитаться, в долг занял.

– Ну, а дом под Красногорском на какие средства строите? За землю он заплатил 60 тысяч долларов, а остальное...

– Какой дом? Кто это вам сказал? – прервала она его. – Враньё это.

– «Да-а. Враньё не у меня, а у вашего мужа. Как же он обманывал эту женщину?!. А вот интересно почему? Здесь что-то есть... уж очень интересное», – подумал

он. Достав из портфеля документы на строительство дома, подошёл и положил перед ней:

– А вот полюбуйтеесь. Не враньё, а реальность.

Она дрожащими руками взяла их, прочитала и, подняв глаза на следователя, промолвила:

– Я их впервые сейчас вижу... Ничего не пойму. Может, он хотел сюрприз мне сделать? Так за какие шиши?

– На эти вопросы мог ответить только он... А ту бумажку с угрозой сохранил?

– Есть... Я её сберегла. Сейчас принесу.

Она поднялась и вышла в другую комнату.

Каневский, окинув взглядом убогое убранство комнаты, которую по привычке, скорее всего, называли залом, глазам не верил, что Юлин с такими деньгами, хранящимися в тайнике, мог жить в такой обстановке. Обшарпанный диван, такое же кресло, поцарапанный платяной шкаф, сверкающий стариной и нищенством комод с обломанным углом и этажерка послевоенных времён – напоминали больше склад ненужных вещей, чем обстановку квартиры. «А что? В случае провала Юлин мог преподнести весь этот вид в свою защиту», – сам по себе напрашивался вывод.

Надежда Ивановна появилась быстро и протянула ему лист бумаги с рисунком могилы. Каневский обратил внимание на то, что он вырван из тетради, и на середине, на остатке с другого листа, остались две буквы «...ил», как конец предшествующего слова. Оформив его изъятие, Каневский собрался уходить и, задержавшись у двери, напоследок обратился к хозяйке квартиры:

– Надежда Ивановна, позвольте задать вам один нескромный вопрос?

– Спрашивайте, – ответила она, и лицо стало каким-то настороженным.

– Муж не замечался вами в супружеской неверности?

Она стыдливо опустила глаза и вместо ответа спросила:

– К чему это вы? Разве ваш вопрос касается к убийству?

– Ещё как касается. История следственной практики знает немало фактов, когда подобные преступления совершаются именно на этой почве. Мы же мотив пока не установили.

С минуту она стояла молча, размышляя, видимо, говорить или нет, но всё-таки решилась:

– Замечала. Но меня успокаивало то, что почти все мужчины лишены постоянства, и кое-кто часто, а другие реже в тайне от жены совершают прыжки в левую сторону. Мне звонил дважды неизвестный мужчина, сообщая, что его жена Ольга изменяет ему с моим мужем. Я ему нагрубила и попросила больше мне не звонить. Кто она и кто он, я не знаю. Мужу об этом, конечно, сказала, а он хладнокровно ответил: «Ты же знаешь, где я работаю. Укусить хотят с любой стороны». Я подумала и поверила, но после стала замечать холодность с его стороны.

Каневский поблагодарил её, вручил свою визитку, попросив позвонить, если вдруг вспомнит что-либо относящееся к раскрытию преступления, и попрощался.

Находясь в салоне автомобиля, он достал телефон, изъятый из кармана Юлина, стал пристально изучать страницу памяти. В перечне шли номера телефонов без имен и с именами, но один из них ему особо приглянулся. Номер телефона был сохранён как «0» вместо

имени владельца. «Ноль может обозначать и имя... к примеру «Оля», – рассудил Борис и нажал на вызов.

– Я перезвоню, – шёпотом ответила женщина.

Каневский заулыбался и стал ожидать. Водитель посмотрел на него, а потом спросил:

– Вижу, снова куда-нибудь поедем. Ведь так?

– Посмотрим, Серёжа. Всё зависит от ответа на мой звонок.

И тут зазвонил с чувственной мелодией телефон. Каневский нажал на кнопку ответа и притворным тихим голосом ответил:

– Да.

– Ты позвонил, а мой рядом... уши развесил. Так я ушла в продмаг. Здравствуй, Савелий. Ты чего хочешь? – начала женщина.

– Увидеть... да кое о чём поговорить.

– Ну, приезжай туда, где всегда.

– Туда нельзя. Там сейчас наши. Любое метро у выхода выбери.

– А зачем мне выбирать. Тогда на «Соколе» возле церкви.

– Идёт. Ну до встречи. Я минут через десять буду. Увидишь чёрную «Волгу» последние цифры семь восемь... открывай и садись. Я выходить не буду. Поняла?

– Поняла. А что у тебя с голосом?

– Дружба с мороженым и холодным лимонадом.

– Ну, вот... До встречи, – и она отключилась.

Каневский засмеялся и, глянув на водителя, сказал:

– На «Сокол» к церкви. Там недолго и домой.

Подъезжая, Каневский увидел с тыльной стороны церкви палаточный небольшой рынок, который уже заканчивал свою работу. Чуть левее стояло здание

РОВД «Сокол», из которого выходила группа милиционеров, а справа он заметил одиноко стоявшую на тротуаре женщину. Её привлекательное лицо и глаза были устремлены на их автомобиль.

– Останови, – сказал Каневский водителю, и тот исполнил просьбу.

Она сразу же быстро направилась к машине, открыла заднюю дверцу, села на сиденье и, увидев незнакомых двух мужчин, уже хотела выйти, но прозвучал вопрос, который заставил её остаться.

– Вы ожидали Юлина? – спросил Каневский, поворачиваясь к ней.

– Да. А он-то где? – взволновано поинтересовалась она.

– А вы... Оля?

– Да. Что-то случилось?

– Случилось. Вот вам моя визитка. Там указан адрес прокуратуры. Завтра к девяти ноль-ноль я вас жду. Мне надо под протокол задать вам несколько вопросов.

– А почему? Каких вопросов? Что же случилось? Можете мне объяснить толком?..

– Дело в том, что Юлина... больше нет. Он погиб. Ваш номер я нашёл в его телефоне.

Каневский не знал и не мог знать, что сообщённое ей оказалось ахиллесовой пятой, самым уязвимым местом. Она с минуту смотрела на него, а потом расплакалась, начала рыдать. С огромным трудом Каневскому удалось её успокоить. Благо, у водителя в бутылке оставалось немного воды, и нашлись в аптечке таблетки валерианы.

Придя в себя, она с глазами, всё ещё полными слёз, обуреваемая нахлынувшими чувствами, тихо произнесла:

– Мы ведь только что договорились... он скажет о нас жене, а я мужу... должны были подать на развод и жить вместе. У меня ведь ребёнок от него... и муж об этом знает... Всё рухнуло. В один миг всё уничтожено.

– Успокойтесь. Не всё рухнуло. Значит, Богу так было угодно, что вы не оказались вместе. Не суждено. Если муж знал о ваших отношениях и не предпринимал резких решений, значит, он любит вас и не желает расставаться с вами. Всё уладится, а вы должны в корне измениться и добром отплатить мужу за его терпение и доброту. Если вы поставите себя на его место, то поймёте, как это больно жить, зная об измене.

Ольга почти совсем успокоилась, стала непосредственнее и слушала его с интересом. Борис видел это и, воспользовавшись тем, что полностью завладел её вниманием, спросил:

– Ольга, скажите... кто мог его убить?

– Я не знаю. У таких, как он, врагов достаточно.

– А вы в курсе, где именно он строил дом?

– Так он для нас и строил... В Захарково... Это рядом с военным санаторием «Архангельское»... по Ильинскому шоссе, – и она подробно рассказала о расположении дома, а в конце добавила: – Второй этаж не закончен. Савелий всё искал бригаду строителей. А недавно хулиганы разрушили часть оконных проёмов и стены второго этажа. Он подключал своих друзей на поиски злоумышленников, но это не сдвинуло с места.

– Но кто-то же строил и почему не закончил? – Каневский задал этот вопрос, не зная, что ответ на него и является ключом к разгадке, той ниточкой, за которую надо тянуть и вытянуть все главные ответы, относящиеся к раскрытию убийства.

– Дом этот строили кому не лень... В разные периоды три бригады гастарбайтеров-узбеков или таджиков и одна бригада с Западной Украины. Одни готовили котлован, другие построили подвальное помещение, третьи первый этаж... и четвёртые начали второй.

– Почему так? Почему не одна бригада?

– Брала деньги и убегали. Савелий их разыскивал по всей Московской области и за её пределами, но всё было безрезультатно.

– Угрозы ему поступали? И если да, то от кого?

– Поступали и частенько... То в окно камень бросили, то в почтовый ящик подбросили листовки, а в основном по телефону. Кто и почему я не знаю. Савелий всё то, что касалось его лично и его работы, не разглашал, был какой-то замкнутый в этом вопросе. Даже в злополучном строительстве дома мне казалось, он знал о всех причинах торможения и смене бригад, но скрывал. Наверное, не хотел, чтобы я расстраивалась, а, может, была и другая причина, о которой мне неизвестно.

«Здесь надо покопаться. Я тоже чувствую, что что-то здесь не так», – подумал Каневский.

Видя, что Ольга стала поглядывать на часы, решил завершить разговор.

– Последний вопрос, Ольга... Он находил бригады строителей... Разве никто не смотрел их документы? Они что... не регистрировались нигде?

– Отчего же. Савелий смотрел. Он даже делал ксерокопии их паспортов, и вот как раз с трёх бригад среднеазиатов они точно находятся у него на работе. Синяя тонкая папка... А последних бандеровцев – у меня дома. Если они нужны, я завтра принесу.

– Обязательно принесите. Ну, что же... тогда до завтра. Жду вас в девять. Спасибо вам за беседу и простите меня за метод встречи, – сказал Каневский.

– Ничего страшного, – произнесла Ольга, попрощалась и ушла.

Каневский заметил, что водитель, сидя на своём месте, немного нервничает, поглядывая на часы, и уже открыл было рот, чтобы произнести слова, но Борис опередил его:

– Домой, домой, Серёжа. Я об этом и хотел сказать. А ты думал другое?

– Уж не обижайтесь, но скажу прямо... не люблю я с вами ездить. С другими еду... оно как-то всё по-быстрому, а у вас рождаются планы на ходу... А вот как дошного следователя я уважаю вас больше всех. Вот скажите честно... разве в вашей голове не промелькнула мысль сейчас же поехать в это Захарково?

– Угадал. Подумал об этом, но уже поздно. Световой день для меня слишком маленький.

Возвратившись домой, Каневский застал сына уже спящего, а Даша, видя озабоченность мужа, всё щебетала возле него, рассказывая о Димке, а потом перешла на результаты общенадзорной проверки, которую она провела в домостроительном комбинате и выявила грубейшие нарушения трудового законодательства. Он, как ей казалось, слушал внимательно, но думал совсем о другом.

Борис, и правда, перебирал в памяти всю наработку за день по делу об убийстве Юлина, сразу же корректировал мысленно план своей работы на следующий день, но когда Даша начала перечислять выявленные нарушения, он взглянул на неё и спросил:

– А вот, если частник нанимает бригаду строителей, и те строят ему дом. Что должны иметь при себе члены бригады?

– Регистрацию и разрешение на работу. Если тебе это надо... я принесу завтра выписку со ссылкой на закон.

– Очень буду тебе благодарен, родненькая, – сказал Борис, привлѣк к себе Дашу и нежно поцеловал её щѣки, носик и розовые губы.

В 8.30 утра он уже докладывал прокурору округа о результатах расследования уголовного дела об убийстве Юлина, а тот доложил по инстанции.

Через полчаса пришла Ольга и принесла отксеренные паспорта украинской бригады строителей. Все пять человек были уроженцами Львовской области, возраст от 28 до 35 лет. Оформив изъятие и допросив Ольгу, он срочно выехал в отделение милиции, где работал Юлин, и в его кабинете среди вороха бумаг в ящиках стола нашѣл копии паспортов трёх бригад строителей выходцев из Узбекистана, а потом выехал в деревню Захарково.

Найти дом Юлина не составило труда, он сразу бросился в глаза своими руинами, окаймлѣнный высоким бурьяном. Осмотрев его и засняв на плѣнку, Каневский увидел во дворе соседнего деревянного дома мужчину, кормившего собаку. Подойдя к калитке, он поздоровавшись, обратился к нему:

– Можно вас спросить? – а когда тот подошѣл, продолжил: – Кто строит этот дом? – и он указал на кирпичные двухэтажные руины.

– По фамилии не знаю, а со слов других якобы мент... большой начальник. Я его несколько раз видел,

– приезжал на «Ауди» одетый по цивильному. А вы с районной администрации?

Каневский представился, предъявив служебное удостоверение, потом спросил:

– А почему второй этаж полуразрушен?

– А вы что хотите купить его? – ответил вопросом на вопрос мужчина. – Не советую. Этот дом проклят... Поскольку я живу по соседству, то Савелий Маркович, так он мне представился при знакомстве, согласовывал со мной границы и попросил за отдельную плату уступить один метр моего участка. Я, конечно, согласился и он уже, как вы видите, протянул фундамент забора по моему участку, а про обещанную плату забыл и даже не вспоминает. Поэтому я уже нанял узбеков, и они на следующей неделе откопают этот фундамент и выбросят на его законный участок... Но это ещё полбеды... История этого дома такова: бригада узбеков начала копать котлован под фундамент. От темна до темна люди работали, жили в сколоченном из досок сарайчике без электричества, питаясь всухомятку, чем попало, а когда закончили... рано утром приехали милиционеры и всех забрали. Через неделю появилась другая бригада узбеков и приступила к монтажу фундамента. Жили они в тех же условиях. Как только фундамент был завершѣн... с перекрытием и до начала возведения стен... вновь приехали милиционеры и увезли их. Опять спустя непродолжительное время третья бригада узбеков приступила к возведению стен. Я слышал, как они требовали аванс, но хозяин отказывал, ссылаясь на прежние бригады, которые якобы взяли деньги и сбежали...

– А из прежних разве никто не приезжал на стройку? – перебил мужчину следователь.

– А вот к этим приехали двое, и как я после узнал, рассказали этим методику уклонения хозяина участка от уплаты за выполненную работу, а те уже успели перекрыть плитами первый этаж. Они и кран-то нанимали за свои деньги... А тут приезжает Савелий Маркович и вся бригада к нему... мол, заплати за первый этаж, а он: нет, мол, буду платить по завершению второго этажа. Разгорелась ссора. Я слышал, как бригадир узбеков доказывал хозяину, что тот обманул уже две бригады и вместо оплаты прислал милиционеров, которые забрали всех. Хозяин, конечно, гнул свою линию, а под конец поклялся, что утром привезёт деньги, оплатит за возведение первого этажа, за кран, за разгрузку стройматериалов из грузовых машин и за заливку фундамента под забор. Те поверили и продолжили работу. А на утро приехали всё те же милиционеры и увезли всех, сославшись на отсутствие регистрации и разрешения на работу. Так закончилась российско-узбекская компания. Началась российско-украинская. Однажды вижу, появилась бригада славянского вида. Из их речей я понял – украинцы... западники. Они тоже работали от темна до темна. Видно было, что ребята профессионалы... Стены погнали быстро и подвели под перекрытие, а тут один из них пришёл ко мне и попросил купить картошки. Я ему ведро так дал и рассказал о судьбе трёх бригад узбеков. Когда он вернулся к своим и рассказал, те, конечно, разволновались и прекратили работу... А тут и хозяин заявился... И вновь спор. Он пообещал утром привезти оплату за второй этаж, а те категорически заявили, что работа будет возобновлена только после оплаты. С этим и уехал хозяин. Так вот эти ребята оказались не дураками и переночевали где-

то, а рано утром со стороны наблюдали, как носились вокруг дома милиционеры в поисках строителей. А через месяц примерно я видел, как на «Жигулях» зелёного цвета приехали четверо парней в масках с кувалдами и стали рушить оконные проёмы и стены второго этажа... немного досталось и первому. Вот так-то...

– Номер автомобиля не запомнили?

– Хе-е! Он закрыт был газетой. Я заметил на дверце водителя была горизонтально прочерченная... может быть, гвоздём, длинная царапина, а на крыше был ржавый багажник.

– А фоторобот этих строителей не смогли бы...

– Не-е... Я к ним не приглядывался, – перебил следователя мужчина. – Того, что приходил за картошкой можно попробовать и то... я уже забыл его лицо... Зубы у него коричневые и верхний впереди сколот, а на левой брови шрам... Да... на левой руке на пальцах... на безымянном и среднем наколоты две буквы «ЯН».

Каневский, с позволения мужчины, вошёл на его участок и, присев за сколоченный из досок столик под яблоней, перенёс весь рассказ в протокол допроса, а потом поблагодарил за оказание помощи своим рассказом следствию. На том и уехал.

Выездом в деревню он был доволен. Теперь Борис понимал, что мотив убийства найден... и кроется в развалинах дома.

Доложив прокурору в присутствии Лапина Каневский ожидал распоряжений, а тот пристально глядя ему в лицо, спросил:

– Что дальше намерен делать?

– Обращусь в погранслужбу с просьбой о помощи, – ответил Каневский.

– А они-то чем могут помочь? – поинтересовался Лапин и с удивлением посмотрел на следователя.

– Известно ведь, что они с Украины, притом с Западной. Одного из них зовут Яном. Границу они пересекали... значит, паспорта их прошли через компьютер. Янов, думаю, не так уж много будет, это редкое имя. Начну с этого. Кроме того, через беседы с узбеками, которые обитают в Захарково попробую найти кого-либо из тех троих бригад. Сейчас я полностью уверен, что мотив убийства – уклонение Юлина от уплаты за выполненную работу, а служебная его деятельность полностью исключается.

Межрайонный прокурор так и доложил вышестоящему, взамен получил строжайшее указание найти убийц, а Каневский получил полную свободу действий.

Связавшись с руководителями всех украинских направлений на Российской границе он обосновал свою просьбу и ожидал положительного результата, однако ни один из них не согласился помочь, ссылаясь на отсутствие указания свыше. Тогда он обратился к тестю и рассказал ему о сложившейся ситуации. Пётр Степанович вспомнил о своих старых связях с Федеральной службой безопасности (ФСБ), и этот вопрос решился в течение нескольких минут. По их предложению Каневский подготовил соответствующее письмо за подписью прокурора города и отвёз на Лубянку.

На следующий день его пригласили в ФСБ и положили перед ним весь список граждан Западной Украины, пересекших Российскую границу в оба направления.

– Выбирайте, кто вам подходит, – сказал майор и положил перед ним листы.

Поблагодарив, начал изучать список. Из всех перечисленных уроженцев Западной Украины оказались только два Яна, оба находились на территории России. Один из них сразу же в первый день пересечения границы убыл в Красноярский край, а второй оставался в Московской области, на нём Каневский и остановился. Кроме того, выписал несколько фамилий, которые прибыли с ними одновременно. Вопрос оставался: как разыскать их. Однозначно, они работали без регистрации, а строительство коттеджей в Московской области велось в массовом порядке. Обращение в эмиграционную службу тоже ничего положительного не дало. Каневского успокаивало то, что погранслужбы на украинских направлениях выставили сторожевые карточки на Яна Стрижака, и он будет на короткое время задержан, о чём ему сообщат. Однако в беспомощности Каневский не расписывался и продолжал действовать. За два дня он объехал почти все стихийные рынки по предложению рабочей силы, беседовал с сотней представителей узбекской и украинской национальностей, а не добившись желаемого результата, приехал в деревню Захарково, обошёл все строящиеся жилые объекты, разговаривая об узбеках, в своё время строивших дом Юлину.

На одном из таких объектов узбек лет сорока на вид обрадовал его:

– Так это мои племянники... Бахадыр, Бахтиёр и ещё три односельчанина. Они знают, кто из наших работал после них. Если хотите, я поеду с вами и покажу, где они работают сейчас. Это недалеко... Возле Строгино... на рынке... Синдика называется... Фундаменты под боксы заливают.

Каневский воодушевился информацией и незамедлительно поехал с этим узбеком на рынок. Там он допросил всех пятерых, которые пояснили, что выкопали под дом котлован, и Юлин за работу не заплатил. Прибывшие милиционеры забрали их и привезли на вокзал, чтобы отправить в Узбекистан, но они откупились за две тысячи рублей, хотя те требовали пять, но у них таких денег не оказалось.

После этого с Бахадыром Каневский выехал в деревню Глухово Красногорского района, и тот показал дом, который строили бригады узбеков, ранее выполнявшие работу по монтажу фундамента и возведению стен первого этажа дома Юлина. Все они рассказали аналогично пояснениям прежних. Старший среди них, по имени Саманда, поведал:

– Наши люди неоднократно приезжали к нему и просили расчёт за работу, но он под разными предлогами уклонялся. Последний раз я приехал сам и застал его на стройке дома, которую уже вели западники с Украины. На мой вопрос о расчёте Юлин пригрозил мне, что если ещё раз увидит меня здесь в посёлке, то закроет в КПЗ, потом сел в свою машину «Ауди» и уехал. Бендеровцы уже завершали возведение стен второго этажа под перекрытие плитами. Я им и сказал о наших бедах. Они, конечно, расстроились и Ян... он у них старший был, сказал, что ему и сосед об этом говорил... и, мол, прекратят работу до расчёта за возведённый этаж. После этого я уехал, и больше мы не приезжали. Мы в молитвах просили Аллаха наказать этого человека за издевательства... Ему в этом доме счастья не будет... Столько людей проклинаят его.

– Кроме Яна ещё кого-либо по фамилии или именам знаете? – спросил Каневский.

– Кроме Яна?! Володей он одного называл и Стасом другого, а фамилий не знаю. Знал бы... сказал.

– А вы угрожали Юлину? Лично или по телефону?

– Что вы? Как можно менту угрожать? Нет, конечно. Да мы и номер его телефона потеряли.

– А кого-либо из той украинской бригады видели? Я имею ввиду, после того разговора.

– Я лично нет, а вот Мирзоджан видел. Из Красногорска он ехал в Глухово, а они садились в этот же автобус, курсирующий до Петрово-Дальнее. Он вышел в Глухово, а они поехали дальше.

– А он-то откуда их знает?

– Так Мирзоджан приезжал к дому Юлина за нашими инструментами. Мы их перед уходом спрятали в бурьяне возле соседского забора.

– Как думаете, от украинцев могли поступать угрозы Юлину?

– Этого я не знаю... Но-о... когда я сказал Яну, что хозяин и с ними так поступит, то у него глаза стали вдруг злые, и он заявил, что они разрушат то, что возвели.

Каневский записал его показания в протокол, допросил ещё троих, поблагодарил их, а перед отъездом сказал о гибели Юлина, на что те расстроились, заявив о нежелании ему такой участи.

Возвратился Борис на своё рабочее место в приподнятом настроении. Теперь он был полностью уверен, что убийство совершили члены бригады Яна. Вспомнив о списке ФСБ и заглянув в его выписку, увидел, что с Яном прибыли Стас Буряк и Владимир Куча. Их

имена и называл Саманда. О своей удаче он доложил Лапину, а после они вместе зашли к прокурору, и Каневский то же самое доложил ему.

– Молодец, Борис. У тебя хватка волчья, – похвалил Валерий Николаевич. – Давай, дерзай дальше. На завтра что наметил?

– Проеду в Петрово-Дальнее. Судя по разговору Саманды, они работают где-то в том краю.

– Одному ехать нельзя. Я позабочусь, чтобы тебе прислали двух оперов. Так будет надёжнее.

– Истинная правда, – поддержал Лапин. – Убийцы могут оказать активное сопротивление. Если только это их работа... А кому хочется садиться за решётку... да ещё в другой стране.

– Ты в какое время планируешь выезд? – спросил Бориса прокурор.

– Сразу с утра. Хочу пораньше возвратиться... Работа по другим делам поджимает.

– Ровно в девять они будут у тебя.

Возвратившись в свой кабинет, Каневский поработал с другими находящимися в его производстве делами, а после прочитал ещё раз протоколы допросов узбеков и, поразмыслив над их показаниями, уехал домой.

В тот самый день начальник следственной части прокуратуры города активно прорабатывал вопрос перевода Каневского под своё крыло. Но прокурор города не торопился с принятием решения, ожидая, как разрешится дело об убийстве Юлина.

Новый день сулил быть насыщенным, и хотелось, чтоб был плодотворным. Утром Борис с двумя операми: старшим лейтенантом Назаровым и лейтенантом Белик, – выехали в Петрово-Дальнее.

В самой деревне строилось только два дома, и там работали узбеки и таджики, но за её пределами вблизи лесных массивов велось строительство на многих дачных участках, особенно вдоль дороги, ведущей в сторону Звенигорода.

Безрезультатно побывав в нескольких, Каневский не терял надежды и терпеливо продолжал поиск.

Время подходило к двум часам дня. На очередном участке, где дом возводила белорусская бригада из семи человек, он спросил:

– Где-то в этом краю работает украинская бригада... Не подскажете, ребята?

– Западники? А что, они лучше всех работают? Алкашат сутками. Как вечер, так пьянка. Вон они, – и один из рабочих указал рукой вдаль к лесной опушке, где велось строительство жилых домов.

– Нам они нужны по другим вопросам, – ответил Каневский, поблагодарил, и они поехали по указанному направлению.

Подъезжая к строящемуся дому, где трудились узбеки, Белик вышел из машины, поговорил с ними и, возвратившись, доложил:

– Поехали к крайнему дому от леса. Там они... но один из них утром ушёл к автобусной остановке. Их всего пять человек... с ушедшим.

– В этом количестве они работали и в Захарково, – сказал Каневский и тронул за плечо водителя.

Тот включил рычаг передач и медленно по ухабам направил автомобиль к строящемуся дому. На лесах действительно находились четыре человека.

Выйдя из машины, Каневский окинул взглядом постройку, всё вокруг, и под любопытными взглядами строителей подошёл к дому.

– Прошу всех спуститься и подойти ко мне, – попросил он.

Те, не спрашивая, кто он, послушно спустились и подошли.

Опера стали с двух сторон, зорко наблюдая за движениями каждого из строителей.

– Я следователь прокуратуры Каневский и со мной два работника уголовного розыска, – представился и тут же задал вопрос: – Сколько человек работает на строительстве этого дома?

– Вот мы и работаем, – ответил один из них.

– Ответ неверный. С первой минуты вы начали лгать. Предъявите свои документы личности, а также регистрацию и разрешение на работу.

– А у нас документы участковый забрал, – ответил тот же.

– Фамилия участкового?

– Высокий с двумя звёздочками, а фамилии его мы не знаем.

– Сейчас выясним, – сказал Каневский и, глянув на Назарова, попросил: – Позвони.

Тот кивнул головой, достал мобильный телефон, отошёл в сторону и стал набирать номер.

– Вы в Захарково работали? – спросил Белик, и Каневский с укором посмотрел на него.

– Это где? – спросил тот же и сразу пояснил: – Мы вот начали первый дом...

– Твоя фамилия? – резко оборвал его Каневский.

– Буряк... Станислав, – ответил тот и сразу забеспокоился. – Я, извиняюсь, начальник. Мои документы вон там в сарайчике. Принести?

Услышав эту фамилию, Каневский в душе повеселел: «Значит я на правильном пути», – вспомнив список, полученный в ФСБ и перечень фамилий.

– Каждый назовите свою фамилию, – потребовал следователь, не отвечая на вопрос Буряка.

– Я Любомир Берёза, – назвал стоявший рядом с Буряком.

– Я Владимир Куча...

– А я Степан Голуб...

– Кто пятый и где он? – продолжил Каневский.

Все замялись. Было видно, что ответить правду им не хочется. Каневский упёрся цепким взглядом в Степана Голуба и ждал ответа. Тот не выдержал и выпалил:

– Ян Стрижак... он уехал на почту отослать деньги домой, а после... в магазин за продуктами...

И сразу получил от Кучи тычок кулаком в бок. Тот сразу замолк. Это не прошло мимо взгляда Каневского.

В это время подошёл Назаров и доложил:

– Борис Фёдорович, здесь участковый капитан Осенин и документов у рабочих не забирал... Хлопцы солгали.

– Ладно, я принесу сейчас все документы, – сказал Буряк и направился к сарайчику, сколоченному из досок и служащему жильём для строителей.

«Кто из них лишил жизни Юлина?» – думал Каневский, глядя на каждого в отдельности. – А вдруг это не они, а кто-то другой? Ведь желающих на это у начальника милиции немало. С чего начать тогда?»

Неожиданно в уши ударил звук выстрела. Все упали на землю, а Каневский услышал, как за его спиной вскрикнул Назаров. Повернувшись, он увидел его ле-

жащим с бледным лицом и с широко открытыми глазами.

– Зацепило, – простонал он, глаза его стали медленно закрываться.

С левой стороны груди сквозь одежду начала быстро обильно просачиваться кровь.

Каневский достал пистолет и выстрелил в направлении сарайчика. Но стрелявший выстрелил уже из-за угла дома. Белик пополз правее, а Каневский левее. Буряк начал стрелять по Белику. Оглянувшись, Каневский увидел, что Степан Голуб пытается помочь Назарову, но почти сразу развёл руками, давая понять, что тот скончался. Тогда Каневский поднялся во весь рост и, вытянув руку с пистолетом, твёрдо пошёл вперёд к дому. В это время по Белику прозвучало ещё два выстрела. Белик же пока не выстрелил ни разу. Каневский, выйдя из-за угла, увидел спину Буряка и выстрелил. Тот от удара пули сделал шаг вперёд, но в этот момент прозвучал выстрел Белика, что поставил точку в перестрелке. Выпущенная им пуля угодила между глаз Буряка, и тот рухнул на землю.

– Всем лежать, не двигаться! – послышалось со стороны, где лежал Назаров. – Стреляю без предупреждения.

Каневский узнал голос водителя и подумал: «А чем же Серёжка стрелять будет? У него ведь нет оружия». Он подошёл к Буряку, продолжавшему держать пистолет в руке, приложил два пальца к артерии на шее, но пульса не услышал, – тот был мёртв. Посмотрев на результат своего выстрела и, увидев, что пуля прошла сквозь правое плечо, стал искать взглядом Белика. Возвратясь к остальным, он увидел его сидящим со снятой

фуражкой возле Назарова. По его щекам лились слёзы. Строители начали подниматься.

– Всем лежать! – закричал Каневский. – Руки за спину! Быстро!

Все трое исполнили приказ.

Каневский достал наручники, а Белик, вытирая мокрые щёки, достал свои и Назарова. В этот момент раздался крик:

– Сволочи! Идиоты! Я сколько раз вам говорил бросить свои затеи, но вы не слушали!

Каневский повернулся и увидел, что это кричал Степан Голуб. Он подошёл и застегнул наручники Куче, а Белик – Берёзе.

– Встань, – потребовал Каневский от Голуба.

Тот поднялся.

– Где всех документы? – продолжал следователь.

– В сарайчике, – голос его дрожал.

– Ещё оружие есть там?

– Есть... пистолет, но перед уходом его Ян спрятал... там же в сарайчике.

– Идём, покажешь, где документы.

Войдя в сарайчик, Степан сразу достал пять паспортов и передал следователю, а потом промолвил:

– А пистолет где-то за досками... я думаю.

– Степан, ты тоже принимал участие в убийстве Юлина? – хитро и в лоб спросил Каневский.

– Нет. Я был против. Спросите всех, и они это подтвердят. Это сделали... Ян, Стас и Вовка Куча. Они втроём следили за ним, а наносили ножевые удары Ян и Буряк. А вот стены когда разрушали... то участвовали мы все. Я стоял на атаке, а они вчетвером рушили всё.

Каневский слегка вздохнул и подумал: «Слава тебе, Господи! Спасибо тебе за помощь!»

– Кто у вас старший?

– Ян. Он нами командует.

– Оружие где взяли? С собой привезли?

– Ян провёз через границу оба пистолета, а потом один отдал Степану. Они оба отморозки, оба ранее судимы за разбой. Их поддерживал и Куча, а мы с Любомиром были против их действий. Даже подумывали сбежать домой, но они ведь нашли бы нас и там. Их деды и отцы были во время войны активными бойцами «Полесской сечи», которой в то время командовал Бульба-Боровец. После войны они долго находились в заключении.

– Это что за сечь такая?

– На стороне немцев воевала. Их было много... более семи тысяч... Уничтожали возникающие партизанские отряды. На полном довольствии у немцев находились.

– Вот как... А ваши тоже участвовали в этом или подобном формировании?

– Мой отец и отец Любомира в Красной Армии находились до июня 1945 года. У нас многие люди не любят бендеровцев, которые и сейчас поднимают головы... Они во время войны и несколько лет после неё издевались над людьми.

– Ну, хорошо... Ян когда вернётся?

– Уже должен был. Вы нас арестуете?

– Решим по приезду в Москву. Думаю... если всё так было, как вы рассказали, то вам нечего бояться... и Берёзе тоже. Вернётесь достраивать дом... с учётом законного оформления, – сказал Каневский и достал телефон.

Позвонив Лапину и доложив о происшедшем, он стал ожидать приезда оперативно-следственной группы из Московской области и Лапина, в том числе.

Белик, закрыв лицо Назарова своей ветровкой, сидел рядом. Куча и Берёза сидели на земле в наручниках, прислонившись спиной к сложенным на поддон кирпичам. Возле них сел и Степан Голуб. Каневский прохаживался возле них, раздумывая над своими действиями в дальнейшем. Белик пристально смотрел на него, а потом поднялся, подошёл поближе и впился взглядом в его пиджак с правой стороны.

– И что ты там увидел? – поинтересовался Каневский.

– Борис Фёдорович, Бог тебя спас. Смотри... пуля прошла через бок твоего пиджака... между рукой и торсом... и угодила в сердце Назарова, стоявшего сзади тебя.

Тот осмотрел свой пиджак и действительно обнаружил сквозную дыру, ему стало не по себе... на душе как-то муторно.

– Этот подлец стрелял в меня, а Назаров, получается, погиб случайно... Лучше бы он попал в меня... Не могу... Жалко парня. Он ведь принял фактически мою смерть.

– Успокойся. Кому суждено, тот и умрёт. Судьба ошибок не допускает. Коли Назарову суждено умереть от руки этого подонка и именно здесь... так оно и произошло.

Куча и Голуб смотрели и внимательно слушали их, а Берёза в это время устремил свой взгляд в сторону дороги.

– Хлопцы, Ян идёт, – сказал он, и Каневский тут же резко присел.

Со стороны дороги шёл мужчина с двумя полными пакетами. В голове Каневского, как в счётной машине, заработал план действий: «Подойдёт ближе, увидит всё это возле дома, сразу пустится бежать».

– Идём, Ваня, – сказав Белику, поднялся, а потом, повернувшись к задержанным, приказал: – А вам сидеть тихо.

Каневский и Белик пошли навстречу Яну, спокойно разговаривая между собой и отвлечённо показывая пальцами на строящиеся дома и пустые участки. Ян их увидел и принял за владельцев домов, а поэтому уверенно шёл вперёд. В этот момент Куча крикнул:

– Ян...

Но ему не дали договорить Голуб и Берёза, навалившись на него.

Ян продолжал идти. Бросив взгляд на лица идущих навстречу двух мужчин, спокойно продолжающих разговор о строительстве, ничего подозрительного и настораживающего не заметил. И вот они поравнялись. Каневский и Белик прытью тигра бросились на Яна, повалили и в один миг одели ему наручники, а потом поставили на ноги, сунули ему в руки пакеты, и Каневский победоносно сказал:

– Ну, пошли, Ян... Отгулялся. Пора и честь знать.

Тот, как загнанный зверь, начал рычать, изо рта потекла слюна, рот скривился от гнева, глаза впелись в Каневского. Белик, не ожидая, пока тот начнёт сопротивляться, резким ударом кулака в бок заставил Яна осадить злость и подчиниться.

Когда пришли к дому, и он увидел и оценил всё происходящее, то молча сел рядом с Кучей.

– Где спрятал пистолет, Ян? – спросил Каневский, присев перед ним.

Тот молчал. Тогда следователь снял наручники с рук Берёзы и ими пристегнул ногу к ноге Яна и Кучи.

– Вот так будет понадёжнее, – сказал Каневский и сразу обратился к Белику: – Ваня, пригласи вон тех двух рабочих из крайнего дома... понятыми будут.

Тот быстро исполнил. И когда те пришли, Каневский после процедуры разъяснений прав понятым приступил к осмотру жилого сарайчика.

В углу лежали несколько старых газет, тетрадь, две авторучки, карандаш и портативный обшарпанный калькулятор. Следователь поднял тетрадь и стал листать её. В ней оказались два листа вырваны, а один исписанный синей ручкой находился в тетради не закреплённым. Обратив внимание на строки середины листа, сразу заметил слово «приход...», конец слова отсутствовал. Очень обрадовался этой находке, так как в его кабинете лежит лист бумаги с угрозой Юлину, и на нём по середине были буквы «...ил». Каневский прочитал полностью предложение с применением недостающих двух букв: «...я неоднократно к нему приходил, но дома не застал...». Это было незаконченное заявление в отношении уклонения Юлина от оплаты за выполненную работу, но оно не имело «шапки», свидетельствующей какому органу адресовалось. Предъявив тетрадь понятым, он изъясил её. Поразмыслив, Каневский увидел здесь же лежавший кухонный нож, начал им строгать чёрный грифель карандаша и сыпать мелкие частицы на чистый лист тетради. Сразу же в мелких бороздках вырисовывались могила и крест, что доказывало: писавший угрозы пользовался этой тетрадью. Понятым

он объяснил важность этого доказательства. Вместе с тетрадью были изъяты авторучки. При дальнейшем осмотре был обнаружен и пистолет «ТТ» с пятью патронами.

Вернувшись к задержанным, Каневский, воспользовавшись тем, что Голуб отошёл в сторону, подошёл к нему и спросил:

– Где зелёное авто... «Жигули» со ржавым багажником?

– Мы его бросили на обочине дороги возле деревни Александровка, что рядом с Ильинским. Его нам дал хозяин, у которого мы неделю работали, а дал ради того, чтобы мы, если не сумеем отремонтировать, то можем бросить где угодно, только снять номера, но мы его отремонтировали. С месяц ездили, а потом движок заклинило, и мы не стали возиться. Больше заплатим за ремонт, чем эта рухлядь стоит.

В это время прибыла оперативно-следственная группа и труповоз. Каневский вплоть до мелких подробностей рассказал про всё, что произошло, и приехавшие приступили к своим обязанностям.

Спустя десять минут приехал и Лапин. Выслушав Каневского, он радостно потёр руки, – дело ведь раскрыто, но, увидев труп Назарова, сразу сник.

Следственная группа забрала трупы, обнаруженные пистолеты, допросила Кучу, Берёзу и Голуба, а также Каневского и Белика, а после этого все разъехались.

Прибыв в Москву, Каневский простился с Беликом и принялся подробно допрашивать Голуба, Кучу, Яна и Берёзу. Куча ничего не отрицал и рассказал все подробности убийства Юлина, начав с того, что они долго за ним следили и, наконец, настигли. Ян сначала отрицал

своё участие, но после очных ставок со своей бригадой, сознался и гордо заявил, улыбаясь, обнажая коричневые от курева зубы:

– Это была наша месть работодателю, не пожелавшему уплатить за выполненную работу.

Он и Куча были прокурором арестованы, а Голуб и Берёза пошли оформлять своё пребывание на территории Российской Федерации.

XI. Кожаная перчатка

1

Мария Дмитриевна в десятый раз вызвала наряд милиции по поводу дебоширства в соседней квартире, где проживала уже немолодая пара: Кира и Пётр Тихоновы. Ему отроду – 45, а ей – 37 лет. Их единственный сын Алексей окончил военное училище и командовал взводом в Дальневосточном военном округе.

Стены, разделяющие квартиры соседей, не обеспечивали полной изоляции, через них можно было услышать и шаги соседей, и приглушённый разговор, смех и стоны, не говоря уж о разговорах на повышенных тонах и тем более ссорах.

До текущего года супруги Тихоновы слыли не только среди соседей, но и среди общественности района, как пример подражания. Они активно участвовали в жизни всех направлений района, а он даже был депутатом районного Совета в советское время, она же всегда состояла то в родительском совете школы, то в попечительском совете, то в составе народных заседателей суда и прочих общественных организациях. Работала Кира сначала в библиотеке, потом в районо, районной администрации, сейчас же она специалист I категории отдела по организации работы с документами в префектуре округа. Для неё не было секрета, что уже

был готов проект приказа о присвоении ей категории ведущего специалиста.

Пётр после окончания архитектурного института работал в градостроительстве города, а потом в Управлении архитектуры и градостроительства одного из округов Москвы.

Супругов всегда видели вместе и в будние дни в часы досуга, и в выходные. Их любимые места были кинотеатры, театры, прогулки по Красной Площади, совместный отдых за рубежом. Однако за последний год всё резко изменилось. Она стала часто возвращаться с работы с запахом спиртного, объясняя это различными проводимыми мероприятиями в префектуре. Нередко случалось, что являлась домой и за полночь. На этой почве между супругами происходили скандалы, из-за чего соседи вызывали наряд милиции. За нарушение тишины дважды супруги подвергались административному воздействию.

Когда же Мария Дмитриевна в очередной раз вызвала милицию, и наряд прибыл, то оказалось, что Пётр избил Киру. Работники милиции застали её в слезах и в крови. На вопрос за что и почему, уже в стенах отдела милиции Пётр пояснил:

– Я полностью виноват. Не выдержал. Но о причине говорить не буду, наказывайте. Я понимаю, что самое отвратительное в человеке то, что он поднял руку на женщину. Однако бывают моменты, когда нервная система мгновенно сдаёт при определённых обстоятельствах.

Опрошенная участковым, Мария Дмитриевна помнила, что Пётр угрожал жене убийством, сильно кричал на неё, в квартире раздавались не только их голоса,

но и грохот упавших на пол каких-то весомых домашних предметов.

– Да так и заявил он, мол... попомни, если ещё раз подобное повторится, я тебя убью... И это он повторил в течении ссоры несколько раз, – сказала Мария Дмитриевна.

На предложение участкового написать заявление Кира категорически отказалась. Не пошла она и на медосвидетельствование.

Закончив проверку, он доложил о результатах начальнику милиции.

– Ну что поделаешь. Значит у неё рыльце в пуху. Не была бы виновата, написала бы, а так всё ясно. Вынесите постановление об отказе в возбуждении уголовного дела... и материал в суд для административного наказания, – распорядился майор Ломанов, а потом, прочитав её объяснение, дополнил: – Обоих пусть наказывают. Она пишет, что она во всём виновата.

Материал на следующий день был уже в суде. Одновременно участковый доставил и супругов. Оба подтвердили свои показания в суде, но о причине скандала и избиения не сказали ни слова. Пришлось заплатить штраф.

Неделя прошла в тишине и спокойствии. Соседи, наконец, легко вздохнули, но тишина оказалась недолгой. Вновь повторилось то же самое. И снова синяки у Киры... милиция, суд и штраф.

Её подруга Рая, с которой работала в префектуре, всячески пыталась выяснить причину перемены отношений в семье Тихоновых, но оказалось не так-то просто. Кира молчала, как партизанка. Тогда та заказала телефонные переговоры с матерью Киры, Зоей Андреев-

ной, проживающей в Дебальцево, и поведала ей о происходящем. Та, обеспокоенная услышанным, сразу же выехала поездом.

На вокзале встречали оба. Пётр с грустным лицом пытался изобразить радужность встречи, а Кира с припудренными синяками весело смеялась и щебетала возле матери. Но материнские глаза сразу узрели нелады в их отношениях. Однако до полного осведомления не стала ничего спрашивать. Войдя в четырёхкомнатную квартиру и удивившись изящности быта, произнесла:

– И не тесно ли вам вдвоём в такой большой квартире?

– Ой, мама! Давай-ка мы тебя пропишем, а то уже несколько раз поднимался вопрос предоставления меньше размером, а я отказалась, ссылаясь на твоё вселение.

– Как же? У меня ведь там дом, огород, скотина и другая домашняя живность...

– Так ты живи себе там приспокойненько, а здесь будешь прописана, – оборвала её дочь. – Зато от нас отстанут.

– Так может Алёшка...

– Да что Алёшка?! – вновь перебила её Кира. – Он ведь офицер, а это значит, что до самой пенсии будет по всей России мотаться и жить в военных городках.

Поразмыслив, Зоя Андреевна ответила:

– Ну, ладно. А что для этого надо?

– Твой паспорт и заявление в милицию, а остальное я сама решу, – и глянув на молча сидевшего в кресле мужа, добавила: – Ты не против, Петь?

Тот покрутил головой и произнёс:

– Нет, конечно.

На следующий день Кира со всеми документами пошла в паспортный стол к начальнику Гуськову, которого хорошо знала. Тот, при ней изучив документы, ответил:

– Не могу, Кира Яковлевна. На... почитай постановление городских властей.

Прочитав, где запрещалась прописка иногородних и иностранцев, несмотря на родственность, спросила:

– А что делать? В вышестоящую твою структуру?

– Бесплезно... Но попробовать можно. Значит так...

Я сейчас тебе дам письменный ответ об отказе со ссылкой на решение, которые ты читала.... После этого идешь в окружное УВД... Тебе дадут такой же отказ, а после этого в паспортное управление ГУВД Москвы... и там откажут. Затем со всеми этими отказами обращаешься в комиссию по этим же вопросам при мэрии, а там уж через свои связи найдешь лазейку... Сошлись на болезнь матери... мол, требуется постоянный уход за ней, а больше в семье некому. С решением комиссии сразу ко мне... Ну-у... поняла?

– Поняла... товарищ Гуськов. погоди, я тебе тоже постараюсь устроить такую же длинную бюрократическую тропу.

– Ну, Кира Яковлевна... не сердись. Я тут причём?! Ваши же изобрели этот дурацкий закон. Я согласен с твоим возмущением, и сам возмущаюсь... Смотри, если кто из детей проживал где-то, то к родителям уже прописаться не сможет. Смешно и дико.

– Да я пошутила. Успокойся. Ладненько. Буду осваивать тропу беззакония.

– Кира Яковлевна, а под глазом... это что? По габаритам не прошла? Или муженёк испытывал прочность?

– Только бледнолицый может два раза на грабли наступить. Так вот и я. На даче наступила... Хорошо, что не в глаз. Ну ладно... Бывай.

В УВД округа она взяла отказной ответ на следующий день, а в ГУВД пришлось походить. Его она получила на пятый день и сразу же пошла в Мэрию. Благодаря поддержке знакомых, решение она получила тоже на пятый день, но уже с положительным ответом. Перед самым отъездом матери, все вопросы с пропиской были решены.

На вокзале провожала её только Кира, Пётр не смог из-за совещания у начальства. Зоя Андреевна, воспользовавшись этим, по душам переговорила с дочерью.

– Ты мне скажи, что у вас происходит? Рукоприкладством он давно занимается? Может, мне с ним поговорить? Я могу ещё на денёк-другой остаться. Я уже несколько раз порывалась это сделать за время пребывания у вас, но подходящего момента не было.

– Не надо с ним говорить, мама.

– Как это? Он будет тебя дубасить, а я должна молчать? Уж нет. Ты моя дочь, и я не позволю...

– Мама!.. – оборвала повышенным тоном Кира. – Я сказала: не надо, значит не надо.

– Но почему? Объясни.

– Да потому, что я во всём виновата.

– Как это? – вскрикнула мать.

– Запуталась я, мама, – ответила дочь, и на её глазах появились слёзы.

– Где? В чём? Как? – засыпала она вопросами.

Кира вытерла носовым платком глаза, благо не пользовалась тушью, и не глядя в глаза матери, как-то горестно сообщила:

– Встречаюсь с другим мужчиной.

– О, Господи! – вскрикнула мать. – Да ты с ума сошла? И перед Богом грешно... и перед людьми стыдно. Разве это можно? Ох, дочь, дочь... У нас в роду подобного не было, а ты позоришь. И что теперь? И... муж знает?

– Догадывается.

– Немедленно брось всё это и живи как порядочная жена. Слышишь?

– Не могу, мама. Я люблю его и от мужа уйти не могу... тоже люблю. Что мне делать? Умереть бы... Только это может меня разлучить с ними.

– Да ты вообще с глузду съехала, как у нас в Украине говорят. Прекращай глупить, Кира. Подумай... к чему твои выходки приведут?! Сын у вас... Дойдёт до него, что объяснишь? Что любишь? На года свои посмотри. Прижми хвост и сиди молча. Моли Бога, что муж такой. Другой бы уже давно проследил, нашёл бы твоего хахалю и обоих отправил туда, откуда не возвращаются... или бросил тебя.

– Меня может только смерть разлучить с ним, мама. Не могу я. Пыталась, но не получилось.

Зоя Андреевна заплакала. Эти слова её потрясли, она пыталась что-то сказать, но в это время объявили отправление поезда. Она схватила свой чемодан, и они обе поспешили к вагону.

– Как... как же я уеду и оставлю тебя... в таком состоянии... и с этими мыслями, – на ходу молвила она сквозь слёзы... – Может, мне ещё на некоторое время остаться? – сказала она, останавливаясь возле вагона.

– Не беспокойся, мама. Я постараюсь справиться с этим. Даю тебе слово.

– Ладно, доченька. Только не надейся на глупостей. Не обижай Петю. Он хороший человек и муж-то... дай Бог каждой. Прекращай с этим. Договорились?

– Да, мама. Я всё поняла. Пока. Звони нам, а на зиму приезжай и будешь у нас до весны.

Они обнялись и заплакали. Поезд уходил, а Зоя Андреевна всё стояла в дверях тамбура рядом с проводницей. Кира тоже не двигалась с места, где рассталась с матерью и смотрела вслед уходящего поезда. Ничего не предвещало, что они прощаются навсегда, только сердца обеих что-то предчувствовали, из-за чего слёзы из глаз у той и другой лились ручьём. Вот и последний вагон простучал мимо Киры, как вдруг чья-то тяжёлая рука легла ей на плечо. Резко повернувшись, она увидела своего любовника.

– Ты? – удивлённо спросила она. – Павел, а как ты здесь? Тоже кого-то провожал?

– Нет. Я подъехал к твоему дому, а ты садилась с женщиной в такси. Я и поехал за вами. А это кто был?

– Мама моя.

– Что же ты, любимая, так расстроилась? – он стал нежно и заботливо вытирать с её щёк слёзы своим платком, а потом обнял и прижал к своей груди.

– Это... что... такое? – прозвучал голос Петра, запыхавшегося от бега.

Кира вздрогнула и, оттолкнув от себя Павла, повернулась к мужу. Лицо её приобрело виновный вид, в голове она судорожно подыскивала слова, которые могут послужить оправданием, но от внезапности не могла сосредоточиться.

Пётр, окинув взглядом обоих, прикусил до крови губы и, сжав до хруста кулаки, повернулся и ушёл прочь.

Кира не нашлась, что сказать. Слова, если не оправдания, то утешения, улетучились, и она продолжала стоять рядом с Павлом, глядя вслед удаляющемуся мужу.

– Вот, наконец, он нас и увидел, – произнёс Павел... и добавил: – Ну, это и к лучшему. Хочешь, я с ним поговорю? Пусть отойдёт... Найдёт себе другую.

– Идиот ты, Паша... Какого чёрта припёрся сюда? Ты даже не представляешь, что теперь будет, когда я возвращусь домой.

– Пусть только тронет. Я больше терпеть не буду. В бараний рог скручу, – с решительным видом ответил он.

– Ага! Ещё этого не хватало... А знаешь, Паша... Наверное, мы расстанемся. Я больше не могу так... подло поступать по отношению к мужу. Был бы он у меня... пьяница, бабник, грубиян, транжира... другое дело. А он... – она не договорила. Тот схватил её обеими руками, прижал к себе и стал целовать её лицо... приговаривая:

– Любимая, родная... Я без тебя умру... Я люблю тебя больше всего на свете. Мне кроме тебя никто не нужен. Если это случится, я в тот же день покончу с собой... Не буду я жить без тебя.

– Ты чего говоришь, Пашенька? Любимый мой. Разве я в силах оставить тебя. Ну, что мне делать? И уйти я не могу от него, и тебя бросить не могу.

– Почему? Объясни ему всё и подай на развод, а мы сразу же распишемся...

– А сыну я что скажу? – оборвала она его.

– Кира, любовь моя ненаглядная... Разве ты одна разводишься? Таких много... и с детьми и без них. Ты

моя судьба, а я твоя. Мы должны быть вместе. Вот почему ты до сих пор не забеременела от меня? Был бы ребёнок... быстрее бы разрешился этот вопрос. Ты, наверное, пила что-то... противозачаточное?

– И пила, и другое. А ты как думал. При живом муже ещё и ребёнка от любовника принести в дом?!

– Ну давай я его грохну...

– Ты что... с ума сошёл? Ни в коем случае. Если с его головы хоть волос упадёт... ты больше меня не увидишь. Ну надо же, чего удумал?! Он отец моего ребёнка. Разве можно ради своего счастья лишить сына отца?

– Да я же в шутку сказал. Ты чего, и вправду, подумала? Разве я похож на убийцу. Ты сказала... мол, при живом муже... Я и ляпнул... дурак. Прости меня, любимая. Не сердись, сердечко моё... Однако что-то надо делать... Ведь так не может всё оставаться... тем более он уже нас видел. Ты по-хорошему с ним поговори. Если он у тебя такой... ботаник... поймёт и отойдёт, оставив тебе квартиру. У тебя же четырёхкомнатная и в центре! Если продать... бабки бешеные будут... а купить чуть поменьше...

– Ты о чём говорить начал? Почему это... продать? Да я никогда этого не сделаю... Ни за какие деньги. А что... ты со мной из-за квартиры?

– Избави Бог, любимая. Я рассуждаю... философствую... Исходя из того, что малосемейным зачем такая большая квартира. У меня своя есть... Трёхкомнатная и загородный дом на Рублёвке. Так что мне твоя квартира ни к чему. Не обижай меня подозрениями, которые я не заслужил.

– Прости, Пашенька. Я тоже не то ляпнула.

С вокзала они ушли вместе и провели вместе весь оставшийся день и до полуночи. Возвратившись до-

мой, Кира ожидала очередного эмоционального взрыва мужа, но его не оказалось дома. Возвратился он далеко за полночь и в сильно опьянённом состоянии... уснул, не раздеваясь, на диване.

Проснувшись утром, Кира не обнаружила мужа, видимо, он рано ушёл.

Вернувшись вечером, Пётр не стал кушать сваренное женой, а приготовил себе сам, покушал, запивая водкой. Когда же Кира вернулась домой, то увидела его спящим за столом. Будить не стала, а прошла тихо в свою комнату.

Утром он снова ушёл рано. Так продолжалось целую неделю.

Соседи стали удивляться наступившей тишине. Пётр продолжал мало кушать, а много пить. Пьянство довело его до того, что он стал забывать некоторые детали жизни. Кире иногда хотелось подойти к нему, поговорить, пожалеть, но тут же вспоминала Павла, и это останавливало её.

Заканчивалась вторая неделя его систематического пьянства. Пётр потерял весь быллой вид, лицо стало отдавать синюшным оттенком, он замкнулся в себе, стараясь ни с кем не разговаривать, трясущиеся руки выдавали его состояние, и на работе сотрудники стали замечать неладное, пытались с ним поговорить, но он всячески уходил от контакта.

В наступившую субботу он весь день и вечер пил у себя в квартире. Кира, как всегда в это время, проводила в обществе Павла.

Проснувшись в воскресное утро, Пётр решил опохмелиться и стал подниматься с постели, как вдруг обнаружил кухонный окровавленный нож в своей руке.

На полу тоже были звездообразные пятна крови, которые вели в комнату жены. Он кинулся туда и, открыв дверь, окаменел. На кровати в луже крови лежала Кира, не подающая признаков жизни.

– Кира! – закричал он страшным голосом и, кинувшись к ней, стал её трясти, открывать глаза, целовать холодные губы, а потом приложил ухо к её левой груди и, не услышав биения сердца, заплакал, да так сильно, что его рыдание слышали соседи.

Целый час он сидел на кровати, прижав окровавленное тело жены к своей груди, а потом поднялся, окинул комнату взглядом и себя, выпачканного кровью, бросил нож и пошёл к телефону. Сообщив в милицию об убийстве жены, а потом, открыв входную дверь, вернулся на кухню и выпил полбутылки водки. Некоторые соседи осмеливались и заглядывали, но пройдя и увидев всё своими глазами, в страхе сразу уходили.

В это время дежурный следователь межрайонной прокуратуры находился на осмотре места происшествия, и на место убийства Киры Тихоновой выехал дежурный следователь окружной прокуратуры Каневский.

Осмотрев место происшествия, изъяв окровавленную постель Киры и Петра, одежду Петра и нож, а также звездообразные капли крови с пола, которые прослеживались из комнаты Киры в комнату Петра, Каневский, обратив внимание на кожаную перчатку, лежавшую возле входной двери на полу, опросил Петра.

– Перчатка возле двери ваша?

Тот, глянув на неё, ответил:

– Нет. Это не моя... и таких в квартире не было.

Следователя это удивило. Тогда он поинтересовался: кто, по его мнению, мог убить Киру, и Пётр, не задумываясь, ответил:

– Наверное я, только я этого не помню.

После осмотра места происшествия он был допрошен здесь же в квартире. Ни одного слова, позорящего жену, он не сказал, даже скрыл то, что она изменяла ему, а происходившие ссоры обосновывал своими пьянками, на почве чего и совершил это тяжкое преступление.

После допроса Пётр был отправлен в изолятор временного содержания.

Каневский же задержался и допросил соседей, которые подтвердили ссоры между супругами, частые избиения, угрозы убийством, исходящие от Петра. Наряду с этим они сообщили следователю, что за последние более чем полмесяца ссоры прекратились, и они посчитали, что между Петром и Кирой наступил мир и согласие, но пьяным был замечен почти ежедневно.

Вернувшись на своё рабочее место, Каневский запросил из милиции и суда все материалы, касающиеся неправомерных действий Тихонова. Обдумывая свои действия, Борис вспомнил о перчатке и, достав её из изъятых вещдоков, долго смотрел на неё, размышляя: «Перчатка с правой руки. Одна. А почему одна? Где же тогда вторая? Но если была одна, то должна быть и вторая. Тихонов отрицает её принадлежность. Тогда чья она? Кто её уронил? Уронил... А почему бы и нет? Торопился и при закрытии дверей уронил. Ах, ах... как я мог? Почему не спросил у Тихонова: закрыта ли была на замок утром дверь? Спросить надо и немедленно. Поеду сейчас же. Если перчатка не его, а чья-то, то по-

чему он летом ходит в перчатках и куда дел вторую? Возле дома я видел мусорный контейнер... оплошность, что я не заглянул в него? А может, вторая перчатка там?! Надо ехать».

Ещё раз пристально осмотрев перчатку, он увидел на концах пальцевых рубцов слабо заметные бурые пятна, похожие на кровь. Было похоже, что перчатку вытирали, и он вспомнил горизонтальные мазки крови на рубашке Тихонова. «Если перчатка Тихонова, или в том случае, если он одевал её лишь единожды, то экспертиза даст бесспорное заключение об этом», – подумал он, собрался и уехал к дому, где проживал Тихонов.

К счастью контейнер с мусором стоял на месте. Осмотрев его и обнаружив такую же перчатку с левой руки с обильными следами крови, он задумался: «Тихонов заявляет, что именно он убил жену, винит только себя и болезненно переживает. Зачем тогда ему выносить перчатку и бросать её в мусорный контейнер, а всё остальное... труп, нож, море следов оставлять в квартире? Не стыкуется. Это не его работа. Душой чувствую, что это совершил кто-то другой, а всё перевёл на Тихонова». С этими мыслями он входил в изолятор временного содержания (ИВС). По его требованию в следственную комнату доставили Тихонова. Бледность лица, дрожание рук, красные от слёз глаза свидетельствовали о прежнем состоянии, возникшем от нервного потрясения.

– Вы по-прежнему утверждаете, что именно вы убили свою жену? Я правильно понимаю, Тихонов?

– Да. А кроме меня кто ещё? Видели, сколько крови на мне было... и нож в руке... когда я проснулся... Это

водка проклятая... Что сыну скажу? – и он схватился за голову.

– Вы в своих показаниях утверждаете, что проснувшись и увидев эту страшную картину... сообщили в милицию и потом открыли настежь дверь? Так?

– Именно так.

– Что вы сказали дежурному?

– Я убил свою жену... приезжайте и назвал адрес. Вы все и приехали.

– А когда открывали дверь перед нашим пребыванием... она была закрыта на замок?

– Нет. Я нажал на ручку, и дверь открылась.

– А обычно на ночь вы как закрываете дверь?

– Ключом. Но ключей в дверях не было, а где они, я не знаю... а точнее, не обратил на это внимание.

– Она лежали на прикроватной тумбочке в комнате вашей жены. Вы угрожали убийством жене?

– Ранее да... В порыве гнева.

– И в то время могли исполнить свои угрозы?

– Нет. Я даже об этом не думал. Решил жить, не обращая ни на что внимание... не замечать ничего, и поэтому тянуло к водке.

– А что именно не замечать?

– Я этого не скажу, это личное.

– Но погодите... Это личное ведь вылилось в убийство. Вы не должны, а обязаны сказать.

– Ничего я никому не обязан. Не настаивайте, я всё равно не скажу.

– А зря, – сказал Каневский, а потом, изъязв у него из рук потожировые образцы, вызвал конвой.

После этого допроса он ещё больше стал убеждаться, что убийство совершил не Тихонов, а другой че-

ловек. «Если тот будет настаивать на своих показаниях, то ему придётся ощутить кару закона, а убийца будет находиться на свободе и посмеиваться над ним».

Возвратившись в прокуратуру, он решил доложить Лапину, но его на месте не оказалось. Тогда, поднявшись на второй этаж и войдя в приёмную, он только взялся за дверную ручку кабинета прокурора, как секретарь тут же сообщила:

– А его нет. И вообще не будет. Валерия Николаевича вызвали в Генеральную... наверное, будет работать там, а к нам завтра с утра приходит новый прокурор... Зубов.

Вернувшись в свой кабинет, Каневский назначил все необходимые по делу экспертизы, в том числе, и по перчаткам. Спустя чуть больше часа появился Лапин. Каневский зашёл к нему и доложил результаты своей дневной работы, а потом высказал свои сомнения.

– Но Тихонов ведь признаётся? – возразил тот.

– Признаётся. Это он так считает, а показать и рассказать, как он убивал жену, не может. Да и перчатки отвлекают от него и ведут к другому.

– Завтра доложим новому прокурору... ему и решать по истечении срока задержания Тихонова.

Каневский вернулся в свой кабинет, ещё раз прочитал все показания свидетелей и подозреваемого, набросал в своём блокноте примерный план работы на следующий день, время рабочего дня истекло, и Борис уехал домой.

Наступило утро следующего дня. Поднимающееся на востоке яркое солнце, щебетанье птиц вызывало хороший настрой. Усиливающийся гул уличного транспорта, человеческий «муравейник» на тротуарах,

остановках и в метро свидетельствовали о бурном начале дневной жизни города.

Прибыв в свой кабинет, Каневский взял уголовное дело об убийстве Тихоновой, после чего зашёл к Лапину, и они вошли в приёмную прокурора. Там уже собрались все сотрудники. Через несколько минут секретарь объявила о присутствии всего коллектива. Начальник управления кадров и заместитель прокурора города представили нового прокурора, пожелали всем успехов в борьбе за торжество закона, уехали, а Зубов начал знакомство с заместителями, помощниками, следователями и другими работниками. Когда эта процедура была закончена, все разошлись по своим рабочим местам, но Лапин и Каневский остались. Лапин начал докладывать дело Тихонова, но прокурор его остановил:

– Кто расследует дело?

– Наш важняк... Каневский Борис Фёдорович, – ответил тот и указал рукой на следователя.

– Вот он пусть и докладывает, а мы с вами слушаем, – распорядился прокурор.

Каневский доложил весь ход расследования и высказал свои доводы о невиновности Тихонова. Прокурор внимательно слушал, а когда доклад был закончен, перевёл взгляд на Лапина и спросил:

– Вы согласны с доводами Каневского?

– В основном да, но считаю, что всё надо проверить в ходе расследования... Ещё раз допросить Тихонова... Попытаться склонить его к полноте показаний...

– Оставьте мне дело. Я его почитаю, а после будет принято решение, – перебил он Лапина и, принимая из рук Каневского дело, спросил его: – Значит, ваше мнение: Тихонова не арестовывать?

– До получения заключений экспертиз и дополнительных следственных действий, арест, как крайняя мера пресечения, не возможна. Дайте мне четыре-пять дней, и я постараюсь добыть детальную информацию, позволяющую принять правильное решение, – ответил тот.

– Можете быть свободными.

Лапин и Каневский вышли.

Войдя в свой кабинет, Борис связался по телефону с экспертами и попросил ускорить работу в этом направлении, а потом выехал в ИВС с целью ещё раз побеседовать с Тихоновым. Однако тот категорически отказался назвать причины ссор с женой, и поэтому в этом вопросе ничего не прояснилось.

Возвратившись в прокуратуру, в дверях своего кабинета он нашел записку: «Б.Ф. срочно зайдите. Лапин».

Открыв дверь кабинета Лапина, не успел Каневский даже переступить через порог, как тот резко вскочил и кинулся ему навстречу:

– Идём. Зубов дважды уже вызывал. Ты где был? Предупреждать надо.

– Да я в ИВС на часик заскочил... побеседовал с Тихоновым и сразу же вернулся.

Прокурор с серьёзным видом сидел в своём рабочем кресле и встретил вошедших холодно. Было видно, что задержка Лапина и Каневского ему не понравилась.

– Во-первых, – начал он. – Разгильдяйства я не потерплю. Кто чем занимается и где находится, я должен знать. Во-вторых... изучение дела показало, что основания для ареста Тихонова есть. Он сознался в убийстве. Оставить его на свободе при таких показаниях мы

не можем. Схоластические рассуждения Каневского подлежат проверке в ходе следствия. Если мы установим непричастность Тихонова к убийству и потом освободим его, то нас за это никто ругать не будет... В-третьих... У Каневского в производстве пять уголовных дел, а у Круглова только два. Вот ему это дело и передайте немедленно. Пусть выносит постановление об аресте Тихонова и приступает к расследованию.

– Антон Ефимович, простите, но Круглов молодой следователь... «Сырой» в следствии...

– Ничего страшного. Быстрее научится, – перебил прокурор Лапина. – Дело не сложное, а вы почаще контролируйте.

– Дело очень сложное. Предстоит установить настоящего убийцу. Не Тихонов убил жену, а другой человек. С такими показаниями... Тихонова осудят, а убийца будет разгуливать на свободе, – вклинился в разговор Каневский.

– Моё решение окончательное и обсуждению не подлежит. Всё... свободны, – произнёс прокурор и кинул дело на стол перед Лапиным.

Выйдя из кабинета прокурора, Лапин глянул на Каневского, развёл руками и понёс дело Круглову, а Каневский зашёл в свой кабинет, опустил на стул и застыл, глядя в одну точку. «Пропал человек. Семь лет как минимум придётся за решёткой быть. В этой истории скрывается что-то непонятное. Мотив другой и исполнитель тоже. Что делать? Позволить безвинному страдать, а самому сидеть вот так... невозмутимым наблюдателем? Уж нет. Не документируя процессуально, я в свободное время буду искать этого урода», – решил он.

Вечером он заехал к своему тестю и в рассказе обстоятельств уголовного дела Тихонова нарисовал словесно всю предполагаемую подоплёку умело кем-то скрытого факта. Тот подумал и ответил:

– Раскрытием замаскированных убийств в своей практике я не занимался, поэтому мой совет может увести тебя с тропы, ведущей к истине, – и, чуть помолчав, продолжил: – А вот у меня есть один замечательный человек, специалист наивысшего класса... бывший прокурор России, Гайданов Олег Иванович... Съела его верхушка, за принципиальность пострадал. Он такой же непоседа, такой же защитник правого и безвинного человека и такой же борец за справедливость закона, невзирая на личность в части ответственности, как и ты. Хочешь я ему позвоню и попрошу принять тебя? Он сейчас отошёл от прокурорской деятельности и создал крупную юридическую службу на Мясницкой... это близ станции метро «Красные ворота».

– Пётр Степанович, давайте я ещё допроверю ряд возникшей информации, а потом скажу, – ответил Борис.

– Хорошо. Разумно... чтобы идти к этому человеку во всеоружии, как говорится. Он помогать в этой проблеме, конечно, не будет, но совет даст.

Шло время. Круглов предъявил обвинение Тихонову в убийстве жены, а тот вину свою признал полностью, следователь получил санкцию у прокурора на арест и обвиняемого отправил в следственный изолятор. Дактилоскопическая экспертиза подтвердила наличие отпечатков пальцев рук Тихонова на рукоятке ножа, а биологическая – наличие крови Тихоновой на его одежде. Казалось, цель доказательств замкнулась,

и вина Тихонова неопровержима. Но экспертиза, проведённая по перчаткам, разрывала эту цель. На них были обнаружены следы крови Тихоновой, а исследование потожировых выделений внутри перчаток установлено, что они принадлежат не Тихонову, а совершенно другому человеку, и одевал их именно он. Всё это свидетельствовало, что убийца, совершив жестокость по отношению к Тихоновой, вымазал кровью одежду спящего Тихонова, вложил в его руку нож, которым убил его жену и вышел из квартиры, потеряв одну перчатку, а вторую выбросил в мусорный контейнер. Однако ни следователь, ни прокурор не обратили на это внимание, посчитали, что перчатки к убийству не имеют никакого отношения. Заключение этой экспертизы, как и постановление о её назначении оказались не в уголовном деле, а в надзорном производстве. На возражение Лапина прокурор ответил:

– Может, вы кроме перчаток ещё и тулуп притащите?

Лапин после такого заявления вышел из себя и выпалил прокурору:

– В таком случае по этому делу я надзор осуществлять не буду. Он остаётся целиком за вами, Антон Ефимович.

– Хорошо. Идите работайте над другими делами...

Лапин вышел из кабинета прокурора. Его до глубины души возмутило такое хладнокровие не только к полноте и качеству следствия, но и к судьбе человека. После разговора по этому поводу с Каневским, он поехал в следственное управление города и доложил исполняющему обязанности куратора за следствием в округе, но тот сослался на признание вины обвиняе-

мым и его глубоким раскаянием, чем поддержал позиции следователя и прокурора.

2

По разнарядке прокуратуры города, Каневский, как молодой специалист, был направлен на курсы повышения квалификации, проходимые в Санкт-Петербурге. Дело Тихонова не давало ему покоя и, возвратившись в Москву, он принял дела и приступил к их расследованию.

Дело Тихонова к этому времени расследованием было закончено, обвинительное заключение прокурором утверждено с направлением для рассмотрения в районный суд. Это заставило Каневского торопиться, и он решил сначала побеседовать с более широким кругом новых свидетелей. Позвонил в дверь соседей супругов Тихоновых, которых ни в день осмотра места происшествия, ни в последующие дни не было дома.

Ему открыл мужчина лет сорока пяти, от которого несло спиртным. Одет он был по-домашнему в полосатой пижаме. Каневский представился, но жилец квартиры потребовал удостоверение. Прочитав его, он смягчился и разрешил войти.

В ходе беседы он представился Иваном Кирилловичем.

Каневский поинтересовался:

– Угрозы, исходящие от Тихонова в адрес жены, вы слышали?

– А кто их не слышал? Все соседи слышали, и я в том числе. Было дело... угрожал, но это было, по моему

мнению, для остратки, хотя я такую жену давно грохнул бы.

– Иван Кириллович, а почему вы так о ней?

– Вертихвостка она. Вот почему. Гуляла напропалую. Я видел, как её неоднократно на «БМВ» подвозил к дому хахаль. А в тот день, когда она провожала на вокзале свою мать, мы с женой уезжали этим же поездом в отпуск. Мать только успела сесть в вагон, как тот, что её частенько подвозил, подошёл к ней. Они обнимались, хотя такие сцены я видел и возле нашего дома... когда они выходили из машины. Так вот... они только обнялись, а тут откуда не возьмись Петька появился и всё увидел. Ну, думаю, сейчас начнётся, а он повернулся и ушёл... После этого стал пить по-чёрному. Не дай Бог моя бы так... я бы...

– А разговор Киры и того мужчины вы слышали?

– Отрывками. Я ещё прохаживался среди провожающих и отъезжающих... Она его называла Пашенькой... стало быть, он Павел... Да они там... в любви клялись, а она, мол, не могу от мужа уйти и тебя бросить, но мать её перед отъездом требовала, чтобы она прекратила всё это, и Кира обещала... С вокзала они сели в его коричневые «БМВ» и уехали одновременно с отправкой нашего поезда.

– Видя из окна Киру с её любовником, вы не говорили Петру об этом?

– Хотел было... даже номер его машины записал, а потом подумал... ну чего я буду огонь раздувать, придёт время, сам узнает.

– А запись номера автомобиля сохранилась?

– А куда ей деться. Вон на всячем календаре записано.

Каневский подошёл, увидел этот номер и записал в свой блокнот.

– А когда убийство произошло, вы были у себя в квартире?

– Нет. Мы приехали из отпуска на три дня позже. Уже всё случилось. Вы знаете... вот сегодня у нас среда, а в воскресенье вечером приходили трое, и среди них был всё тот же Паша. Я услышал стук в квартире, а потом хождение и щелчок замка. Я к глазку... и увидел на площадке Павла и ещё двоих. Они быстро пошли вниз. Я к окну... все трое сели в чёрный «Джип»... марки не видел сверху... и уехали. Тогда я вышел и потрогал дверь Тихоновых. Она была закрыта на замок.

– Спасибо вам, Иван Кириллович. Вы очень нам помогли. Чуть попозже мы ещё разок встретимся. Не возражаете?

– Ради Бога.

Каневский вышел из квартиры в приподнятом настроении. Ему захотелось подпрыгнуть, крикнуть, но он быстро поборол эмоции и подумал: «Вот здесь может быть ключ от разгадки. Срочно на работу».

Уже в своём кабинете он позвонил тестю и попросил пробить номер «БМВ». А спустя час Борис уже знал, что автомобиль принадлежит Сидорову Павлу Фомичу, проживающему в районе станции метро «Беговая». После этого он поехал в суд и, зайдя к судье, представился и попросил:

– Клавдия Ивановна, найдётся несколько минут меня выслушать?

– Вопрос шкурный? Если да, то попрошу закрыть дверь с той стороны, – предупредила она.

– Чисто служебный.

– Слушаю вас, Борис Фёдорович.

Тот поставил её в известность обо всём, что стало явным по делу Тихонова... в конце спросил:

– Посоветуйте, как мне быть?

– Скажу одно. Дело назначено к слушанию и будет рассмотрено мною через полторы недели. Торопитесь. Если откроются новые обстоятельства, вы как юрист, знаете, что делать. Ещё есть вопросы?

– При добычи положительных результатов вам сообщить письменно?

– Не надо мне ничего сообщать. Гособвинитель должен в судебном процессе заявить ходатайство с приобщением к делу ваших материалов, а там буду смотреть... продолжать судебное следствие в прежнем порядке или возвращать дело для дополнительного расследования. Вот так-то, молодой человек. А он вам кто? Родственник?

– Да что вы, Клавдия Ивановна? Я начинал расследование этого дела и с самого начала сомневался в виновности Тихонова. Не хочу, чтобы пострадал, хотя он и так страдает, невиновный человек. Сейчас я напал на след настоящего убийцы.

– Ну, тогда удачи вам, Борис Фёдорович.

Возвратившись в свой кабинет, Каневский стал размышлять над тем, как официально, притом процессуально правильно, подобраться к Сидорову. То, что он был любовником Тихоновой и в разговоре с ней высказывал готовность физического устранения её мужа, установлено, а также то, что он с двумя неизвестными проникал в её квартиру уже после её смерти, тоже Каневскому было известно, и свидетели по всем этим важным обстоятельствам готовы дать показания. Од-

нако сдерживало отсутствие в его производстве уголовного дела. И сейчас отрабатывать причастность Павла Сидорова к убийству было нелегко, в смысле соблюдения требований уголовно-процессуального кодекса (УПК). Он долго раздумывал над тем, как выйти из этой ситуации и, наконец, принял решение. Скрипя сердцем, Каневский пошёл на нарушение законности. Хотя ранее уже подобное происходило, и он давал себе слово не повторять.

В одном из показаний по расследуемому уголовному делу, не имеющему никакого отношения к делу Тихонова, он упомянул фамилию «Сидоров». Это развязывало ему руки свободно действовать, и он обратился с письмом в спецслужбу ГУВД города, в котором просил произвести оперативную установку по месту жительства и работы Сидорова, а также взять его под наружное наблюдение. Свою просьбу он детально обосновал, указав, что кроме прохождения Сидорова по расследуемому им делу, тот подозревается в убийстве Тихоновой.

Как только он отвёз и передал куда следует своё письмо с грифом «Совершенно секретно», Борис сразу же поставил в известность своего тестя и попросил его помощи. Процесс пошёл, теперь он ожидал результата.

На четвёртый день уже было известно о Сидорове всё. Он не женат. Живёт в съёмной квартире. Официально нигде не работает. Ранее дважды судим за мошенничество. Состоит в преступной группировке вора в законе по кличке «Матвей». Встречается одновременно с тремя женщинами, имеющими собственные квартиры. Соседи его характеризуют, как одиозную и

жестокою личностью, приведя пример, когда он с девятого этажа выбросил через окно приبلудившегося котёнка. Эта информация усилила мнение Каневского, что Сидоров, встречаясь с Кирой Тихоновой, вынашивал далеко идущие планы и, конечно же, не в смысле их совместной жизни. Свою привязанность к ней и любовь он только изображал, артистично играя трагическую в будущем роль.

В части наружного наблюдения Каневскому посоветовали осуществить это после первого допроса Сидорова, когда тот в угаре начнёт метаться и делать неосознанные ошибки.

Не останавливаясь на достигнутом, Каневский решил ещё раз побеседовать с Тихоновым и по этой причине вновь пришёл к судье и взял разрешение. С ним он и явился в следственный изолятор, где в следственной комнате ожидал доставки Тихонова.

Прошло с полчаса... и, наконец, надзиратель привёл его. Каневский не узнал Тихонова. Сгорбленный, обросший, весь в синяках старик вошёл к нему, и лишь из доклада доставившего он понял, что это Тихонов.

– Пётр? Тихонов? – переспросил следователь, удивлённо глядя на доставленного. – Не может быть...

Тот закивал головой, присаживаясь на стул, прикреплённый к полу.

– Да, это я, Борис Фёдорович, – промолвил он и заплакал.

– Что с вами? Можете объяснить?

– Не могу... Подскользнулся и упал на парашу.

Каневский пристально глядя на него, чувствуя, как защемило сердце, понял, что он либо боится, либо не хочет сказать правду.

– Пётр... скажу прямо и не буду ходить вокруг да около. Я уверен на сто процентов, что вы не убивали жену. Она попала под влияние ранее дважды судимого за мошенничество Павла Сидорова, состоящего в членстве преступной группировки вора в законе «Матвея». Я докажу его причастность к убийству Киры... и вашего освобождения из-под стражи.

– Как? А нож... мои отпечатки пальцев... кровь Киры на моей одежде?

– Это не трудно преступнику сделать. Убить и вложить вам сонному в руку нож, а потом вымазать вашу одежду кровью. Сам он был в перчатках... одну он уронил в квартире перед уходом, а вторую выбросил в мусорный контейнер. Я её нашёл. Вы должны мне помочь. Подскажите... кто и по какой причине вас избивает и привёл к такому состоянию. Прошу вас.

Он поднял голову, посмотрел в глаза следователя и увидел в них не человека, пытающегося лишить его свободы, а спасителя. С дрожащими губами он произнёс в надежде:

– А вы можете перевести меня в другую тюрьму? Или хотя бы в другую камеру?

– Даю слово. Сегодня же поговорю с начальником следизолятора... Ну-у... я слушаю. Всё, что вы скажете, будет только в вашу пользу.

– Но я сам не уверен в том, что не я убил жену. Узнав, что она мне изменяет... я по пьянке мог убить её... в порыве гнева... хотя этого не могу допустить. Я очень сильно любил её и продолжаю любить. На суде буду просить вынести мне высшую меру наказания. Я, Борис Фёдорович, не хочу жить. Для меня жизнь стала бессмысленной и ненужной.

– Вы о чём говорите? Глупо и необдуманно так рассуждать. А сын ваш... Алёшка? Ему родители нужны будут и тогда, когда он состарится. Матери не стало... так вы вдвойне должны восполнить эту утрату... А будущие внуки? Кого они назовут дедушкой... дедулечкой?

От этих слов у Тихонова заблестели, стали влажными глаза, лицо приобрело решительность, он словно весь собрался, выпрямился:

– Я всё скажу. Пишите.

И он рассказал, что два заключенных Храпов и Чугов систематически избивают его, требуя, чтобы он переписал квартиру путём дарения некоему Зуеву.

После этих слов Каневскому стал понятен истинный мотив убийства Тихоновой и подстава её мужа. Кроме того, он понял и причину любовных встреч Сидорова с тремя женщинами одновременно, – нужны квартиры, а метод завладения ими уже отработан. Матвей использует в этом «бизнесе» Сидорова и его смазливое лицо, которое привлекает некоторых женщин.

Заверив Тихонова в положительном исходе, и что он незамедлительно пойдёт к начальнику СИЗО, Каневский возвратил его надзирателю, а сам пошёл, куда обещал Тихонову.

Начальник в звании полковника сидел в своём кабинете, попивая чай. Выслушав Каневского, он поднял трубку и тут же дал распоряжение. Тихонова перевели в камеру, где содержались ранее несудимые и по возрасту молодые ребята.

Возвратившись в прокуратуру, Каневский зашёл к прокурору и доложил ему о всех наработках.

– Вы всё-таки сделали по-своему. Наплевали на моё укавание. Ну что ж... буду на будущее знать, с кем имею дело.

– Антон Ефимович, я же вышел на это, расследуя дело, которое находится в моём производстве, – солгал во благо Каневский, а сам подумал: «Бог простит за эту ложь, она ведь направлена в интересах невинного страждущего».

– Принеси мне это дело.

– Да вот оно, – и Каневский вынул из портфеля дело, которое положил перед прокурором.

Тот читал лист за листом, а в конце поднял голову, снял очки и произнёс:

– Молодец, Борис Фёдорович. Таких, как ты, побольше бы нам в прокуратуру. Я признаю... поторопился с арестом, но Тихонов и сам виноват, горячо утверждая, что никто другой, а именно он убил свою жену. Дерзай, сынок. Если моя помощь потребуется... заходи. Будем решать вместе. Ну, ты и вихрь! Вернём дело на доследование, и будешь ты его заканчивать... Ничего, что будет нам брак в показателях следственной работы... он объясним. Ступай. Я поговорю с начальником РОВД о создании оперативно-следственной группы по этому делу.

Во второй половине следующего дня из РОВД в распоряжение Каневского прибыли два опера уголовного розыска, лейтенанты Савин и Ильченко. Следователь ввёл их в курс дела и поставил задачу добыть образцы потожировывделений рук Сидорова для сравнительного исследования с перчатками.

Те в тот же день, узнав, что Сидоров активно посещает секцию бокса, явились туда и под видом опознания боксёрских перчаток, якобы похищенных у вымышленного подростка Кравченко, изъяли перчатки Сидорова. Тот начал возмущаться.

– Не расстраивайся. Если паренёк заявит, что не его... возвратим с извинениями, – успокоил его Ильченко.

Доставив перчатки Каневскому, они ожидали новых поручений, а тот тут же составив постановление о назначении сравнительной экспертизы, послал Савина с этими перчатками к эксперту.

Ильченко ожидало особое поручение, которое Каневский с ним долго обсуждал... Тот выехал в следственной изолятор для проведения оперативных мероприятий с заключённым Храповым. Перед выездом он получил информацию от работника спецчасти СИЗО о том, что Храпов по характеру слабее и трусливее Чугова, и что его этапировали из исправительно-трудовой колонии в СИЗО для участия в следственных мероприятиях, как свидетеля по расследуемому уголовному делу, и что через неделю он будет освобождён по окончании отбытия меры наказания. Узнал он и о том, что тот до ареста являлся бойцом Матвея, как и Чугов тоже.

В следственную комнату доставленный Храпов вошёл вальяжно, сделал удивлённое лицо, увидев незнакомца в штатском. Ильченко представился, прочитал ему лекцию о порядке освобождения с последующим милицейским надзором, хотя такой уже не действовал, о чём естественно Храпов не знал, а потом спросил:

– Ты согласен сотрудничать с нами?

– С какой это стати? Стукачом? Да ни в жизнь, – резко и твёрдо ответил Храпов. – Отправляй в камеру, начальник. Базар закончен.

– Не торопись, не то пожалеешь.

– Это ещё почему?

– Тебя освободили условно-досрочно, считая, что ты стал на путь исправления, стал нормальным человеком и можешь вливаться в среду здорового общества. Так?

– Ну.

– Что, ну? Я тебя спрашиваю... так?

– Ну, так.

– А на деле совсем другое. Придётся составить письмо об отмене тебе УДО и возвращении в лагерь.

– Ох, напугал...

– Не торопись. Я ещё не всё сказал... После этого вывозу твоего дружка... сокамерника Чугова, побеседую с ним и намекну, что ты мне рассказал о поручении Матвея в отношении пресовки Тихонова, которого вы дубасили, заставляя подписать дарственную на квартиру Зуеву... и тебя Матвей встретит, как родного. Так как? Да или нет? Если нет... можешь уходить, – и опер занёс палец над кнопкой.

– погоди, – остановил его Храпов. – Что ты конкретно хочешь? Из тобою сказанного я вижу, ты всё знаешь.

– Подробности меня интересуют... это раз... а два – я хочу проверить, насколько ты исправился.

– А если я ничего об этом не знаю?

– Не будем переливать из пустого в порожнее, – сказал Ильченко и нажал на кнопку.

Тут же вошёл надзиратель с вопросительным лицом. Храпов заёрзал на стуле. Он хорошо знал о том, что если опер сделает так, как сказал, то Матвей в один миг его уничтожит... здесь же, в камере следственного изолятора. Поэтому внутри себя он боролся с двумя монстрами. Один заставлял соглашаться, а другой категорически был против.

– Забирайте этого, – сказал Ильченко надзирателю, а потом, повернув голову к Храпову и сделав милое лицо, промолвил: – Иди. Спасибо тебе за тёплую и плодотворную беседу.

Храпов опешил. На первых секундах растерялся, а потом почти крикнул:

– Да погоди ты, начальник!

– Что? Продолжим? – спросил тот и через несколько секунд подал знак надзирателю удалиться, и тот вышел. – Я слушаю.

– Без протокола?

– Можно и так, если хочешь.

Храпов потёр лоб, несколько раз бросил взгляд на опера, а потом тихо начал:

– От Матвея нам пришла малява, в которой он потребовал нажать на Тихонова, чтобы тот подписал дарственную или мнимую продажу квартиры какому-то Зуеву. Нотариус должен после положительного расклада приехать сюда и решать все дела. Как только это произойдёт, мы... ну-у, я и Чугов должны Тихонова на перо¹¹ посадить. Вот мы и поколачивали его, а он ни в какую.

– А если он вообще не согласится?

– Тогда мы должны его прикончить, а Матвей эти вопросы будет решать другим путём.

– Например?

– Примеров много... Один из них подделка подписи. Сюда с нотариусом приедет Зуев, выведут Тихонова, погутарят о том, о сём... для вида... и разойдутся, а после этого у нотариуса появится договор либо дарения, либо купли-продажи с подписью Тихонова.

¹¹ Нож – (лагерн. жаргон).

– Ну, а если, например, он сегодня согласится?

– Мы покупаем на минутку мобилу у вертухая¹², шлём эсэмэску Матвею, и тот посылает нотариуса и Зуева.

Ильченко задумался. В голове его уже рисовался план захвата посланников Матвея, но споткнулся на том, как отвести от наказания Храпова, согласившегося сотрудничать. Ведь он и Чугов являлись прямыми соучастниками, звеньями в одной преступной цепи.

– Ты избивал Тихонова?

– Было дело. Несколько тумачков дал, но, чувствуя близость свободы, я старался быть не активным, и Тихонов, мне кажется, это заметил.

– Так и дальше продолжай. Даже выскажись, мол, не надо... хватит... А начните сразу же, как только он войдёт в камеру.

– Его же с нашей хаты перевели в другую.

– Возвратят. В СИЗО прибыло много арестантов, и камер не хватает, – солгал опер, что на ум пришло. – Ну, ладно, Храпов, постараюсь, чтобы ты из этой истории сухим вышел, а откинешься, заходи... если что. Ступай, – и он нажал на кнопку.

Надзиратель увёл Храпова в камеру, а Ильченко зашёл в спецчасть, где знал одного из сотрудников.

– О-о! Славик, привет! Сто лет, сто зим! – с порога запел Ильченко.

Тот вскочил, они обнялись, потискали друг друга, обменялись короткими вопросами и ответами о делах, о семьях и остановились на словах: «С чем пожаловал?» Ильченко коротко обрисовал проблемы по делу Тихонова и подробнее остановился на пути их разре-

¹² Надзиратель – (лагерн. жаргон).

шений. Славик проникся пониманием и служебным интересом, а поэтому сразу согласился оказать в этих мероприятиях помощь.

– Так давай прямо сейчас и приступим, – сказал Ильченко. – Дай команду привести сюда Тихонова.

Спустя пять минут тот стоял уже в кабинете Славика.

– Петя, присаживайся, – сказал Ильченко, указывая на стул.

Тот сел и настороженно посмотрел на обоих.

– Не волнуйся, – продолжал опер. – Я из команды Каневского. Он решает вопросы в части твоего освобождения, а я по его указанию здесь. Ильченко моя фамилия. Значит так... Всё, что будет делаться с этой минуты... будет направлено в твою пользу. Тебя на самое короткое время возвратят в камеру, где ты был раньше...

– Не, не... ни за что, – забеспокоился тот.

– Не бойся. Так надо. Как только те изверги начнут приставать, ты заяви, что согласен продать... Конечно, этого не случится... Так вот... после этого нескольких арестантов и тебя, в том числе, под предлогом, к примеру... дезинфекции камеры сразу же переведут в другую камеру. Приедут сюда нотариус и Зувей... ты заяви, что передумал и продавать не будешь. Понял? Мы их тут же возьмём, а ты, я так думаю, вместе с нами поедешь домой. А насчёт убийцы твоей жены... Мы его нашли. Любовник твоей жёнушки... Только об этом говорить никому не надо. Всё понятно?

– Да. Но я туда возвращаться боюсь... честно говоря. Это же звери... особенно Чугов. Тот, второй, ещё не так зверствовал... больше в стороне находился, хотя всё-таки несколько раз пнул.

– Так надо. Задача понятна? – спросил Ильченко и, видя, что тот кивнул головой, добавил: – Тогда вперёд... и смотри не сорви нам то, что наметили.

Как только Тихонов ушёл, заключённым, которые содержались с ним на одном этаже, были объявлены проведения покамерной дезинфекции, и Тихонов был возвращён в камеру к Храпову и Чугову, а с ним ещё двое. Храпов, увидев вошедшего Тихонова, и помня наставления Ильченко, соскочил с койки и кинулся к нему.

– О-о! Тихоня! С возвращением домой, – сделал ехидное лицо, произнёс он и сжал кулаки.

С улыбкой на лице следом за ним поднялся с койки и Чугов, пошёл следом. Тихонов, сделав шаг назад, упёрся спиной в металлическую дверь.

– Ребята не надо... Я согласен, – произнёс он дрожащим голосом.

– Так это же другое дело! – воскликнул Храпов и, подойдя к Тихонову, похлопал его по плечу. – Молодец. Давно бы так. Иди... залазь вон на верхотуру, – и показал на верхнюю свободную койку.

Тихонов сделал два шага, как путь ему преградил Чугов. Сделав узкие глаза, сквозь зубы процедил:

– Смотри мне. Назад хода нет. Понял?

Тихонов кивнул головой, а тот резко ударил его кулаком в живот и продолжил:

– Подведёшь... ленты из твоей кожи резать будем. Другая камера тебя не спасёт... Топай.

Уединившись, Чугов и Храпов стали шёпотом обсуждать дальнейший ход своих действий. Чугов настаивал срочно послать эсэмэску Матвею, а Храпов для вида предложил пока воздержаться, но тот настоял и

постучал в дверь. Шепнув в ухо открывшему кормушку надзирателю и сунув ему в руку сложенную в пять раз купюру, он получил телефон. Тут же набрав текст, что тихоня согласен, отправил эсмэску Матвею. Копия её сразу же перекочевала на стол Каневского.

Спустя три часа камеру, в которой находился Тихонов, освободили от содержащихся заключённых, разместив их по другим. Храпов и Чугов оказались в разных камерах.

Ильченко, крепко пожав руку Славику, выехал к Каневскому.

В это время Савин докладывал ему о том, что исследованием перчаток и добытых оперативным путём боксёрских перчаток Сидорова, экспертом установлено, что те и другие принадлежат Сидорову, а кровь, обнаруженная на перчатках, изъятых в квартире Тихонова и в мусорном баке, по групповой принадлежности является кровью Киры Тихоновой. Теперь можно было задерживать Сидорова, но Каневский решил не торопиться и одним выстрелом убить нескольких зайцев – взять сразу Сидорова, Матвея и других соучастников.

3

Матвей, жуя миндаль в сахаре, сидел и слушал доклад Сучка, обеспечивающего безопасность группировки, о результатах переговоров с нотариусом. Узнав, что тот после получения крупной суммы «гонорара» за составление ложного договора купли-продажи квартиры Тихонова дал согласие не только на это, но и на выезд в следственный изолятор, распорядился позвать Сидорова и Зуева.

Спустя несколько минут Сучок вошёл в комнату Матвея вместе с названными лицами. Матвей, продолжая баловать себя миндалём, запивая небольшими глотками виски, бросил сердитый взгляд на обоих, а потом спросил Зуева:

– Нашёл покупателя на квартиру Тихонова?

– Обижаешь, Матвей. Давно ждёт, а обговоренная сумма как раз та, что ты назвал.

– Угу... Неплохо... Завтра в десять чтобы был здесь... да без запаха алкоголя. Поедешь оформлять квартиру в СИЗО... вместе с нотариусом. Паспорт свой возьми, а сейчас с Сучком поезжайте к нотариусу и подготовьте все бумаги. Как только всё будет сделано, нотариус скажет, что дальше делать. Он этот вопрос будет сопровождать до конца. Всё, ступайте.

Сучок и Зуев ушли, а Матвей, сделав очередной глоток виски, бросил в рот с металлическими, как у терминатора, зубами миндаль и поднял свой взгляд на продолжающего стоять Сидорова.

– Что скажешь, Сидор? Долго ты будешь возиться со своими бабами?

– Надо же войти в доверие, а потом...

– Ты сколько входил в доверие к Тихоновой? – прервал его Матвей. – За неделю мог бы всё проверить, а ты растянул на месяцы. Наверное, тебе нравится сексуальная работёнка? Поэтому ты её сладость и растягиваешь. Ты с тремя сейчас работаешь?

– С тремя. Одна уже готова будет к середине следующей недели...

– Никаких следующих! – закричал Матвей. – Четыре дня тебе и не больше. Понял? – а когда тот кивнул головой, продолжил: – Смотри мне... Я миндальничать

не стану... Да следов не наделай. Продумай свои шаги до мелочей. В квартире Тихоновой следов не оставил?

Тот замялся, хотел было скрыть, но, встретившись с колючими глазами Матвея, несмело произнёс:

– Всё предусмотрел, а при выходе где-то потерял одну перчатку. Обнаружил, когда выбрасывал вторую в мусорный контейнер. Сразу же побежал назад, но в подъезде началось движение, и мне ничего не оставалось, как уйти.

– Дундук! Идиот! Если через эту перчатку выйдут на тебя... голову отрежу... и собакам скормлю. Вот дурак... С первой как отлично получилось, а на второй споткнулся. Добавил мне работы и расход по твоей милости. Теперь мне надо через своего человека в ментовке узнать насчёт перчатки... Стала ли она объектом внимания следока, а за это надо платить... С тебя удержу в двойном размере. Тьфу, ты... – и он сплюнул в сторону.

– Дело в суде, Матвей. Если бы что... то уже давно я почувствовал. Значит, всё в ажуре.

– Смотри мне, красавец... хренов. Не дай-то Бог повторится подобное... Подберу другого, а тебя в расход. От аза до ижицы все свои действия продумай... постарайся не засветить свою смазливую харю и следов не оставить. Поглубже проникай в суть нашей стратегии да совершенствуй приёмы своей деятельности, которая должна осуществляться холодной головой и исключительным здравомыслием, а не переться на пролом. Уловил? – Матвей понизил голос и перешёл на конфиденциальный тон: – Трезво оценивай обстановку и предстоящие события... не засоряй свои мозги лишней дрянью... вот типа той, что я пью, и ей подобной. Ты, Сидор, двигатель вперёд и надежда наша. Помощь потре-

буется – скажи. Я всё организую. Торопись неспеша. Лихорадочная поспешность нужна только при ловле блох.

Слушая нравоучения Матвея, Сидоров подумал: «Сам только что орал, что я медленно подхожу к финалу, а теперь не спеша». Матвей же, считая, что всё им сказанное вполне обоснованное и дошло до глубокого понятия Сидорова, отпустил его.

Следующий день начался с безветренного солнечного утра. Зуев и нотариус прямо от Матвея поехали в следственный изолятор, получив от него продолжительное наставление. После всех служебных процедур работников СИЗО они разместились в одном из следственных кабинетов:

– Глупых вопросов Тихонову не задавай. Форсируй быстроту. Подпись его... и пусть уходит... и надо как можно побыстрее слинять... не могу я в этом заведении, – сказал Зуев нотариусу, обводя взглядом кабинет.

– Сам в этом заинтересован. Матвею скажем, что надо немножко доплатить... за страх и нервы, – попросил тот и криво улыбнулся.

– По возвращению ты и скажешь.

В это время надзиратель привёл Тихонова. Тот вошёл, смерил обоих недовольным взглядом и уже хотел было объявить отказ, но нотариус его опередил:

– Я нотариус Глеб Аронович Харламов. Приглашён, чтобы засвидетельствовать куплю-продажу квартиры вами... господину Зуеву. Да вы присаживайтесь.

– А разве я вас приглашал? Ведь я должен продавать квартиру и являться инициатором приглашения. Каким боком вы здесь? К тому же я не продаю квартиру. В ней прописан мой сын... офицер вооружённых сил и

мать жены. Вы ошиблись или кто-то вас жестоко обманул, – ответил Тихонов, продолжая стоять.

– Но позвольте... вы же дали согласие! – возмутился Зуев. – Как вас понимать?

– Кому это я дал согласие? Вам? Вы должно быть покупатель и фамилия ваша Зуев?

– Чугову и Храпову дали, – настороженно и приглушённым голосом ответил тот.

– А причём здесь они? Да они, особенно Чугов, избивали меня, требуя продать квартиру, но это не значит, что я согласен, – сказал Тихонов и повернул голову к нотариусу: – А вы как нотариус согласны на свои действия при наличии озвученных мною обстоятельств?

Тот закивал головой, а потом ответил:

– С вашего позволения... да.

– Договор у вас заготовлен? Где он?

– Вот он, – и нотариус ткнул на кипу бумаг, лежащих сверху журнала учёта. – Здесь всё готово. Ваша подпись, и мы ушли.

– Подписи не будет.

Это была условленная фраза... в кабинет вошли Каневский и Ильченко, а следом надзиратель пропустил и двух понятых. Каневский представился с предъявленным удостоверением личности и сразу же схватил быка за рога.

– По какому поводу вы здесь и кто вы?

Увидев остановившийся взгляд следователя на себе, Харламов ответил:

– Я нотариус, – и назвал свои фамилию, имя, отчество. – Прибыл по приглашению по причине юридической документации и заверения нотариально купли-

продажи квартиры гражданином Тихоновым господину Зуеву.

Каневский перевёл свой взгляд на Зуева.

– Вы, как я понимаю, Зуев. Стало быть, вы покупаете у Тихонова квартиру?

– Да, я Зуев и, конечно же, покупаю квартиру Тихонова. А впрочем... в чём дело? – с возмущением ответил он.

Тогда Каневский, не отвечая на его вопрос, спросил Тихонова:

– Скажите, вы действительно продаёте свою квартиру? И для этого пригласили нотариуса?

– Я не продаю свою квартиру... и даже не думал об этом. Почему эти господа так решили, мне неизвестно. На этот вопрос должны ответить они. Что же касается вызова нотариуса, то я удивлён его появлению. Ни его, ни Зуева я не приглашал. Они пришли по своей инициативе, – категорично ответил тот.

Каневский взял со стола подготовленный договор, прочитал его, а затем прочитал подготовленную запись в журнале учёта, предъявил эти документы понятым, а после составил протокол их изъятия, куда включил и документы, удостоверяющие личность Зуева и Харламова.

– Вы задержаны, – объявил он обоим.

– За что? Вы не имеете права, – возмутился нотариус, щёки его раздувались как паруса и так же быстро сдувались, он часто засопел, недовольству не было предела.

– За попытку совершить мошеннические действия, а точнее за соучастие в этом преступлении, которое совершалось с применением силовых приёмов. Встали оба, – сказал следователь.

Ильченко тут же защёлкнул на их руках наручники и повёл на выход из СИЗО.

– А вы, Тихонов, свободны. Постановление о вашем освобождении передано руководству СИЗО. Идём получать то, что у вас изъято, и домой, – объявил Каневский.

– Тело Тихонова затряслось, он заплакал, опустившись на стул.

– Успокойтесь и пошли. Времени нет для этого. Надо успеть схватить Матвея, пока не улизнул, а Сидорова в первую очередь.

Тихонов поднялся и пошёл следом за Каневским, покидая страшное для него, невиновного человека, это учреждение.

Выйдя из СИЗО, Каневский обязал Тихонова на завтра явиться к нему для допроса в качестве потерпевшего и отправил его домой, задержанных Харламова и Зуева передал двум милиционерам для доставки в изолятор временного содержания, а сам с Ильченко и его двумя операми выехал на задержание Сидорова. В это же время Савин с группой захвата обложил логово Матвея.

4

Сидоров находился в своей квартире и собирался выехать к Матвею. На надвигающейся вечер он планировал убить очередную жертву и тоже с целью завладения её квартирой. Алисе Филатовой он три месяца клялся в любви, заверяя, что без неё для него жизнь бессмысленна. Показал совсем чужой двухэтажный дом на Рублёвке, выдавая за свой, показал квартиру Тихонова, заявив, что принадлежит ему, кроме

той квартиры, в которой проживает, а после подачи заявления в ЗАГС о заключении с ней брака, убедил о продаже её квартиры. Она сначала насторожилась, но он тут же заявил, что полученные деньги должна положить на свой счёт и распоряжаться ими по своему усмотрению. Хотя фактически ей никто не собирался платить. От неё требовалось подписать договор купли-продажи, а он, Сидоров, якобы проконтролирует поступление денег на её счёт. Спешку с продажей квартиры он обосновал резким падением цен на рынке жилья, а тут, мол, богатый человек, не торгуясь, покупает квартиру за названную продавцом, то есть ею, сумму, своему охраннику, спасшему ему жизнь. Этот вымысел убаюкал Алису, и она согласилась на встречу с покупателем в 17 часов сегодня. В этот же вечер вынесенный Сидоровым ей смертный приговор должен быть приведён в исполнение сразу же после подписания договора. На заключение так называемой сделки Матвей посылал всё того же нотариуса Харламова.

Повертевшись перед зеркалом и брызнув на себя несколько раз одеколоном зарубежного производства, он направился к двери, как вдруг кто-то нажал на кнопку звонка. Он замер, но как назло из его рук выскользнул флакон парфюма и громко стукнул об пол. Ему не оставалось ничего, как подойти к дверям и ответить:

– Кто там?

– Я сосед снизу... Автомобиль «БМВ» ваш на площадке? – послышался мужской голос за дверью.

– И что с этого? – спросил недовольным голосом Сидоров и посмотрел в глазок.

На площадке стоял мужчина без головного убора и в майке. Сидоров побежал к окну и посмотрел на пло-

щадку. Там два подростка копошились возле передней дверцы его автомобиля. Выйдя на балкон, уже хотел было крикнуть им, но, перегнувшись через перила, увидел милиционера в форме, стоявшего возле входной двери подъезда, показывая жестами подросткам. «Ловушка», – мелькнуло в его голове, и он заметался по квартире. Бежать некуда, спрыгнуть невозможно... и он, достав из-под матраса пистолет, подошёл к двери, а мужчина в майке снова нажал на кнопку звонка.

– Ну чего надо? Это не моя машина, – возмущённо ответил через дверь Сидоров.

– Ты же на ней катаешься. Я же каждый день вижу. Пацаны разберут её или угонят. Впрочем, дело твоё... Я сообщил, а ты, как сам знаешь, – сказал мужчина в майке и направился по ступенькам вниз.

«А может, мент случайность?» – засомневался он и вновь вышел на балкон. Перегнувшись через переела и не увидев возле подъезда милиционера, он закричал:

– А ну-ка пошли от машины!

Подростки побежали за угол. Окна квартиры выходили на обе стороны, и он быстрым шагом пошёл посмотреть на другую сторону, но там ничего подозрительного не увидел и стал возвращаться к входной двери, чтобы взглянуть в глазок, как вдруг его слух уловил еле слышный щёлчок замка. Сидоров весь напрягся, дослал патрон в патронник и встал за дверь зала. Входная дверь скрипнула и начала медленно открываться. «Точно менты», – и Сидоров выстрелил в дверь. Кто-то вскрикнул, и послышался звук падения человека, а после всё затихло. С минуту он выжидал, но жажда вырваться из капкана брала верх, и он на цыпочках подошёл к двери, прислушался и, кроме ти-

шины больше ничего не услышав, медленно чуть приоткрыл дверь. Через образовавшуюся между дверной коробкой и дверью щель он увидел ноги в чёрных ботинках. Судя по тому, как носки ботинок были обращены вверх, можно было определить, что человек лежал на спине. Сидоров сделал ещё один шаг, приоткрыл дверь и выглянул. Его глаза встретились с глазами лежащего на спине Каневского. Сидоров поднял пистолет, но выстрелить не успел. Прозвучал выстрел Ильченко, и пуля угодила в правое плечо Сидорова, отчего тот уронил пистолет и сделал шаг назад. В это время в прихожую ворвались Ильченко в майке и второй оперативник.

Спустя несколько секунд Сидоров, кривясь от боли, сидел в наручниках. За ними в квартиру вошёл Каневский. Пуля, выпущенная Сидоровым, пробив дверь, портфель с его содержимым, который Борис держал в левой руке на уровне живота, а правой открывал дверь, прошла через его одежду и застряла в металлической пряжке брючного ремня. «Ну вот, теперь вновь признают меня потерпевшим, и придётся передавать дело другому следователю», – это было первое, о чём он подумал в тот момент.

Понимая серьёзность всех обстоятельств, Каневский позвонил прокурору и доложил о случившемся, а тот категорически запретил ему проводить какие бы то ни было следственные действия и выслал другого, который по прибытию осмотрел место происшествия, изучил пистолет, зафиксировал пулевое повреждение двери, портфеля и документов в нём, а также одежду и ремень Каневского с изъятием пули. На теле его остался лишь синяк. Кроме того производством обыска

в квартире Сидорова были обнаружены и изъяты материалы о женщинах, в том числе о Тихоновой, их фотокарточки и материалы установки по месту жительства с описанием подробностей их квартир и наличие семейных связей. Впоследствии Сидоров был арестован прокурором, а о Каневском продолжала расхаживать среди сотрудников легенда о том, что он отмечен Богом и находится под его опекой.

Савин в это время блестяще провёл операцию по захвату Матвея. После короткой перестрелки, в ходе которой был убит Сучок, остальные, в том числе и сам Матвей, не стали сопротивляться и сложили оружие.

В ходе расследования уголовного дела были установлены многочисленные факты посягательств на имущество, здоровье и жизнь граждан. Из-за тяжести преступлений, сложности расследования, большого числа фигурантов, уголовное дело взяла в своё производство следственная часть прокуратуры города.

Каневский за раскрытие всех преступлений, которые были выявлены, был повышен в классном чине и представлен к правительственной награде.

Тихонов перестал злоупотреблять спиртным. Однако в знак скорби по жене отрастил бороду и периодически навещал кабинет Каневского, выражая ему свою искреннюю благодарность, за то, что тот, сидя за своим рабочим столом, помнит, что по ту сторону стола сидит тоже человек, независимо в каком качестве.

ХII. Отдельное поручение

1

Поставив последнюю точку в обвинительном заключении по оконченному расследованием уголовному делу, Каневский прочитал его ещё раз, поправлял ошибки в тексте, а потом принялся приводить дела в соответствие для передачи прокурору для утверждения последнего процессуального документа и направления дела в суд. В это время в кабинет вошла заведующая канцелярией с журналом под мышкой.

– Борис Фёдорович, отвлеку вас на полминуты.

– Можно на две. Слушаю, Фаина Ильясовна.

– Из прокуратуры Таджикистана поступило отдельное поручение о производстве некоторых следственных действий, и прокурор исполнение адресовал вам. Возьмите и распишитесь в журнале.

Он учинил подпись, и она ушла.

Прочитав текст, в котором извещалось, что гражданин Узбекистана Мухтаров выехал из Душанбе в Москву и по просьбе наркоторговца Ибрагимова, о чём не догадывался, взял посылку с героином для передачи некоему Токарю, который должен был встречать его. Перед подъездом к Москве в 5-м вагоне Мухтаров был убит, посылка исчезла, и в этом подозревается Токарь. Транспортная прокуратура принятыми мерами его не нашла, и инициатор отдельного поручения просит тер-

риториальные органы установить его местонахождение для выявления всей цепи наркоторговли, а также её душанбинских руководителей, и, не предпринимая никаких мер, сообщить для выезда работников спецслужб.

Ориентировочно Токарь может неофициально проживать в одном из трёх районов: Митино, Строгино и Тушино.

«Токарь... А может быть Токарев... а Токарь кличка? Или Токарчук... Токаренко... Токарин? С чего начать?» – уже включился в работу Каневский, потом постепенно набросал в блокнот план работы. Прежде всего, он сделал запрос в РОВД упомянутых районов, а потом и в ГУВД города. Не раскрывая сути, Каневский, в запросах указал, что Токарь устанавливается в целях проведения с ним оперативно-розыскных мероприятий.

На следующий день он решил побывать в транспортной прокуратуре, а уже по приезду детально с карандашом в руках изучил уголовное дело, возбуждённое следователем Моисеевым по факту убийства Мухтарова. Изучение показало, что в пятом вагоне Мухтаров ехал в 4-м купе на 13-м месте. Остальные места купе занимали: Николаева, вышедшая из поезда за пять часов до прибытия в Москву, и однорукий Кулик Владимир с двенадцатилетним сыном Юрием, которые и обнаружили труп Мухтарова. Следователю они рассказали, что пошли в ресторан покушать, а спустя час, возвратившись, обнаружили в купе Мухтарова задушенным куском шпагата, а его вещи разбросанными. После чего сообщили об этом проводнику. Проводник это подтвердил и пояснил, что в это время посторонних в вагоне не видел, а после проинформировал об убийстве бригадира поезда, а тот – в милицию.

Во время осмотра места происшествия среди вещей Мухтарова посылка с героином не была обнаружена, что и наводило на мысль о его убийстве Токарем, который знал и о посылке, и о приезде Мухтарова, к тому же, как пояснил проводник, по прибытию в Москву, никто из встречающих о Мухтарове не спрашивал.

Преступление оставалось не раскрытым ко времени прибытия Каневского, а уголовное дело производством приостановлено.

Бориса заинтересовала находка, обнаруженная при осмотре места происшествия следователем Моисеевым. На одном из разбросанных по полу купе листов хорошо отпечатались след обуви, предположительно оставленный преступником, – отпечаток ботинка 41 размера с подошвой в ёлочку, а на каблуке ромб и посередине кружок с копеечную монету. Следователь не оставил это без внимания и осмотрел обувь Кулика и его сына, которая оказалась совсем с другим рисунком. Эта находка нашла своё отражение и в ориентировках, направленных следователем в территориальные органы.

Не обнаружив для себя ничего существенного, кроме как уже известного следствию, Каневский закрыл дело и положил перед Моисеевым, а потом спросил:

– Дмитрий Иванович, у меня возник вопрос... При осмотре места происшествия вы обратили внимание на положение окна купе? Оно было открыто или закрыто?

Тот поднял глаза к потолку, подумал и ответил:

– Точно открыто. Я ещё сквознячок почувствовал. А вам это зачем? Расследую я, а вас всего лишь просят установить Токаря.

– Найти, а вообще-то начинать искать его... надо плясать от этого дела. Поэтому я и спрашиваю... И ещё... По ходу поезда купе располагались с левой или правой стороны? Я в протоколе осмотра этого не нашёл.

– Справа, – коротко и недружелюбно ответил следователь, а потом взял дело и небрежно бросил его в сейф.

– Да вы не сердчайте. Я же не проверяющий, а лишь пытаюсь установить или восполнить истину...

– Но вам-то зачем, с какой стороны находились купе? – перебил его со злостью Моисеев.

– Объясняю, – спокойно ответил Каневский. – След обуви для нас с вами преступник мог оставить заранее приготовленным ботинком 41-го размера, хотя сам был обут в обувь намного большего... и это для того, чтобы нас пустить по ложному пути. Ищите, мол, человека с 41-м размером обуви. Сделав такой след, он мог через открытое окно выбросить ботинок... Если это так, то с какой стороны железнодорожного полотна надо искать его? Слева или справа по ходу движения поезда? Если прочесав известную территорию вдоль рельс, не найдём ботинка, то будем знать, что преступник оставил след не специально, а по неосторожности, и носит обувь 41-го размера. Изучив дело, я не нашёл точного места совершённого убийства. Вы пишете, употребляя слова «примерно»... между одной и другой железнодорожными станциями, увеличивая расстояние. Желательно бы ещё раз допросить Кулика, он назовёт время посещения ресторана и возвращения из него, а мы через диспетчерскую службу установим, где точно в это время находился поезд, а потом организуем

прочёску этой местности. И возьмём не с начала, а с конца... то есть с того места, где находился поезд в момент обнаружения трупа и будем производить прочёску территории в обратном направлении. Я думаю, мы окажемся ближе с этого места к точному месту убийства...

– Это идея, Борис Фёдорович. – Снова перебил его Моисеев, но уже весёлым и заинтересованным голосом. – Сегодня же возобновлю расследование и органирую это мероприятие... Спасибо за подсказку.

– В этом месте преступник, не исключено, мог на ходу сойти с поезда. Желательно допросить проводников передних и задних вагонов о миграции неизвестных пассажиров именно в промежутке времени убийства... имеется ввиду до и после.

– Есть у меня их адреса. Я не допросил их в связи с поездками... То они в отъезде, то я занят. Вызову и допрошу.

– Удавка сохранилась?

– Конечно. Это же вещдок.

– Я бы провёл экспертизу по потожировым частицам. Она должна дать заключение о наличии таких выделений двух человек... убитого и преступника, крепко державшего удавку в своих руках.

– О-о! Как здорово. Ну, Борис Фёдорович, вы меня удивили... Мастер вы следствия. Спасибо ещё раз. Обязательно я всё это восполню.

Вспомнив об обнаруженных на месте происшествия смазанных отпечатках пальцев, Каневский порекомендовал Моисееву предоставить их специалисту в области дактилоскопии и попросить поработать с ними. На разных предметах остались части отпечатка пальца...

вдруг появится такая возможность восстановить след путём наложения с других следов, и таким образом получить полную формулу хотя бы одного следа пальца, чтобы через информационный центр России выйти на преступника, если он был судим или проходил дактилоскопию.

Из Транспортной прокуратуры он направился к начальнику уголовного розыска РОВД «Северное Тушино» Тимофееву, надеясь на его величество редкий, но счастливый случай, получить желаемые сведения о Токаре.

Тот оказался на месте, подводя итоги раскрываемости за квартал. Увидев входящего Каневского, он бросил авторучку на стол и радушно встретил старшего следователя окружной прокуратуры.

– Совсем забыл нас Борис Фёдорович, – сказал с сожалением в голосе Тимофеев. – Так ты где сейчас? В округе или в городской?

– В округе, Олег Николаевич... Туда отказался. Ребята рассказывали, что, мол, как на поводке... Уехал – спроси, приехал на место – отзвонись, возвратился – доложи. До окончания рабочего дня 30 минут, а ты на выезде... то возвращайся на рабочее место, а уж оттуда домой, несмотря что ты находишься рядом со своим домом.

– Какими судьбами к нам? По делу или по пять грамм?

– Не пью я, сам же знаешь. А к тебе за помощью, – и он рассказал всё об убийстве Мухтарова.

– Токарь... Нет, у меня он нигде не мелькал. Озадачу своих оперов, а они негласный аппарат. Да... и свяжусь с операми по борьбе с распространением наркотиков... отзвонюсь. Как супруга? Как Дмитрий Борисович?

– Супруга всё там же работает, а Дмитрий Борисович последний год в детсад ходит, на следующий – в школу.

– Время летит... Дети вырастут, а мы стареем. И этот процесс постоянный, не имеющий обратной силы.

– Это уж точно, – ответил Каневский. – Ну не буду тебе мешать... Подбивай баланс, уходя от приписок...

– Этого у нас нет. Искоренили напрочь, – перебил его Тимофеев. – Даём в отчёты только то, что имеем.

– Ой, ой, Олег Николаевич, а то я вас, всех ментов не знаю. У вас же «палочный» показатель. Начальство создаёт видимость, что ругает за приписки, а само заставляет... то намёком, то открытым текстом. Ну ладно... Побежал я. Жду звонка.

– Постараюсь ускорить.

Дружеское рукопожатие... и Каневский уехал в прокуратуру.

Со своего рабочего кабинета он ориентировал об установлении Токаря всех руководителей милиции, кого знал: начальников 126 ОВД Перцева, 48-го Сазыкина, 86-го Ельшова, 28-го Визирова, ОВД «Митино» Марфичева, ОВД «Покровско-Стрешнево» Горчагова, ОВД «Южное Тушино» Бурновского и других... даже позвонил начальнику УВД Северо-Западного административного округа генерал-майору Швыдкину. Казалось, правоохранительная машина заработала во всю мощь, и он ожидал результатов, но сам продолжал действовать.

Спустя два дня стали поступать неутешительные сведения, которые сводились к тому, что Токаря никто не знал. Позвонил и Моисеев, который в какой-то степени понял градус настроения.

– Борис Фёдорович, всё, что вы советовали, я выполнил... Докладываю. По времени определили место происшедших трагических событий, интересующих следствие, сделали прочёску... вы как в воду глядели, – нашли один старый ботинок с ромбом на каблуке и ёлочкой на подошве в белом пакете, что приблизило меня к месту убийства. Вы умница. Спасибо. Но это ещё не всё. Допросом проводников других вагонов получена информация, что именно во время отсутствия Кулика и его сына в купе, по 6-му вагону в сторону 5-го проходил мужчина среднего роста, голова остриженного наголо, на голове от верхнего конца правого уха до затылка шрам. Одет он был в серую ветровку и чёрные брюки. В правой руке он держал пакет белого цвета. Я при осмотре не обнаружил его. Напротив купе проводника он встретил женщину лет тридцати в тёмных очках, волосы чёрные, в ушах золотые серьги звёздочки. Она ему сказала всего лишь два слова: «один... четвёртое» и сразу же ушла в сторону 7-го вагона, а он улыбнулся, и проводник заметила с правой стороны в верхнем ряду металлические зубы. Направился он в 5-й вагон. Возвратился обратно до времени возвращения Кулика в купе. В руках у него был пакет тёмного цвета, наполненный какой-то тяжестью... Похоже, был полон, так как ручки под тяжестью натянуты... Он прошел через 6-й вагон и направился в седьмой. В седьмом и он, и она были замечены проводником, как пассажиры, проходившие в восьмой вагон, а дальше их след теряется. Я думаю, что они сошли с поезда на ходу, ведь в это время перед заходом эшелона на станцию скорость движения поезда была снижена почти на нет... Он просто заползал на станцию, и главное, – дверь там-

бура оказалась открытой. Теперь о женщине... Проводник 5-го вагона, где и произошло убийство, видел стоявшую в коридоре у окна женщину в тёмных очках, но внимание на неё не обратил. А вот мужчину, клянётся, что не видел, и поясняет это тем, что он в вагон мог зайти со стороны 6-го вагона и сразу нырнуть в купе, а купе проводника находится в начале вагона со стороны тамбура. Борис Фёдорович, это были они... сердцем чувю. К тому же она сказала: «один... четвёртое», что означало: Мухтаров в купе один, а купе четвёртое. Он и находился в четвёртом. Женщина следила, а он исполнил. Теперь об удавке. Заключение ещё нет, но эксперт устно сказал, что потожировывыделения принадлежат Мухтарову в области середины удавки, а по концам другому человеку. Что же касается дактилоскопии, то тут, конечно, мы получили отрицательный результат. Специалист не смог ничего сделать... не хватило несколько капилляров, чтобы использовать по назначению.

– Ничего, отрицательный результат тоже неплохо. Объём работы в некотором смысле уменьшается. Зато свидетельствует о стремлении следователя, – отметил Каневский и сразу спросил: – А как с пакетом и ботинком?

– Назначил дактилоскопию. Работают эксперты. Там кое-что они надыбали.

– Спасибо, Дмитрий Иванович, за звонок и информацию. Буду благодарен за осведомление и по результатам работы с пакетом и ботинком. Да, чуть было не забыл... Проводники как насчёт фоторобота мужчины с пакетом и женщины в тёмных очках?

– Старался, но, увы. Кто видел в профиль, кто в затылок, кто мельком.

Поблагодарив ещё раз, Каневский положил трубку.

Проходили дни, приближаясь к сроку исполнения отдельного поручения по установлению Токаря, и он обеспокоенно мотался по городу, согласно плана, работая по этому поручению и не забывая о находящихся в производстве делах.

Из РОВД поступали неутешительные ответы.казалось, что Токаря, как такового, вообще не существует. Но тут ему, словно Бог послал для допроса по расследуемому делу в качестве свидетеля, учётчицу механического завода Гущину Анастасию.

Допрос уже подходил к концу, как вдруг позвонил из РОВД «Митино» Марфичев:

– Борис Фёдорович, ну вот перекопали в своём районе, а этого Токаря так и не нашли. Может, он слесарь или по другой специальности? – с шуткой спросил тот.

– Нет, Сан Саныч, не слесарь и не другой, именно Токарь. Может, фамилия, а может, что-то другое, я не знаю... так значит в отдельном поручении.

– Ну нет такого у нас, но обещаю, будем держать на контроле.

– На нет и суда нет. Всё равно спасибо.

Положив трубку, Каневский уже хотел было задать свидетелю очередной вопрос, как вдруг Гущина опередила его, ошарашив:

– Вы не о нашем Токаре сейчас говорили?

– А это кто? – настороженно спросил следователь.

– Твердунов... Афанасий Миронович, но все его почему-то называют Токарем... Так эта кличка и приклеилась к нему, хотя он действительно работает токарем.

– Я некоторых ваших знаю, а этот, как мне кажется, со шрамом от правого уха к затылку, – осторожно высказался в порядке разведки Каневский.

– Да. Именно он, – ответила учётчица.

У следователя от радости побежали по листу буквы, в груди заиграла эмоциональная буря, ему захотелось вскочить, потереть руки и крикнуть: «Ну, наконец-то!» Но он совладал со эмоциями и спокойно произнёс:

– Точно, этого я знаю. Речь шла о человеке с такой фамилией. А Афанасий получил квартиру? Или я его спутал с Колей Сатаевым? – продолжая завуалировано задавать вопросы Каневский.

– Сатаева я не знаю, а Афанасий, как жил в отцовской квартире напротив общежития Химакадемии в районе метро «Планерная», так и живёт. Пьёт, стервец, по-чёрному. Запьёт и неделю, а то и больше, на работе не появляется. Начальство не увольняет... руки золотые у него...

– Так разве он там живёт? По Химкинскому бульвару же, – перебил он учётчицу, схитрив, пытаясь выведать точный адрес.

– Нет, – твёрдо сказала она и назвала адрес. – Я неоднократно бывала у него. Шеф посылал узнать, когда выйдет на работу, а он опухший от водки всё извинялся, но в квартиру не пустил ни разу... Он не женат. Живёт один.

– Значит, перепутал я... Да Бог с ним. Я ведь только несколько раз видел его, и глаза, мне показалось, какие-то дикие... Наркоманит, наверное? – задал он очередной разведвопрос.

– Не похоже. От него вечно водкой несёт. Последнее время я его не вижу... вот уже месяца три. Разговоры ходят, что он самовольно оставил работу.

Каневский перестал задавать ей вопросы и, создавая видимость, что читает её протокол допроса и делает в блокнот выписи, а сам тем временем записал адрес Твердунова, а потом вернулся к допросу и вскоре отпустил учётчицу, сам пошёл с докладом к прокурору.

Выслушав его, тот сразу же заявил:

– Надо брать его и работать?

– Как мы будем работать? Дело ведь в транспортной прокуратуре, а потом Душанбе просит мер не предпринимать до приезда работников спецслужб, – возразил Каневский.

– Ах, да... А с другой стороны, почему мы должны слушать Душанбе? Дело ведь не только у них, но и у нас тоже. Будем раскрывать и доказывать участие по нашему делу, а в Душанбе сообщим, что Токарь задержан. Пусть едут и работают по своему делу. Я позвоню транспортному прокурору... пусть задерживают и работают, а у нас без них дел хватает.

– Судя по его месту жительства, героин он привёз либо в свою квартиру на нашей территории, либо передал тем, кто послал его навстречу Мухтарова. Может, мы отработаем свою территорию, а потом сообщим в транспортную... с передачей им задержанного? А вообще-то я бы не торопился... Потопать бы за ним, выявить все связи. Он ведь не один. Возьмём его, – спугнём остальных.

– Отсутствие в нашем производстве дела связывает нам руки. Передавайте эти сведения транспортной. А мы посмотрим по ходу дела. Как только они задержат фигуранта, так сразу же сообщайте в Душанбе. Всё. Выполняйте. Или мне звонить?

– Да... Нет. Я сам сообщу. Разрешите идти?

– Идите.

Вернувшись в свой кабинет, Каневский долго размышлял над всем этим. Ему никак не хотелось делать то, что велел прокурор, потому как видел в этом пагубную сторону, но не выполнить указание он не мог. Безвыходность и указание заставили позвонить... он набрал номер Моисеева, тот сразу же взял трубку. После дежурных приветствий Каневский спросил:

– Дмитрий Иванович, готовы ли вы к работе с Токарем?

– Как?! Он уже известен? Задержан? – посыпались вопросы.

– Нет. Этот вопрос решать должны вы. У вас дело, а у нас нет полномочий расследующего. Есть адреса места проживания и работы. Он Твердунов Афанасий Миронович, а кличка «Токарь» прилепилась к нему по профессии. Записывайте адреса.

Продиктовав все данные, необходимые для проведения успешных оперативно-розыскных и следственных мер, и, получив заработанное «спасибо», он подготовил ответ в Таджикистан, а потом отнёс в канцелярию для регистрации и подписи прокурором.

После этого он полностью окунулся в расследование уголовных дел, находящихся в производстве. Как обычно, насыщенный день пролетел быстро, но каждый день как шаг к движению вперёд, и это радовало Бориса.

На следующее утро позвонил Моисеев, в его голосе были заметны тревожные нотки:

– Беда, Борис Фёдорович. Не знаю, что и делать...

– Что случилось? – спросил Каневский, а у самого пронеслось: «Что-то с Токарем».

– Упустили мы Токаря. Шеф требует объяснительную для наказания.

– Как же вы так?

– На рабочем месте его не оказалось. Там девушка сказала, что он не работает и уволен за самовольное оставление работы. Мы к нему домой. В квартире слышим разговор. Звоним, стучим, а нам не открывают, но разговор, а потом и музыка не прекращаются. Тогда мы вызвали понятых и вскрыли. В квартире не оказалось никого, а на кухне радио включено. Осмотрели квартиру и увидели окно нараспашку, а снаружи по стене противопожарная лестница проходит. Ушёл... сволочь.

– И вы возле его квартиры никому не представлялись... прокуратура, милиция?

– Нет, конечно.

– А по месту его работы?

– Там да. Секретарь директора... Тамарой зовут. Вот она нам и сказала, что он уволен.

– А пока вы ехали, она могла ему позвонить... Глупо и не обдуманно... Вы уж простите, что так сказал. Теперь вам следует негласно получить адрес её места жительства. Скорее всего, он у неё.

– Ой, Борис Фёдорович, чтобы я без вас делал. Спасибо за подсказку. Теперь мы не опростоволосимся. Всё, пока.

Положив трубку, Каневский глубоко вздохнул и подумал: «Я бы поступил по-другому, так вот шеф не дал».

Ближе к обеденному перерыву следующего дня в кабинете Каневского раздался телефонный звонок. Он поднял трубку. Это был тот же Моисеев. Услышав его голос, Каневский ожидал сообщение другого характера, но ошибся.

– Борис Фёдорович, это что-то невероятное. Беда за бедой. Приехали на квартиру Тамары... дверь открыта, а когда вошли, там два трупа... Токарь и она. Ну, это просто напасть. Кто-то поторопился и обошёл нас...

– Это по территориальности где? – спросил Каневский.

– Улица Свободы... Рынок рядом и пожарная служба.

– Наша территория. Я выезжаю.

– Мы вашего участкового и нашего опера оставили, а сами уезжаем... Интересно, кто же это сделал?

– Тот, кто не хотел оставлять их в живых, – заключил Каневский и положил трубку.

Он быстро собрался, доложил прокурору, и в связи с тем, что двойное убийство, притом убит Токарь, получив разрешение, выехал на место происшествия, а уже в пути следования позвонил дежурному РОВД «Покровское-Стрешнево» и сообщил об убийстве. Оказалось, он уже знает об этом и направляет оперативно-следственную группу, но Каневский прибыл раньше.

Увидев на лестничной площадке участкового и мужчину в гражданском, который оказался опер из транспортной милиции, Каневский поприветствовал их и сразу же распорядился подготовить двух понятых. Участковый сразу же пошёл исполнять. Борис спросил у опера:

– Вы заходили в квартиру?

– Только в коридор, но увидев их в луже крови, сразу вышли.

– А как... разве вы не убедились в их состоянии? А вдруг кто живой?

– Да кто там живой?! Зайдите, гляньте...

В этот момент по лестнице застучали женские каблучки и зашаркали подошвы мужской обуви. Каневский увидел судмедэксперта:

– Алла Петровна, здравствуйте. Вам первый визит.

– Как всегда, Борис Фёдорович. Всюду и везде бы так... так нет же, – буркнула она, сунула в рот папиросу и вошла в квартиру.

Минуту спустя она выбежала и сразу к Каневскому:

– Срочно вызывайте «скорую». Девушка ещё жива... Скорее.

Тот сразу же сообщил диспетчеру «скорой помощи», а судмедэксперт уже находилась возле Тамары, принимая меры, чтобы уменьшить кровопотерю.

Участковый уже привёл двух понятых, а через пять минут прибыла карета «скорой помощи». Криминалист фотоаппаратом успел зафиксировать всю обстановку в квартире, ведь девушку сразу же увезли в больницу. Токарь был мёртв. При нём находились личные документы и за поясом сзади пистолет «ТТ» с полной обоймой патронов. Кроме этого в кармане находились ключи от квартиры, деньги и клочок бумаги, на котором значилась запись: «вагон – 5, купе – 4, место – 13». И чуть ниже слова «азиат».

Осмотрев место происшествия, Каневский отправил труп Токаря в морг, а сам решил детально осмотреть квартиру. Однокомнатная – комната, кухня и совмещённой санузел. Тамара получила её два года назад из числа вторичного жилья. В платяном шкафу висела её летняя и зимняя одежда, а в комод, стоявшем возле кровати, – её белье, блузки и прочее, лишь нижний ящик служил для хранения альбомов и канцелярских принадлежностей.

Листая альбом, глаза Каневского невольно остановились на фотокарточке Тамары, где были запечатлены серьги-звёздочки, и для себя отметил: «Получается, она была в вагоне с Токарем», – и взяв фото, положил в свою папку. Среди других фотографий увидел её, снятую в тёмных очках и с этими же серьгами, – взял и это фото. Следов наркотиков, как не старался Каневский, не удалось найти. Опечатав квартиру, он взял с собой территориального опера Плитневича и поехал на квартиру Токарева, а там вновь пригласил двух понятых и произвёл тщательный обыск. Это дало ему возможность обнаружить запасную обойму с патронами от пистолета «ТТ», две спичечные коробки с героином, записную книжку с номерами телефонов и ряд фотокарточек, необходимых для использования в ходе расследования убийства Мухтарова.

Закончив свою работу, он опечатал квартиру и возвратился в свой рабочий кабинет. Вспомнив о фотокарточках, Каневский позвонил Моисееву:

– Дмитрий Иванович, вам надо приехать ко мне на полчаса.

– Это зачем? – поинтересовался тот.

– Во-первых, допрошу вас в качестве свидетеля по делу об убийстве Твердунова и покушение на убийство Кругловой Тамары...

– Как покушение? Она жива? – перебил его Моисеев.

– Жива, слава Богу, а если бы вы, находясь там, убедились в её состоянии, то она была бы ещё живее... Так вот... Во-вторых... возьмёте у меня фотокарточки Токаря и Тамары для предъявления их проводникам. Те должны опознать их. На них зафиксированы все при-

меты, которые они вам описали при допросе... В третьих... по всей вероятности в обозримом будущем наши дела будут объединены. Ваши свидетельские показания послужат исключением возможности, что следователем по делу назначат вас, а дело, естественно, будет крайне сложным. Предстоит найти убийцу Токаря и покушение на Тамару, а они, очевидно, тесно связаны с таджикской наркомафией. Судя по обстоятельствам, московская преступная группировка решила заработать на смерти Мухтарова, мол, посылка не дошла, платить не будем, шлите другую, а своих убрали, как зацветившихся, а точнее, как попавших в поле зрения правоохранительных органов. Вот так, Дмитрий Иванович... так когда вас ожидать?

– Завтра с утра буду.

Положив трубку, Каневский, как и всегда после осмотра места происшествия, размышлял... «Удивительно, что Твердунов и Круглова, являясь активными членами банды наркоторговцев, а наркотиков найдено всего лишь две спичечных коробки. Где остальное? Они ведь посылку забрали у Мухтарова... А передали ли кому-то? Если да, то кому? Надо найти. Ведь эта бомба на мелкие кусочки разорвётся, и её осколки поразят сотни, а то и больше людей в Москве и за её пределами. Надо найти посылку, во что бы то ни стало. У Токаря её нет. Я тщательно всё осмотрел в квартире. Если спрятал, то где? На рабочем месте? Так он давно не работает. Передал? Значит, надо искать кому. В квартире Круглой тоже нет. На её рабочем месте? Секретарь... в приёмной шефа... хозяйка только она. А что? Надо проверить. Благо все ключи, как от квартиры, так и с места работы у меня. Сейчас же поеду. Даже, если ничего не

найду, всё равно буду ближе к цели», – решил поехать немедленно.

Парадный вход административного здания завода находился со стороны улицы. Предъявив удостоверение личности вахтёрам, Каневский прошёл в приёмную директора, где временно сидела инспектор кадров. Услышав от вошедшего, кто он, она зашла к директору, вернувшись, выпалила:

– Заходите.

За большим столом сидел седой полноватый мужчина лет пятидесяти. Выслушав Каневского о происшедшем в квартире Кругловой и цели его посещения, он расстроился. Встал, стал ходить по кабинету и, ничего не говоря, кусал ногти, в какой-то момент резко остановился перед Каневским и произнёс:

– Значит, она меня обманывала. Все разы отпрашивалась для поездки к матери. По её словам та якобы болела... А сама занималась тёмными делами. Стыдоба. Под носом у меня сидела член банды... Каков позор! Любую помощь окажу, вы только скажите, что надо сделать.

– Мне нужно двое понятых, хочу осмотреть её рабочее место, – ответил следователь.

– Приступайте! В приёмной одна есть, а вторая сейчас подойдёт.

Каневский вышел в приёмную и попросил и.о.секретаря освободить рабочий стол. Когда та встала, он сел на её место и посмотрел на расположение ящиков. С левой стороны три ящика свободно открывались и были заполнены стопками бумаг, журналами, канцелярскими мелочами, а справа – дверца на всю высоту стола была закрыта на замок.

– Что здесь? – спросил он у и.о.секретаря.

– Я не знаю. Ключ у Тамары.

Каневский достал ключи, нашёл среди них подходящий и открыл, сразу заметил там большой пакет, плотно набитый чем-то доверху. Вытащив, не оставляя следов своих пальцев, на столе стал осматривать содержимое. Там находились хорошо упакованные и обмотанные скотчем брикеты. Верхний был распечатан, и в нём содержался белый порошок. Каневский взял со стола канцелярский нож, «зачерпнул» на острие мизерную долю содержимого пакета и коснулся языком.

– Героин, – объявил он всем.

Присутствующие загудели. Директор покачал головой и сжал кулаки. Брикетов, которые были весом по килограмму, оказалось двенадцать. Каневский всё задокументировал протокольно и, упаковав большим листом бумаги, принесённым из канцелярии, допросил директора и, взяв справку по датам отсутствия Кругловой на работе в связи с якобы поездками к матери, уехал на работу.

По приезду доложил прокурору, тот довольно потёр руки, похвалил Каневского и благословил на дальнейшую работу.

Вернувшись в свой кабинет, он сразу же позвонил Горчагову.

– Александр Иванович, Круглова охраняется?

– Двойной пост, Борис Фёдорович... с первой минуты её поступления. Сейчас она в реанимации. Операция, как мне сообщили, прошла удачно. Всё остальное зависит от её организма.

– Спасибо. Очень на вас надеюсь. Её надо охранять, как зеницу ока. Она и есть дорожка к заветному концу.

Через неё мы сможем выйти, сами понимаете, к кому. Потеряем, – всё пропало. Поэтому к ней пускать только работающих врачей и медсестёр, а их должно быть двое... в крайнем случае, трое, но уже знакомые... ранее входившие.

– Не беспокойтесь, Борис Фёдорович... держу под постоянным контролем. О-о!.. Телепередача о нашем деле. Включайте телевизор.

Каневский положил трубку и быстро прошёл в комнату милицейской охраны. Там сержант сидел и смотрел эту же передачу. Замелькала улица, дом, в котором проживала Круглова, подъехавшая «скорая помощь», погрузка в салон раненую... корреспондент выдала на гора все сведения о происшедшем в квартире Кругловой, а потом показали интервью с капитаном милиции и закончилось тем, что корреспондент громогласно заявила, что расследование уголовного дела поручено старшему следователю по особо важным делам прокуратуры Каневскому, и что преступники будут найдены и строго наказаны.

– В данном случае телевидение только вредит... играет на руку бандитам. Раньше они не знали о том, что Круглова жива, а теперь знают и будут делать всё, чтобы её ликвидировать ещё до встречи со следователем. Камеру разбил бы на голове у этого корреспондента. Ну надо же! Я и не знал, что были съёмки. Милиция знает, что я противник преждевременного обнародования и, наверное, не пустили... так он обходными путями прошёлся, – сказал Борис сидевшему здесь же следователю Самойлову.

Тот в поддержку тоже высказал своё возмущение.

Возвратившись в кабинет, Каневский вновь переговорил по телефону с Горчаговым об усилении охраны Кругловой.

Около одиннадцати часов следующего дня позвонил Моисеев и, извиняясь за задержку, объявил о выезде. Спустя полчаса он был уже в кабинете Каневского. Перед допросом, сделав довольное лицо, сообщил, что на пакете и ботинке обнаружены отпечатки пальцев рук Твердунова, и что по фотографиям проводники опознали, как его, так и Круглову.

– Благодаря вам, Борис Фёдорович, цепочка замкнулась, и убийство Мухтарова раскрыто. Вы настоящий мастер прокурорского сыска, – сказал Моисеев, с завистью глядя на Каневского.

– До раскрытия ещё далеко. Часть раскрыта, а ещё предстоит работа в части наркоторговцев... мотив-то там зарыт... Ну-у в части эпизода... а большое дело состоит из эпизодов... Так вот, эпизод об убийстве Мухтарова. Если выделить из него материалы в отношении таджикских наркоторговцев, то можно считать, что раскрыт, но в суд его направить вы не сможете. Главный исполнитель... Токарь убит, но жива его соучастница... Тамара Круглова. Её надо привлекать за пособничество в убийстве Мухтарова и за хранение с целью реализации крупной партии героина. Это пока то, что известно на сегодняшний день, а там может вылезти ещё что-нибудь.

Узнав из разговора, что Каневский нашёл и изъясил партию героина в количестве 12 килограмм, которая была похищена из купе после убийства Мухтарова, Моисеев был поражён и снова назвал его мастером прокурорского сыска.

Каневский тем временем заканчивал дописывать протокол допроса, а Моисеев, отвечая на вопросы, касающиеся увиденного в квартире Кругловой, то трогал настольный канцприбор, то разглядывал бумаги, то

поднимал и опускал трубку стационарного телефона. Каневский уже хотел было сделать ему замечание, как вдруг зазвонил телефон, и Моисеев, забыв, что находится не в своём кабинете, схватил трубку и ответил:

– Да.

– Каневский? – послышался грубый голос в трубке.

– Ну... Говорите.

– Есть предложение довольно-таки стоящее для тебя. Верни нам то, что забрал в кабинете Тамары. Цена вопроса 20 тысяч баксов.

– Что?

– Пятьдесят.

– Да пошёл ты знаешь куда! – почти закричал он в трубку и стал опускать руку с трубкой на рычаг аппарата, напоследок услышав громкое:

– Восемьдесят...

– Что там? – спросил Каневский. – Тебя? С работы?

– Не мне, а тебе.

Оба не заметили, как перешли на «ты». Каневский, услышав ответ, поднял на него вопросительный взгляд:

– Мне? А почему ты за меня говорил, да ещё и грубишь?

– Так он предлагал за возвращение героина двадцать, а потом пятьдесят и под конец восемьдесят тысяч баксов. Вот я и вспылел.

– Извини, Моисеев, но ты идиот. Надо было с ним поиграть, а после назначить встречу и схватить, а ты всё испортил.

– Не подумал... Прости. Вот дурак я.

Каневский задумался, потом встал, прошёлся по кабинету, покручивая мочку уха, остановился перед Моисеевым и промолвил:

– Дмитрий, прости. Я отзываю то грубое слово. Ты правильно поступил. Позвонят ещё... Они небось сейчас в непонятках... то ли я такой честный, то ли мало предложили... Значит позвонят ещё и предложат больше. А я назову свою цену, и мы возьмём их тёпленькими.

Моисеев успокоился, на лице мелькнула добродушная улыбка. Каневский глянул на часы. За работой незаметно прошло время обеденного перерыва, и он, закончив все вопросы, касающиеся приглашения Моисеева, решил пойти в столовую префектуры, куда частенько заходил пообедать, потом наметил поехать в больницу к Кругловой. С момента её нахождения там он приезжал туда ежедневно. Его интересовало не только её состояние здоровья, но и надёжность охраны.

2

Круглова возвращалась к жизни тяжело. Тяжесть состояния обуславливалась не только пулевыми ранениями, но и потерей крови. Врачи сделали невозможное, и она к моменту посещения Каневского была переведена из реанимации в отдельную одноместную палату. Охрана из двух милиционеров находилась у двери палаты. По инструкции отойти по своим возникшим надобностям мог только один, а второй должен был оставаться на посту. Одного у двери и застал Каневский.

– А где второй? – спросил он милиционера.

– Кушает. Потом я пойду. Это этажом ниже. Минут десять, как он ушёл, и через пять минут будет здесь.

– Значит, минимум полчаса на посту находится один человек, а максимум и больше? За полчаса можно всё

сделать... с точки зрения бандитов. Ну-у... вы понимаете, что если бандит к вам приближается, значит, он обязательно должен будет косить под медработника?

– Безусловно. Мы уже присмотрелись к составу врачей и медсестёр. Так что за версту увидим чужака.

Глаза Каневского скользнули по кобуре милиционера, и он заметил, что она искусственно полная и не было похоже, что её содержимым является пистолет.

– И что там у вас? – спросил он милиционера, указывая глазами на кобуру.

– Пряник и конфеты, – ответил тот, улыбаясь.

– А пистолет?

– Я что дурак его там держать, – и он приподнял полу кителя.

Каневский увидел за поясом пистолет. В это время пришёл второй постовой в звании младшего сержанта.

– Иди, а то закроется, – сказал он своему напарнику, и тот быстро ушёл.

– Как она? Пришла в себя? – спросил Каневский младшего сержанта.

– Пришла, но очень слабая, – ответил тот, а потом тихо приоткрыл дверь и заглянул: – Спит.

– Пойду с врачом поговорю, – сказал следователь и бросил взгляд на его кобуру. Она была похожа на кобуру милиционера. «А что? Молодцы, ребята. Если понадобится, то из-за пояса быстрее достанут оружие, чем из кобуры», – подумал он, уходя.

Врач сидела в ординаторской, допивая из кружки чай и одновременно просматривая историю болезни больного. Осведомившись о состоянии Кругловой и узнав, что она ещё не контактна, а навестить её можно лишь через пару дней, направился к выходу... Вдруг из

коридора послышался выстрел, а затем второй... Каневский мгновенно выхватил пистолет, резко распахнул дверь и выскочил в коридор. В трёх метрах от него лежал у стены мужчина в белом халате на распахку, колпаке и с повязкой на лице, в руке держал пистолет, направленный на Каневского. Второй рукой сжимал левую ногу, из которой в районе средней трети бедра на пол сочилась кровь.

– Не дури... Брось пистолет, – потребовал Каневский.

– Дай мне уйти. Не то... мне уже нечего терять. По хорошему прошу, – произнёс с угрозой бандит.

– Терять есть чего... Жизнь. Лучше ты хромя дойдёшь к врачу, чем твой труп вынесут.

Тот смотрел на следователя, оценивая его ловкость, глядя на нацеленный в его грудь пистолет, сомнения в нажатии на спусковой крючок так и читались по его карим глазам.

На какой-то секунде Каневский поймал в глазах лежащего звериную искру и сделал резкий рывок в сторону, одновременно выстрелив. Почти синхронно прозвучал выстрел бандита. Пуля зацепила одежду Каневского и впиалась в стену, зато его пуля достигла цели. На пол с грохотом упал пистолет бандита, а из правого плеча сквозь одежду заструилась кровь. Он сжался от боли, но из последних сил пытался достать пистолет левой рукой. Каневский опередил его и ударом ноги отбросил пистолет на несколько метров. В это время из боковой двери, ведущей по лестнице вниз, выбежал милиционер с пистолетом в руке и направил его на бандита.

– Отставить! – крикнул ему Каневский, и тот опустил оружие.

Надев бандиту наручники, Каневский глянул вдоль коридора на сержанта. Тот сидел на полу в неестественной позе и держался окровавленной рукой за шею, во второй руке держал пистолет.

В это время из кабинета выглянула врач.

– Доктор, скорее окажите помощь сержанту, – сказал Каневский.

Стали сбегаться медработники. По требованию следователя некоторые стали оказывать медицинскую помощь бандиту. В это время от потери крови сержант рухнул в обморочном состоянии. Увидев это, милиционер подумал, что сержант скончался, и направил пистолет на бандита с криком:

– Убью, падла!

– Не смей! – ещё громче крикнул Каневский и поднял пистолет на милиционера. – Не надо. Слышишь? Опустит пистолет...

Милиционер, возмущённо дыша, со слезами на глазах опустил пистолет, и со злостью глядя в глаза бандита, поставил на предохранитель, а потом засунул его за пояс.

– Я тебя всё равно прикончу... если он умер. Запомни это, – сказал он бандиту.

Сержанта в это время положила на каталку и сразу же повезли в операционную. Каневский от врачей узнал, что бандит нанёс ножевое ранение шеи, но сонную артерию не задел. Сержант успел выхватить пистолет и ранить в ногу бандита. Тот сделал с десяток шагов, стреляя на ходу, и упал. Ранение в ногу повлияло на прицельность выстрела, и пуля бандита в сержанта не попала, – застряла в полу коридора.

Каневский по телефону доложил обо всём прокурору и теперь ожидал приезда оперативно-следствен-

ной группы. Тем временем бандиту врачи остановили кровотечение, осталось доставить в операционную.

Каневский обыскал его и кроме пистолета обнаружил и изъял мобильный телефон, записную книжку, нож и удостоверение охранника на имя Гута Григория Марковича. Фото в нём соответствовало лицу бандита. Перед тем, как его собирались увезти, Каневский спросил:

– Ну что, Григорий Маркович, ты готов со мной побеседовать... на чистоту?

Тот, не отвечая на вопрос, сказал:

– Спасибо тебе... за то, что остудил мента. Горячий больно попался.

– Вопрос ещё раз повторить? Я знаю, зачем ты пришёл в больницу, так вот имей в виду, что с таким же намерением придёт такой же и к тебе. Советую начать сотрудничать. Я старший следователь прокуратуры Каневский. Так как?

– Разговор не сегодняшний.

– Завтра будет поздно. Не успеешь пожалеть. А так я позабочусь о твоей безопасности. Думай, Гута, думай.

– Я подумаю.

Медсестра взяла каталку и покатила её в операционную, а Гута повернулся и хотел было что-то сказать, но не успел. Двери захлопнулись. Каневский глянул на милиционера, стоявшего возле окна и ладонью вытиравшего мокрые от слёз щеки, коротко спросил:

– Остыл?

– А ты бы выстрелил?

– А ты как думаешь? Ты хотел оборвать ниточку, которая ведёт к тем, кого мы ищем. Но это ещё не всё. Ты, работник милиции, опустился до палача... Хотел заме-

нить и орган следствия, и суд? Нельзя так... Случись худшее, ты бы сел в тюрьму за этого бандита. Охраняй его, как зеницу ока... до прихода усиления из отдела. Я уже Горчагову позвонил.

Тот задумался... потом поднял покрасневшие глаза и тихо промолвил:

– Простите, товарищ Каневский. Я был не прав. Спасибо вам, что остановили меня... Разошёлся я малость. Простите. Начальнику моему не говорите... Это для меня наука будет.

– Ладно. Так уж и быть.

В это время дверь операционной открылась, и вышел сержант с забинтованной шеей. Его лицо было восковым. Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась слабой. За ним вышла медсестра, взяла его под руку и повела в палату, а когда возвратилась, рассказала Каневскому и милиционеру, что сержанту наложили швы после ревизии и обработки раны, что на сегодня он останется в больнице, а завтра уйдёт домой. Рана оказалась нетяжёлой, но опасной по направлению движения лезвия ножа в сторону сонной артерии. Милиционер ожил, настроение заметно улучшилось, он стал разговорчивее. Каневский тоже обрадовался состоянию здоровья сержанта. В это время послышались многочисленные шаги людей по лестнице, – это приехала оперативно-следственная группа.

Осмотр места происшествия, простреленного костюма Каневского, изъятие пистолета и ножа Гуты, а также стреляных гильз и пуль производил следователь прокуратуры Полянский. Он возбудил уголовное дело по факту покушения на жизнь Кругловой и сержанта Яковлева, а также вооружённого сопротивления работ-

нику прокуратуры. Пока он документировал свои действия, Каневский ещё раз встретился с врачом Кругловой, которая после случившегося стала помягче, договорились, что при первой же возможности она сразу же разрешит им поговорить. Такая же договорённость состоялась и с врачом Гуты.

Выйдя из больницы, Борис зашёл в ближнее кафе, где покушал растягай и выпил чашку кофе, после чего хотел было поехать ещё раз посмотреть квартиру Твердунова. Однако, поразмыслив, решил оставить это на завтра, а сейчас вернуться на своё рабочее место. Направляясь к автомобилю, Каневский обратил внимание на светловолосого мальчишку лет двенадцати, который шёл ему наперерез. Три шага оставалось сделать до дверцы машины, как пацан оказался перед ним.

– Это ваш, – и он сунул ему клочок бумаги. – Велели передать.

– Кто тебе велел? – спросил следователь.

– Дяденька. Я его не знаю. Он дал мне 100 рублей и эту бумажку. Возьмите.

Каневский взял, развернул и стал читать, а мальчик убежал с зажатой в руке сотней.

«100. Если согласен, скомкай и выброси сейчас же эту записку, и я позвоню завтра», – прочитал он. «Значит, они сейчас наблюдают за мной, если поставили такие условия. Ну что же... давайте поиграем», – скомкал и швырнул клочок бумаги в сторону, а сам сел за руль и уехал.

Сразу по приезду он зашёл в кабинет прокурора, доложил ему о затеянной игре. Тот забеспокоился.

– Это может плохо кончиться. Нет, нет. Рисковать тобой я не буду. Мы имеем дело с квалифицирован-

ными и отлично подготовленными бандитами. Изъятый героин отдать им тоже не можем. Сделать «куклу»? Так они на месте обязательно её проверят. К тому же их лидер на встречу с тобой не пойдёт... а пойдёт тот, который к их банде не будет иметь никакого отношения... какого-нибудь бомжа пошлют, а сами будут со стороны наблюдать, – возразил прокурор.

– Но это та ниточка, за которую мы, если потянем, то можем вытянуть хороший улов, – настаивал Каневский.

– Я сказал нет, значит – нет. Всё. Обсуждение в дальнейшем бессмысленно.

– А если мы сделаем так... Буквально на днях я получу возможность побеседовать с Кругловой и Гутым... киллером, который пытался её убить... и по результатам этих разговоров примем окончательное решение?!

– Какой же ты настырный. Ну, хорошо. Давай сделаем так. Но, не обсудив со мной каждый дальнейший шаг, обещаю ничего не предпринимать и никакие операции не проводить. Понял?

– Так точно, товарищ полковник.

– Старший советник.

– Так лучше звучит. Почему бы не назвать полковник юстиции, майор юстиции, капитан? А нынешние чины некрасивые.

У прокурора зазвонил телефон. Он взял трубку и глянул на Каневского. Тот махнул рукой в сторону двери и поднялся со стула. Прокурор кивком головы подтвердил своё согласие, и он ушёл.

Возвратившись в свой кабинет, Каневский стал размышлять над затронутым вопросом... в ходе размышлений вспомнил проведённую ранее совместную опе-

рацию с сотрудниками ФСБ и, найдя нужный телефон в своей записной книжке, позвонил. Оказалось, абоненту из ФСБ долго объяснять не пришлось. Он суть дела понял сразу и согласился помочь, а в заключение разговора спросил:

– И вы соглашаетесь, чтобы мы взяли под свой контроль ваш служебный и мобильный телефоны?

– Именно этого я и прошу. Мы получим координаты места нахождения звонивших, а может, получится и взять этого звонящего прямо у телефона, а через него и дальше руку просунем, – заключил Каневский.

– Видно, вы честный и добропорядочный человек. Таких, к сожалению, на сегодняшний день мало. Ну, хорошо... завтра мне позвоните в это же время. Если телефон не ответит, тогда я вам сам позвоню. Всего доброго.

Каневский положил трубку и весело потёр руки. Он уже сердцем чувствовал успех, был уверен в правильности своих действий.

Следующий день начался с оперативки у прокурора, а потом последовал доклад Каневского о деле, по которому продлевались трехмесячные сроки следствия и содержания под стражей обвиняемых. Воспользовавшись этим, он доложил прокурору о ходе разговора с сотрудником ФСБ, а тот одобрил ход Каневского, назвав его шахматным. Однако при этом он напомнил следователю, что тот сначала должен поговорить с Кругловой и Гутом, а по результатам, как он выразился: «плясать дальше».

Когда же подошло время, Каневский позвонил сотруднику ФСБ, и они обговорили ход действий, что начнутся сразу же после того, как Каневский сообщит

об их необходимости. Одновременно его проинструктировали, что необходимо как можно дольше вовлечь в разговор звонящего для того, чтобы засечь место его нахождения.

Борис помнил, что сегодня же те, которых интересуется изъятый героин, будут звонить и выложил из кармана на стол свой мобильник, чтобы как можно быстрее нажать на кнопку, и извещение пойдёт в спецслужбу ФСБ. С улицы в это время стал доноситься скрежет металла, что продолжался без перерыва. Этот противный звук мешал работать, Каневский подошёл к окну, посмотрел во двор. Там мужчина в чёрных очках и комбинезоне терпугом стачивал какую-то железку, зажатую в тисках. Закрыв форточку, Борис сразу почувствовал облегчение, сел на своё рабочее место, как вдруг зазвонил телефон. Каневский быстро подтянул мобильник и занёс палец, чтобы нажать на кнопку, а потом поднял трубку настольного телефона.

– Слушаю... Каневский.

– Привет, родной. Не занят? Минутку уделишь жене, – сказала Даша.

– Хоть десять. Как ты, солнышко? Как твоя головка? – Борис поинтересовался её состоянием, потому как утром она жаловалась на головные боли.

– Две таблетки «Цитрамона» сразу выпила, и полегчало. У тебя на сегодня наполеоновские планы? Долго будешь занят?

– Ты что-то хочешь предложить, радость моя?

– Хочу, милый. Хочу просто погулять с тобой вечером, да и бабушку надо навестить. Приболела она. Я знаю, что ты скажешь, поэтому и прошу... ближе к вечеру позвони мне. Если сегодня нет, тогда отложим на завтра.

– Умничка ты моя. Всё ты обо мне знаешь. Я обязательно позвоню. А ты чего мне звонишь на рабочий...

– Мобильник твой недоступен. Поговори с ним и разъясни, что когда твоя жена звонит, чтобы он поприветливее был. Ну, пока... Целую.

Борис тепло ответил нежными словами, положил трубку и сразу вспомнил о находящемся под контролем мобильнике и удивился его недоступности. Глянув на экран, понял, что он отключен, сразу же привёл в рабочее состояние.

Спустя минут десять вновь раздался звонок рабочего телефона. После третьего гудка Борис взял трубку:

– Каневский у телефона.

– Мы твой жест правильно поняли? – спросил хриплый голос.

Каневский сразу же нажал кнопку на мобильнике.

– Вы куда звоните? Наверное, ошиблись номером? – притворно ответил он.

– Тебе, тебе звоню.

– Вы о чём? И вообще с кем я говорю?

– С тем говоришь, кого интересует то, что ты забрал из кабинета Тамары. Усёк?

– Так бы сразу... а то ходишь вокруг да около, – ответил Каневский, переходя на «ты». – Вопросы, которые касаются меня, – он имел ввиду сумму денег, – решаешь ты или кто другой?

– А тебе-то какая разница?

В это время экран мобильника засветился, и Каневский поднёс его к уху.

– Продолжай разговор. Мы его засекли. Он звонит с телефона-автомата, – сообщили с ФСБ.

– Разница есть, – ответил он звонящему по поводу героина. – Та цифра, которая была написана на листке не подходит. Вот мне бы и потолковать с тем, кто принимает решение.

– Ну, ты уже наглеешь. Та цифра тоже не отвечает соизмерности тобою забранного, но мы согласились ради нашего долгосрочного знакомства и сотрудничества.

– Причём здесь соразмерность? Ты даже не представляешь ситуацию. Всё то, что было в кабинете, прошло через экспертизу и сдано на хранение. Теперь надо говорить с экспертом и с тем, кто хранит. К тому же о результатах исследования знает и начальство. Улавливаешь, к чему я говорю?

– Ну.

– Чего ну? Вот и разбросай ту цифру, что написал. И что получится? Захочет ли подвергнуть себя риску кто-нибудь из них за такой мизер?

– Мне надо посоветоваться. Я ещё позво... – разговор оборвался, раздался в трубке какой-то грохот, шум, крик, а потом шелест и послышался голос: – Борис Фёдорович, мы его взяли. Сейчас едем к вам.

Тот бросил трубку на место и заплясал по кабинету, а потом в порыве хорошего настроения кинулся к кабинету прокурора. Услышав результат проведённой операции, тот совершенно спокойно вымолвил:

– Радость преждевременная. Ещё неизвестно кто задержан, что он скажет... да и пойдёт ли на сотрудничество. Радоваться будем потом, Борис Фёдорович, хотя ты и остальные – огромные молодцы. Ступай... встречай их. Постарайся повернуть этого стервеца в нашу сторону. После всего... я имею ввиду, после беседы с ним, доложишь.

Каневский, несмотря на сдержанность прокурора, вышел из его кабинета в приподнятом настроении. Он был уверен, что ключ к успеху теперь в его кармане, и ему удастся склонить задержанного к сотрудничеству.

Спустя пятнадцать минут в его кабинет вошли три сотрудника ФСБ, подталкивая худощавого, среднего роста, солидно одетого в дорогой костюм, черноволосого мужчину лет тридцати пяти с аккуратно подстриженной бородой. Вид загнанного зверя, бледность и чёрные глаза, наполненные тревогой, да ещё заметная дрожь в теле – подтверждали предстоящую победу Каневского.

Сотрудники же положили на стол следователя личные документы, мобильный телефон, записную книжку и пистолет, изъятые у задержанного.

Поблагодарив работников ФСБ и пообещав им направить в адрес их начальства благодарственное с просьбой о поощрении письмо, проводил их, а сам позвонил начальнику УВД округа генерал-майору Швыдкину и попросил направить к нему сотрудников, выполняющих работы по борьбе с наркоторговлей и с проникновением в Россию наркотиков.

Закончив с этим, он, окинув взглядом задержанного, заглянул в его паспорт и начал:

– Присаживайтесь, Артём Алексеевич, – он указал на стул. – Я воздержался от слова садитесь, надеясь на наше взаимопонимание.

– Я не понимаю ваших слов... и понятия не имею, за что меня задержали. Я стоял в телефонной будке и разговаривал со своей девушкой и вдруг...

– Артём Алексеевич, – остановил его следователь. – Эти бредни поберегите для другого случая. Ваша

увёртка не пройдёт. Вы разговаривали со мной. Неужели вы меня заставите истребовать запись телефонного разговора, где вы сказали... я приведу не весь разговор, а лишь конец... «мне надо посоветоваться. Я ещё позво...», и тут разговор обрывается задержанием вас. Если я начну работать по опровержению ваших, извините, лживых оправданий... истребование текста разговора, допроса работников, задержавших вас, проведение очных ставок между ними и вами, в ходе чего они будут опровергать ваши показания, то потом уже не стану предлагать вам о сотрудничестве, а оно будет играть роль только в положительном для вас направлении. Так как? Начнём с того, что я хочу услышать... Кого вы представляли в разговоре со мной?

– Всё равно я не понимаю, о чём вы? Это какое-то недоразумение, и вообще я требую адвоката.

– Адвокат не проблема. Так что, вы хотите сказать, что вы честный человек, и задержали вас необоснованно?

– Именно так.

– А пистолет? Разве честный человек ходит по улицам с пистолетом за поясом?

– Я его нашёл в телефонной будке и по окончании разговора с девушкой хотел отнести в ближайший отдел милиции.

– На вашем пистолете мы найдём отпечатки ваших пальцев...

– Да, конечно, найдёте, – оборвал он следователя. – Я ведь его брал рукой.

– И каждый патрон в обойме тоже вы брали? Не дурите, Осин. На одежде, которая у вас дома, мы найдём соседство пистолета.

Тот опустил глаза и замолк.

Каневский повернул голову на скрип двери, увидел двух входивших работников УВД. Они представились и по предложению следователя присели на стулья у стены. Каневский продолжал:

– Назовите номер телефона вашей девушки, и мы сейчас же поставим точку на вашем вранье.

– Я не назову её. Ещё не хватало, чтобы вы её травмировали.

– Так что... вы настаиваете на том, что звонили не на мой телефон, а девушке?

– Настаиваю.

Каневский посмотрел на него, потом взял протокол задержания Осина в телефонной будке, где отражено не только место её нахождения, но и точное время, а также то, что оперработник отобрал у Осина телефонную трубку и, не вешая на рычаги, пообщался с абонентом – следователем Каневским. Прочитав Осину этот протокол, он спросил:

– Что скажете после этого?

– Борис Фёдорович, – подключился один из оперов, – с нами приехал телеоператор. Позвольте мы заснимем и передадим в эфир, что Осин сам пришёл в прокуратуру и всё рассказал? Вечером весь город услышит. А чего с ним время терять? – и он незаметно подмигнул глазом Каневскому.

Осин молчал, глядя в пол. Видно было, что он внутренне боролся сам с собой. А Каневский продолжал.

– Наверное, так и поступим. Пойдите, поговорите с ним, – а когда опер вышел, обратился к Осину. – Хорошо... У нас есть адрес нахождения телефонного аппа-

рата, его номер, время звонка и время его завершения... Запросим узел связи, и нам выдадут официальную справку, – и взяв телефонную книгу, следователь стал листать, разыскивая раздел связи.

Осин захрустел пальцами, выгибая их, пристально глядя на Каневского, произнес:

– Не надо куда звонить. Ну, я спёкся. Мы можем поговорить наедине?

Каневский посмотрел на опера из УВД округа, и тот, поняв его взгляд, вышел в коридор.

– Я слушаю, – сказал он и незаметно включил диктофон, зная, что эту запись в дело не приобщать, но в оперативных целях использовать можно.

– Можно так сделать, чтобы всё, что я скажу, исходило не от меня? Сами понимаете... я рискую жизнью. И телевидение не надо... Ещё одно условие... Моё задержание оформите после задержания тех, кого я назову. В таком случае они не подумают, что я «раскололся»?.. Всё это можно сделать?

– Без проблем. В таком случае назовите людей, которые должны быть задержанными. Пока опера поедут за ними, а мы продолжим.

– Хотел всё по-порядку...

– Как хотите. Начинайте.

– Я живу в Крылатском... с мамой и сестрёнкой, которая очень сильно болеет, и ей нужна дорогостоящая операция. Как-то я пришёл с тренировки... В секции бокса занимаюсь... А сосед мой Гриша Гута стоял на лестнице, окно ремонтировал и упал. Я смотрю, человек лежит без движения, подошёл... ха, сосед без сознания. Я вызвал «скорую», а они не едут, тогда я остановил попутку, его в больницу. Там он очнулся...

Заметив, что Каневский заёрзал ногами, подумал, что тот нервничает от уклонения от темы разговора и сразу поправил:

– Не подумайте, я не ушёл в сторону. Это связано с моим вхождением в банду, как вы её называете. Так вот... Гришка вернулся и, не зная, как меня отблагодарить, зашёл как-то с бутылкой коньяка, разговорились... я дай да скажи ему о своих финансовых проблемах... в части сестрёнки. А он, будучи во хмелю, и рассказал, где он работает, и что эта работа опасная, но и денежная. Тут же заявил, что поговорит с шефом Вахтангом... грузин он. После я узнал, что это его кличка, а как на самом деле его зовут или фамилия у него какая, я до сих пор не знаю... Да не только я, а все не знали... Короче... Он поговорил, я пришёл на собеседование... и вот уже скоро год, как пашу на этого грузина. Ещё пару месяцев, и я уже решил проблему с сестричкой... и сам бы подумал, как уйти. Тайный офис Вахтанга находится в бывшем детском садике в районе станции метро «Тушино». Показать могу, а на точный адрес не обратил внимание. Кроме нас, то есть меня и Гуты, у него состояли на службе Афанасий по кличке «Токарь»... Его уже нет в живых... Тамара по кличке «Кладовщица» из-за того, что любая партия наркотиков неделю находится у неё, а когда всё устаканивалось, перевозили на расфасовку в детсад, а потом Лёха, Игорь и Светка, а у них ещё свои агенты... занимались продажей. Я и Гута этим не занимались. Гута был «чистильщик», как и «Токарь». Они выполняли особые поручения Вахтанга. Например, Тамара попала под глаз ментов и оказалась в больнице. Вот его и послал Вахтанг ликвидировать её, назвав девку очагом бедствия. Вахтанг связан тесно с Таджикиста-

ном, особенно с наркоторговцем Ибрагимом, но в последнее время у них пошёл разлад. Как-то тот послал курьера с наркотой авиарейсом, того в аэропорту взяли, тогда второго он заставил проглотить упаковки с героином, а по прилету в Москву тот должен аккуратно сходить в туалет, вымыть упаковки и доставить Тамаре. Однако некоторые из них в желудке растворились, и курьер в самолёте скончался. Ибрагим... кстати, может, его фамилия Ибрагимов, но у нас его называли так... послал третьего курьера тоже с контейнером в желудке. Тот перелёт выдержал благополучно, а в аэропорту заподозрили, что он слишком торопился в туалет. Так его сразу на рентген, и обнаружили в кишечнике наркоту. Потом Ибрагим передал посылку через какого-то Мухтарова. Вахтанг решил забрать посылку, создать ситуацию и не платить Ибрагиму. Вот он и послал навстречу поезда «Токаря» и Тамару. Те грохнули курьера, забрали посылку, которую вы и надыбали. Я всё время состоял в охране, со мной были ещё двое – Макс и Юра, тоже бывшие спортсмены. Вахтанг поручил Максу ликвидировать Гуту и Тамару. Узнав об этом, я пошёл в больницу, но к Гришке меня охрана не пустила. Вахтанг заставлял меня звонить вам, предлагая взятку в размере сначала 20, потом больше и больше... и дошли до 100 тысяч баксов. Но эти деньги он не собирался платить вам. Хотел назначить место, выманить вас и захватить. Кроме того, он поручил Юрке собрать о вас и вашей семье все данные, похитить кого-либо из ваших близких и на этом сыграть с вами. Вот кажется и всё.

– Оружие и наркотики в настоящее время где хранятся? – спросил Каневский.

– Давайте лист бумаги, я нарисую схему с адресами.

Через несколько минут Осин положил перед следователем полномасштабную схему и смело посмотрел ему в лицо. Видя его решительность, можно было подумать, что он не задержанный, а сотрудник правоохранительных органов.

– По приметам как можно узнать Макса? Фамилия у него есть? – спросил следователь.

– Очень просто. Он прихрамывает на левую ногу... как бы тянет её, а фамилия его Максимов и зовут Максимом.

Каневский взял диктофон и нарисованную Осиним схему, подошёл к двери, позвал оперов, которым мимикой лица показал, что надо им побыть в кабинете с задержанным, а сам поднялся на второй этаж и зашёл к прокурору. После доклада о результатах проделанной Каневским работы, тот прослушал запись диктофона, ознакомился со схемой тайников оружия и наркотиков, остался крайне довольным.

– Хвалить или ругать буду по итогам, – сказал он с улыбкой на лице. – А сейчас действуй, осторожно и быстро, но не спеша.

– Как это... быстро и не спеша, – спросил удивлённо следователь.

– А вот так. Как хочешь, так и понимай, но чтобы всё было быстро и не торопясь. Это означает продуманность, взвешенность, осторожность для себя и окружающих, и чтобы ни один бандит не ушёл.

– Понял. Я могу от вас позвонить начальнику УВД о срочном выделении бойцов ОМОНа, а то в моём кабинете задержанный... Он поедет с нами и покажет логово наркобанды.

– Иди, собирайся. Виктору Андреевичу я сам позвоню, да и мне кажется, что ОМОН подчинён начальнику ГУВД,

а не Швыдкину. Но ничего, кашу маслом не испортить, он человек деятельный, и этот вопрос решит сам.

Каневский вернулся в свой кабинет и объявил операм о выезде. Здесь же он ввёл их в курс дела, те в один миг воспряли духом, оживились, понимая, что «палочка» пойдёт в их отчётность.

Выбрав момент, Каневский позвонил в больницу и осведомился о состоянии здоровья Гута и Кругловой. Ему сообщили, что Круглова всё ещё остаётся в тяжёлом состоянии, а вот Гуту разрешено общение со следствием. После этого он успел проинформировать начальника РОВД об усилении охраны подозреваемых, находящихся в больнице, и о том, что для их ликвидации направился некий по кличке Макс, сообщив его дефективные приметы в части хромоты. К этому времени прибыл миниавтобус с бойцами ОМОНа, и все выехали. Осин указывал дорогу, а, подъезжая к цели, попросил остановить.

– Детсад... бывший, конечно... находится в центре этого квартала, – сказал он.

Его пристегнули наручником к сиденью, оставив одного бойца для охраны, и стали окружать здание детсада. Оно было обнесено металлической оградой, через которую можно было увидеть само здание и что происходит на территории. Возле здания на площадке стояли пять иномарок, на крыльце, развалившись на плетеной скамейке, сидел охранник. Когда омоновцы, окружив здание, залегли, он поднялся, как будто чувствуя их присутствие, обошёл здание и вновь уселся на своё место. Тем временем участковые обеспечили исключение наличия прохожих близ детского сада. В этот момент с тыльной стороны здания бойцы стали преодо-

левать забор, как вдруг внутри здания их заметили и открыли огонь из пистолетов и автоматов. Омоновцы залегли и на огонь не отвечали.

Как только из детсада стрельба прекратилась, Каневский через мегафон потребовал:

– Я старший следователь по особо важным делам Каневский, ставлю вас в известность, что здание окружено. Соппротивление бесполезно. Во избежание жертв, предлагаю сложить оружие и выйти с поднятыми руками. Объективность расследования гарантирую, Вахтанг, жизнь после этого не закончится. Она должна у каждого продолжаться. Даю вам всем десять минут на размышление.

Из здания послышался мат с грузинским акцентом.

Каневский спросил рядом лежавшего начальника отряда:

– Ваши команды по радиации слышны всем бойцам?

– Однозначно, – коротко ответил тот.

– После истечения десяти минут я ещё раз попытаюсь облагоразумить осаждённых... Не получится, открывайте огонь по окнам и местам, откуда велась стрельба, а те два бойца, которые уже за забором... тем временем пулей к зданию.

– Понял. Будет исполнено.

Каневский, глянув на часы, выждал последнюю минуту и прокричал:

– Вахтанг, так что ответишь на предложение сложить оружие и сдаться?

– Да пошёл ты... – и он нецензурно выразился, осаждённые открыли шквальный огонь.

Командир отряда омоновцев подал команду, и бойцы со всех сторон из автоматов стали отвечать по

окнам, чердаку и дверям. Два бойца, находившиеся по ту сторону ограды, поползли к зданию. Воспользовавшись этим, Каневский в мгновение ока перемахнул через забор и пополз следом за омоновцами.

– Стой! Назад! – только и успел крикнуть командир отряда, а, глядя ему вслед, тихо промолвил: – Отличный боец. Надо переманить к себе.

Два омоновца и Каневский в этот момент приближались к зданию, оставалось метров десять... они как по команде поднялись, пробежав это расстояние, встали у стены. Омоновцы прекратили огонь, и командир по мегафону прокричал:

– Выходите с поднятыми руками и без оружия! Соппротивление бесполезно!

В ответ из здания вновь открыли огонь. Каневский пригнулся и метнулся к входной двери, но тут перед ним вырос тот, который находился на посту, и направил на него автомат, но выстрелить не успел, Каневский опередил, выстрелив ему в правое плечо. Тот уронил автомат, закричал от боли диким голосом и присел за высокую цветочную тумбу. Каневский молниеносно подхватил его автомат и прикладом огрел по голове. Бандит склонил голову и затих, а следователь кинулся к двери. В это время два омоновца закинули через окна вовнутрь здания по шумовой гранате. Раздалось два оглушительных взрыва, после которых в здании послышались крики. Каневский рванул на себя дверь и скрылся в помещении. За ним следом кинулись два омоновца, остальные преодолевали забор и уже бежали к зданию.

Каневский в коридоре встретился с одним из бандитов, который шёл шатаясь и руками прикрывал уши.

Ударом приклада он уложил его на пол и ворвался в зал, откуда вёлся основной огонь. За диваном лежала девушка, под стенкой корчились два бандита, и третий с автоматом на коленках, присевши, сидел в углу, протирая глаза. По внешности Каневский определил, что это и есть Вахтанг. Увидев его, тот схватился за автомат.

– Не дури, Вахтанг, я стреляю быстрее. Хочешь жить, отбрось оружие в сторону и ложись на пол лицом вниз, – сказал следователь, держа его на мушке.

Тот заскрипел зубами, из горла вырвался звериный рык, он со злостью отбросил в сторону автомат и исполнил предъявленное требование.

Омоновцы взяли тех двоих и девушку. Вбежавшие в здание остальные бойцы кинулись в другие комнаты. Там уже никто сопротивление не оказывал, и ожидали бойцов, поднимая руки вверх.

Никто из бойцов не был ранен или убит. Каневский вызвал «скорую помощь» раненым бандитам. После оказания медпомощи всех увезли на спецавтомобиле в РОВД, а кого-то в больницу.

В помещении Каневский произвёл тщательный обыск, изъял важную документацию и личные документы членов банды, а также оружие, использованное при сопротивлении, кроме этого ещё набор разного оружия и наркотические средства, хранящиеся в указанных местах по схеме Осина.

Возвратившись в прокуратуру, Каневский победоносно открыл дверь кабинета прокурора. Увидев его сияющее, как масляный блин, лицо, тот шагнул навстречу и обнял его по-отцовски:

– Боря, ты настоящий мастер прокурорского сыска. Только вот жаль, что в нашей системе нет такой службы.

Спасибо тебе. От всего сердца спасибо. Крути дырку для награды. Завтра с утра буду у Герасимова и подниму этот вопрос. Он трудяг поощрять не забывает.

– Может, не надо... это же моя работа, за которую я получаю зарплату?

– А жизнью рисковал тоже за зарплату? Уж нет... скромник наш... Мы уж твоего согласия спрашивать не будем. Всё... Боря... Иди отдыхай и для успокоения нервной системы рюмочку пропусти.

– Я не пью и другим не советую...

– Ну как знаешь, Боря, – перебил его прокурор. – Ступай... отдыхай.

– Дел много. Отдыхать некогда. Мне ещё в больницу к Кругловой и Гуту... Побеседовать, а если такая возможность будет, то и допросить хочу.

– Отставить поездку в больницу, и вообще больше этим делом не занимайся. Его у нас забирают. Да-а, забыл тебе сказать: милиция схватила киллера, который шёл убивать Круглову и Гута, а фезсбэшники поймали того, который собирал информацию о тебе и твоей семье. Так что всё в норме. До завтра.

Выйдя от прокурора, Каневский зашёл в свой кабинет и медленно опустился в рабочее кресло, а через минуту набрал номер телефона Даши.

– Ну что, солнышко... я свободен. А ты как?

– А я, родненький, на проверке с группой спецработников. Буду дома вовремя. А ты не вздумай взять и картошечку поджарить, – с хитрецей сказала та и сама же рассмеялась.

Наступал для Каневского самый радостный час за весь прошедший месяц, когда он засветло явится домой к своей семье.

ХIII. Курьер смерти

1

Скоростной поезд Санкт-Петербург – Москва ежесекундно преодолевал десятки метров и с каждым оборотом колёс всё ближе приближался к столице.

Глядя через окно на всё мелькающее, Михаил Кравчук – крупный московский бизнесмен, имеющий в своей собственности сеть магазинов, кафе, а кроме этого активный инвестор жилищного строительства, вспоминал каждое слово, произнесённое Настей, ушедшей от него из-за его любовных походов. Прожив с ней три года без регистрации брака, он изменял на каждом шагу, хотя подобный образ жизни вёл и ранее, но её любил больше всех предыдущих своих женщин. В свои сорок три года он так и не женился. За период взрослой жизни за ним девушки табуном ходили. Их привлекали его смазливое лицо, стройность и живая фигура, буйно растущие светлые волосы, голубые глаза и щедрость. На угощение и подарки он не скупился, а деньги в его кармане водились всегда. Друзья частенько в шутку интересовались количеством от него детей где-то находящихся по белому свету, о которых сам не знает, а он отвечал довольной улыбкой. А однажды даже заявил:

– Хоть бы одна сказала, что от меня сын или дочь, я был бы рад и сразу женился бы на ней.

Вот и Настя сообщила ему в шутку, что беременна, и он сразу зачастил к ней, ожидая, когда она станет кругленькой с животиком, а потом сыграть свадьбу. Но Настя отказалась от такого фундамента своего счастья и созналась в шутке, а ему высказала всё, что думала и знала о нём, заявив в конце, что видеть его больше не желает. Её слова засели ему в голову. Чтобы избавиться от их назойливости, Михаил стал в памяти перебирать женщин и девушек, начиная с первой Оксаны из Дрогобыча, что на Львовщине, откуда и сам был родом, а потом Марийку из Мукачево, Галю из Бродов, Валю – киевлянку, с которой учился на одном курсе строительного института, Риту с Белой Церкви, москвичку Люду и её подруг: Юлю, Зою и Наташу и многих других, которых не счесть...

Вспоминая о каждой, он уходил в далёкое прошлое и возвращался в настоящее. «Надо покончить с этим. Мне уже пятый десяток пошёл... а ни жены, ни детей. Родители обижаются на отсутствие внуков. Ещё раз с Настей поговорю, но она, как я понял, сожгла мосты наших отношений. Но всё равно поговорю... Буду строить новый. Мне кажется, я люблю её. Тянет меня к ней, чего не замечал с другими», – думал он. Распространявшийся по вагону приятный запах со стороны ресторана напомнил, что хорошо бы перекусить, подтолкнул его подняться и пойти навстречу этому запаху.

В вагоне-ресторане было многолюдно. Увидев свободный столик, он занял его и ожидал официанта с меню. В это время в проходе между столиками появилась светловолосая девушка с виду лет шестнадцати. Её голубые глаза стреляли влево, вправо и остановились на столике, за которым сидел Михаил.

– Простите. У вас свободно? Можно? – спросила она.

– Прошу вас, – ответил тот, бросив взгляд на милое лицо незнакомки. Оно показалось ему знакомым: «Где я её видел? В Питере где-то встречал».

Девушка села напротив, положив дамскую сумочку на стол у окна. В это время подошёл официант, подал обоим меню и удалился. Они предалися изучению меню. Бросив на неё любопытный взгляд, сразу же оценил её привлекательность. «Не для меня. Ребёнок ещё», – подумал он, выбрав себе блюда, отложив в сторону меню. Это увидел официант и сразу же подошёл к нему. Сделав заказ – 150 грамм водки, Михаил повернул голову к окну и стал бесцельно смотреть на мелькающий пейзаж – поля, лесные островки по ним, путевые столбы и одинокие припутьные домики. Девушка, тоже сделав заказ, открыла сумочку и стала доставать маленькое зеркальце. Из сумочки как бы случайно высунулся железнодорожный билет и фотография. Михаила боковым зрением привлекло фото, переведя взгляд, он увидел на нём светловолосого парня в белой рубашке и девушку, стоявших возле клумбы цветов. Тут его как молнией ударило от неожиданности, по спине пробежали мурашки, ведь на фото – это он и Оксана из Дрогобыча. Точно такая же фотокарточка находилась в его домашнем альбоме. Не спрашивая девушку, он взял фотокарточку и ещё раз посмотрев, спросил:

– Откуда она у вас?

– Наша семейная. А что? – ответила девушка и удивлённо посмотрела на Михаила.

– А кто на ней, вы знаете?

– Конечно. Моя мама и папа.

Михаилу стало дурно. Ощувив непонятную дрожь во всём теле и сухость во рту, он налил в стакан принесённой официантом минералки, сделал несколько глотков, словно не своим голосом промолвил:

– Это же я.

– Как? – вскрикнула девушка, устремив свои глаза на Михаила, а потом взяла из его рук фотокарточку и посмотрела на неё. – Не может быть. Так не бывает, – и она заплакала.

У Михаила заколотилось сердце, как будто хотело выскочить из груди. Он стал утешать её... В этот момент официант принёс заказанные блюда.

– У вас что-то случилось? – спросил он, глядя на девушку.

– Случилось, но это вас не касается... только нас, – ответил с дрожью в голосе Михаил.

Официант в недоумении ушёл, а он взял руку девушки в свою и спросил:

– Тебя как зовут?

– Мо-ни-ка, – сквозь слёзы протяжно ответила она.

– А маму?

– Ок-са-на.

– Успокойся, Моника... Очень тебя прошу. Давай спокойно поговорим. Не то разговора у нас не получится.

Та неожиданно быстро успокоилась, от слёз и следа не осталось, и уже чётко отвечала на его вопросы. Из рассказа Моника он узнал, что её мать умерла при родах, и её воспитывала бабушка, с которой последние два года они жили в Парголово Ленинградской области в квартире умершей бабушкиной сестры.

– Перед смертью бабушка рассказала о моём отце и велела ехать в Москву на его поиски, если вдруг в квартире вернётся пьянчужка, сын бабушкиной сестры. Он и вернулся, после чего выгнал меня из квартиры.

На вопросы о матери, где она училась и работала в Дрогобыче, она отвечала чётко, но каждый раз ссылалась на воспоминания бабушки.

– А почему мама, а точнее, бабушка не пыталась найти меня раньше? Я ведь не знал ничего о тебе, Моника.

– Не знаю. Она всегда Бога просила, чтобы позволил ей дожить до тех пор, пока я замуж выйду, а тут как-то быстро заболела... и всё. Папа... ой, простите... вырвалось. Наверное, от того, что я в своей жизни никогда не произносила этого слова...

– Незачем мне тебя, доченька, прощать. Это слово от Бога. Я благодарен ему за эту случайную... счастливую встречу. Всегда так называй меня, – сказал он, обрвав её речь.

– Спасибо. Мне кажется, это сон. Я сплю, и всё это происходит во сне. Разве так бывает? Мне захотелось покушать, и я пошла в ресторан, а если бы не пошла... как бы нашла вас... папа?

– Ну хорошо... а с чего бы ты начала, прибыв в Москву? Что ты обо мне знаешь?

– Знаю то, что ваша фамилия Кравчук... зовут Михаил... отчество Степанович, и что вам примерно 40-43 года. Это всё. А начала бы я с адресного бюро. Да... вспомнила... Бабушка о вас в газете читала, что вы активный альтруист и развиваете жилищное строительство.

– А если бы не нашла? Что тогда?

– Тогда? Наверное, в какой-нибудь совхоз пошла работать, а там гляди и жильём обзавелась бы. В Дрого-

быч возвращаться нет смысла. Бабушка, уезжая в Ленинградскую область, своё жильё продала, и там из родни никого не осталось.

– Школу окончила?

– В этом году, но аттестат не получила... До моего отъезда не привезли бланки из области... Как-нибудь поеду и получу. Ожидать не могла, – этот алкаш ведь выгнал меня. Три дня на вокзале ночевала, а потом и оттуда прогнали.

«Доченька ты моя. Сколько же ты без матери и отца выстрадала! Но ничего, твои муки закончились. Ты теперь ни в чём не будешь нуждаться, – думал Михаил, глядя ей в лицо. – Странно. Не могу чётко лицо Оксаны вспомнить. Волосы такие же светлые, как у Моника, да и у меня тоже, а вот черты лица никак». Ему вдруг захотелось сказать Монике что-то ласковое, вселяющее надежду на её будущее, сделать что-то весомое и доброе, но какая-то неведомая сила удержала.

– Ты в каком вагоне едешь? – спросил он Моника.

– Вот... в соседнем, – ответила та.

– Вещи твои там?

– Да. Небольшой чемодан.

Михаил подозвал официанта, уплатил по счёту за себя и за Моника, взял её за локоть и повёл из ресторана. Официант, убирая посуду с занимаемого ими стола, вдруг услышал за своей спиной.

– Наша птичка в гнёздышке.

– Ага. Папочку нашла, – добавил другой голос, и раздался смех.

Повернувшись, он увидел за соседним столом, который обслуживал другой официант, двух мужчин, с

улыбкой смотревших вслед Михаилу и Монике. Один из них с побитым оспой лицом хлопнул в ладони и потёр их, а второй рыжий со шрамом на верхней губе поднял руку вверх и резко опустил, выдавив из себя: «Ха-а!» По их виду не трудно было понять, что они чем-то связаны с Михаилом и Моникой и этим удовлетворены. Они тут же поднялись и следом за ними вышли в том же направлении. Рыжий оказался на голову выше второго и шёл ровно, как будто лом проглотил, а второй шёл, сутулясь и глядя под ноги.

«Бандиты», – пронеслось в голове официанта. Ему неудержимо захотелось кинуться следом и как-то предупредить Михаила, щедро давшего ему чаевые. Сняв с себя фартук и бросив его на спинку стула, он быстро пустился следом за ними. Рыжего и его дружка официант увидел в широком тамбуре. Они стояли и наблюдала за Моникой. На официанта они внимание не обратили и о чём-то шептались, а тот прошёл мимо и, приблизившись к Михаилу, тихо сказал:

– Будьте осторожны. За вами следят двое из тамбура. Один рыжий, а другой корявый.

– А вы кто? – спросил тот, не узнав официанта.

– Не узнали? Я официант, – ответил он и сразу же ушёл.

Возвращаясь в ресторан, он заметил на себе пристальные взгляды корявого и рыжего, и, не глядя на них, проходя мимо буркнул, как будто про себя, но чтобы они услышали:

– Ещё и возмущается... платить надо правильно.

Михаил, тем временем, забирая у Моника чемодан, скосил глаза в сторону тамбура и увидел стоявших там рыжего и корявого. Их внешности пока-

зались ему знакомыми, по-видимому он встречал их в Москве.

Вместе с Моникой он направился из вагона, а минутой позже за ними последовали рыжий с корявым.

Михаил с Моникой пришли в его вагон и сели на свободные места. Он ещё раз заметил за собой слезку из тамбура, но преследователи исчезли. До прибытия в Москву он их не видел, а на перроне мельком заметил. Его встречал Роман, работавший у него шофёром уж третий год. Уважал его Михаил за прилежность и старательность к своим обязанностям, а тот привыкший к его похождениям по женскому фронту, увидев Моника, удивился тому, как сумел шеф соблазнить такую молоденькую девушку.

– Роман, познакомься... моя дочь Моника, – представил её Михаил, а обратившись к ней, представил: – А это мой водитель.

– Очень приятно, – в один голос произнесли оба.

Пока ехали, Романа мучила неизвестность. Он никак не мог понять, откуда взялась у неженатого шефа такая дочь, а тот тем временем рассказывал ей о достопримечательностях Москвы, мимо которых проезжали.

Прибыв к дому, в котором проживал Михаил, все зашли в квартиру.

– Роман, мы сейчас спустимся и поедем в ресторанчик покушаем... Наверное, на Рублёвку... в «Царскую охоту», а потом домой, и ты свободен до завтрашнего утра, – сказал Михаил.

– Понял, – коротко ответил тот, ставя чемодан Моника и сумку шефа, после чего ушёл к автомобилю.

– Вот тут я и живу, Моника, – сказал Михаил, показывая рукой на уютную, богато обставленную мебелью

квартиру. – Пройди сама по комнатам, посмотри, ознакомься... где что. Мою спальню ты определишь сразу, а себе выбери из двух остальных понравившуюся. А я пока позвоню.

– Спасибо, папа, – ответила она и с улыбкой на лице пошла смотреть комнаты.

Михаил достал из ящика тумбочки визитку ресторана и заказал столик, а после позвонил своему заместителю, сообщил о возвращении, узнал от него о положении на стройках, в кафетериях и магазинах, а затем попросил приготовить к утру записку о всех недостатках в работе, их причинах возникновения и по мнению того о путях устранения.

Моника, возвратившись после просмотра квартиры с обалдевшим видом, произнесла:

– Вот это квартира! Мне и не снилось в такой жить. Вы, папа, молодец.

– А почему ты обращаешься ко мне на «вы»?

– У нас в Украине все так обращаются. Сказать «ты», значит нанести страшное оскорбление, – ответила Моника. – Вы же должны знать... Сами-то с наших краёв.

– Совсем забыл. Я ведь давно в Москве. Отвык от наших обычаев и неписанных законов. Ничего... обращайся так, как сама хочешь.

В ресторан из-за загруженности улиц транспортом они прибыли через 40 минут. Михаил позвал поужинать Романа, что делал всегда, не оставляя его без еды. Но тот отказался.

Сидя за столом, Михаил поинтересовался:

– Какие планы на будущее, Моника?

– Работать, учиться, а дальше жизнь покажет. Мне бы такой стать, как вы, папа.

– От работы кони дохнут, – пошутил он. – А от безделья на ладонях волосы вырастают, но без работы нет жизни и цели в ней. Учиться-то ты думаешь?

– А как же. Но в этом году я уже опоздала. Я хотела бы в экономический...

– Неплохо. Умница. Хорошо мыслишь. Сделаем так... Поработаешь у меня в фирме до поступления в вуз, а дальше само образуется.

– А кем буду работать? Я ведь ничего не умею.

– У нас в Украине, как говорят? – Лишь бы шея была, а ярмо найдётся. Я подумаю. Можно в бухгалтерии... помощником бухгалтера, хотя таких должностей не существует, но ты познаешь многое, если хочешь в экономический поступать. Могу секретарём в мою приёмную, но там ты будешь как сторожевая собачка. Кого пустить, кого не пустить, принеси то, отнеси другое. Решим. Завтра... нет не завтра... С недельку отдохни, а потом я тебя заберу в свой офис... походишь, согласишься и определишься. К тому же это временно, а потом окупёшься в учёбу.

– У меня голова кругом от нахлынувшего счастья. Я всё ещё не могу опомниться. У меня в жизни всё было как-то предсказуемо и просто, а теперь...

– Не важно, что было, – перебил её Михаил, – а важно, что будет. Надо жить и стремиться к жизни, уважать людей, и они тебя уважать будут, помогать нуждающимся, не обижать слабого, не лгать, потому как капля лжи может испортить всё доверие, не стараться обмануть кого-либо, если даже этого требует необходимость... Одним словом, у нашего Господа есть адресованные нам всем десять заповедей. Их надо соблюдать, и будешь на высоте.

– А сами-то вы соблюдаете?

– В основном да...

– А мама? – перебила его она.

– А что мама? Да мы встречались короткое время. Нам обоим было хорошо. Потом я уехал. Наши встречи ни к чему никого из нас не обязывали. Я не знал, что будешь ты, и мама это скрывает. Если бы я в то время знал, что она беременна... сразу женился бы, и ты выросла бы в моём доме. Но так распорядилась её величество судьба.

– Простите, папа. Я не хотела вас обидеть. Так получилось. А можно я ещё вас спрошу?

– Спрашивай.

– Кроме мамы вы многих женщин знали... так, как маму?

– Многих. Так получалось... так происходило. Но никого из них я не обманывал, не обещал будущее, а происходило как-то обоюдно... самопроизвольно.

Из ресторана ехали молча, так же молча зашли в квартиру. Время близилось к полуночи. Моника мылась в ванной, а Михаил достал из комода постельное и отнёс в её комнату, а потом сел у телевизора и задумался... с экрана оправдывался Михаил Горбачёв, отрицая предательство коммунистической партии и свою вину в развале Советского Союза, называя августовским переворотом. Но Кравчук его не слушал. Он думал совершенно о другом. Впервые в жизни, растерявшись при появлении дочери, не знал с чего начать своё отцовство, которое своим поздним приходом застало его врасплох и теперь обязывало поступать по-отцовски. Уже завтра на работе все узнают о дочери и будут удивлены, ведь до сегодняшнего дня считали его оди-

ноким, и теперь он подыскивал нужные слова прояснить появление дочери. Среди большого коллектива он давно снискал всеобщее уважение, все знали о его доброте и порядочности. Но сейчас он поймал себя на мысли, что где-то в глубине души возникают моменты стыдливости и неловкости, какими словами рассказать про перемены в его судьбе. Привычка чувствовать себя свободным и независимым отошла в сторону. До вчерашнего дня Михаил находил удовольствие и радость в общении со своими рабочими и служащими, частенько открывающими ему свой мир, любил давать советы и указывать направление в жизни, иногда журил за упущения и уход с правильного пути. Завтрашний день немного пугал его, он не знал, как будет смотреть им в глаза. Тупо глядя в телеэкран, мысли полностью захватили его, то выстраиваясь в цепочку, то противореча друг другу, в какой-то момент появилась мысль, – а не подстава ли это? Он ведь впервые видит эту девушку, а вдруг она совершенно чужая и не имеет к нему никакого отношения. «Надо провести ДНК, и все вопросы будут сняты. Нет, это не подстава. Фото, знание всё об Оксане, немного обо мне. Завтра же поищу пути, как пройти ДНК», – решил он, и в это время из ванной комнаты вышла Моника. Глянув на него, серьёзного и задумчивого, спросила:

– Папа, а почему вы вдруг стали грустным?

Тот оставил в стороне свои размышления:

– Не грустный, а сосредоточенный.

– Если причиной стала я, то скажите прямо, и завтра же я уеду без всяких обид. Я понимаю, что свалилась на вас, как снег на голову... Здрасте, я ваша дочь...

– Вот если бы ты так сказала при встрече, то я бы совершенно по-другому поступил. Не надо об этом говорить и думать, – прервав её Михаил. – Уже поздно. Давай спать, а утро вечера мудренее. Да... конечно, ко мне будет много вопросов, и мои партнёры будут настаивать на прохождении нам с тобой ДНК, но это всё впереди, а сейчас спать.

Он эти последние слова сказал специально, как бы подготавливая её к этому, чтобы потом не было неожиданностью. Моника же, услышав последние фразы, вздрогнула, лицо стало беспокойное, что-то хотела по этому поводу сказать, но передумала, и с тревогой в голосе лишь пожелала доброй ночи и ушла в отведённую ей комнату. Это смятение девушки не прошло мимо Михаила, в постели он долго лежал с открытыми глазами, глядя в потолок. Мысли накатывали, а он их перемалывал, анализируя, корректируя и отбирая те, которые заслужили особого внимания. «А что? Тут без всяких обид. О ней я знаю только с её слов, а фактически для меня является чужим человеком, пока не будет заключения ДНК. Если оно окажется положительным... я сделаю всё, что бы она не пожелала», – окончательно решил для себя Михаил, повернулся на правый бок, но уснуть ещё долго не мог.

Утром поднялся первым, сделал гимнастику, умылся, приготовил яичницу на двоих, сварил кофе и позвал Моника. Она вышла, зевая, и в пижаме села за стол. Если Михаил находился в прекрасном расположении духа, то она не могла скрыть неизвестно откуда появившуюся угрюмость.

– Как... ты со мной? Или...

– Дома останусь, – перебила она. – Нездоровится почему-то. Мигрень частенько меня донимает.

– Ну, отдыхай. Всё остальное успеется, – сказал он, сделав последний глоток кофе, поднялся, поправил перед зеркалом галстук, надел костюм и уже собирался уходить, как вдруг зазвонил мобильник Моника.

Она кинулась к нему пулей. Несколько секунд слушала, а потом нервно ответила:

– Прежде чем звонить, правильно набирайте номер. Вы ошиблись, – и сбросила звонок.

Михаил пожелал ей хорошего дня, оставил запасные ключи от квартиры, три тысячи рублей на мелкие расходы и ушёл.

Как всегда, свой рабочий день он начал с оперативки, где руководители участков и направлений деятельности доложили об итогах работы. Раздав указания каждому, он отпустил всех и оставил главного бухгалтера, муж которой руководил одной из больниц столицы.

– Мария Ивановна, могу я к вам обратиться с личной просьбой?

– Слушаю вас, Михаил Степанович, и буду рада выполнить, если это в моих силах.

– Не смогли бы вы позвонить мужу и узнать... Нет ли у него знакомого человека... Одним словом надо сделать ДНК.

– А зачем звонить? Подруга моя этим ведаёт, только она сегодня улетела в отпуск на 45 дней. Это терпимо до её возвращения? Или искать другой вариант?

– Терпимо. А это долгая процедура?

– Я не знаю. Дружим с ней лет двадцать, а ни разу по этому поводу не обращалась. А кому это потребовалось?

– Мне, Мария Ивановна.

– Как? С кем? Не пойму... Вы же тунеядец в семейной жизни... Михаил Степанович!

Он поведал ей о происшедшем и взял слово о нераспространении услышанного, а она, выслушав, покачала головой и произнесла:

– Обязательно надо ДНК. В нашем сегодняшнем обществе столько разношерстных мошенников, что надо всегда быть начеку. А хотите, я сейчас наберу номер телефона мужа, и он вам подробно объяснит?

– Хорошо. Согласен.

Она под села к телефонному аппарату, набрала номер телефона, объяснила мужу суть звонка и передала трубку Кравчуку.

Поздоровавшись, главный врач пояснил:

– Михаил Степанович, как я понял, вам нужен акт генетического анализа ДНК на отцовство... Так вот... всё это производит Федеральная судебная медицина по решению уголовного или гражданского суда. Генно-молекулярная экспертиза завершается соответствующим заключением, которое на руки не выдаётся и направляется в суд. Можно эти вопросы решить и без суда... в частном порядке. Тогда выдаётся не заключение, а акт генетического исследования... за определённую плату, конечно. Для такого исследования производится забор крови из вены обоих... предполагаемого отца и сына или дочери. Можно другим способом... Ватной палочкой соскабливают с внутренней стороны щеки клетки эпителия. Всё это займёт совсем недолгое время. Ещё вопросы, Михаил Степанович?

– Нет вопросов. Спасибо вам огромное, – поблагодарил тот и положил трубку.

Поблагодарив и главного бухгалтера и отпустив её, он остался один. Работа не клеилась. Всплывала встреча с Моникой в вагоне-ресторане, её скупой рассказ о матери и бабушке, и даже возникали в памяти лица корявого и рыжего. Всё это его настораживало. Но вспомнив фотокарточку, случайность встречи, глаза Моника, полные радости и удивления, её заявление об убытии, успокаивался.

Возвратившись домой, он не застал Моника. На тумбочке в её комнате лежали паспорт и свидетельство о рождении, как будто приготовленные для него. Он постоял, глядя на документы, уже хотел было отойти, но искушение взяло верх. Открыв паспорт, он прочитал вслух:

– Луценко Моника Михайловна.

Глянув на месяц и год её рождения, стал прикидывать период своего нахождения в Дрогобыче. Всё сходилось. Тогда он открыл свидетельство о рождении. Из него узнал, что её мать Луценко Оксана Карповна, а отец Кравчук Михаил Степанович. Всё это полностью разрушило его сомнения. В груди неизвестно откуда появилось чувство теплоты, и он уже видел рассеивающийся путь окружающего его одиночества. В сердце возникла надежда о смысле жизни, о познании её чудес, что вдохнуло новые силы и радость, позволяющие оттолкнуться от одиночества, забыть о нём. Теперь у него есть дочь, и он должен сделать всё возможное и невозможное, чтобы восполнить то, чего не хватало все эти годы. Его сразу же с неборимой силой повлекло к дочери, он стал мысленно корить себя за то, что, уходя из квартиры, не записал номер её телефона.

Вернувшись в кухню, Михаил открыл холодильник, который был пуст. Тогда решил пойти в магазин...

Вдруг послышался щелчок ключа в замочной скважине, дверь открылась, и с двумя полными пакетами вошла Моника.

– Ты чего, доченька? Я бы сходил... и уже собрался идти. Они же тяжёлые, – сказал и кинулся к ней и, забирая пакеты с продуктами, стал выкладывать их в холодильник.

– Я же что-то тоже должна делать, папа, – ответила та, бросив мимолётный взгляд на оставленные на тумбочке документы. Заметив, что порядок их нахождения нарушен, она довольно улыбнулась, стала веселее и разговорчивее.

Переплетение судеб удовлетворяло обоих, но они не задумывались, что каждая судьба индивидуальна, притом не всегда постоянна, а больше изменчива и непредсказуема.

Прошёл месяц. Моника не захотела идти в помощники бухгалтера и села в приёмную отца, а тот, обычно никогда не болеющий, ни с того, ни с сего стал больше находиться в постели, чем на рабочем месте. Жаловался на боли в желудке, печени, кишечнике и боли в области сердца. Точный диагноз врачи установить не могли. Моника бежала после работы домой и часами сидела возле него.

Настало время, когда его госпитализировали. Во время обследования у него взяли всё и вся на анализ для исследования. После обеда зашёл врач, который представился как привлечённый с другого медицинского учреждения. Осмотрел его, прослушав грудную клетку, ознакомился с историей болезни, которую дала ему медсестра, после спросил:

– Михаил Степанович, у вас семья есть?

– А что? Это так важно?

– Я бы вам посоветовал... на всякий случай сделать завещание... всякое может случиться, – сказал он, не отвечая на вопрос.

– Так серьёзно?

– Серьёзней некуда. Я не настаиваю... просто советую как специалист. А решать вам.

Врач ушёл. У Михаила защемило сердце, он задумался над советом врача. А тут в очередной раз к нему пришла Моника. Он и сказал ей об этом. Она всплыла, стала отказываться, ссылаясь на то, что всё обойдётся, он обязательно выздоровеет, а перед уходом сказала:

– Папа, я вам ваш любимый яблочный сок принесла. Налить?

Тот кивнул головой, она принесла наполненный стакан, и он жадно выпил.

После её ухода у него опять начались колики в желудке и боль в печени, а потом и рвота. Врач, Зинаида Петровна, назначила промывание желудка, капельницу и ряд других процедур.

На следующий день измученный болезнью Михаил вызвал нотариуса, и тот составил завещание на Моника, которая после его смерти становилась полноправной хозяйкой всего, что находилось в собственности Кравчука, но это право переходило к ней после совершеннолетия, а до этого должен был управлять его заместитель. Узнав об этом, Моника не на шутку расплакалась, ему с трудом удалось успокоить её.

– Папочка, родной мой, любимый... – говорила она сквозь слёзы. – Вы должны поправиться, просто обязаны... Прошу вас...

– Стараюсь. Это на всякий случай. Пусть оно будет. Ну что там новенького у нас? – поинтересовался он делами в фирме.

– Всё идёт чередом. Мария Ивановна просила вашего согласия на отправку крупной суммы денег в дочернюю фирму. Те просят в долг для выплаты зарплаты рабочим и расчёта с поставщиками. Обязуются долг вернуть в конце этого месяца. Деньги уходят наличными через инкассацию, – ответила она.

– Мы так часто делаем... То мы им даём, то они нам. Хорошо. Только охрану пусть обеспечат... надёжную.

– Так и передам.

– Последнее, что я сказал... в части охраны передай обязательно.

Моника ушла, а на Михаила нахлынули чувства безрадостного одиночества. Он ощутил отсутствие всего, чем жил, над чем работал и что имел.

А за окном свинцовое небо всё темнело, провожая день и встречая вечер. Что принесёт следующий день, никто не знал и не мог знать, потому как судьба у каждого своя, и повороты её, и сюрпризы никому не известны.

Утром Моника сидела в приёмной, куда никто не заходил, зная, что руководитель находится на лечении в больнице. Но тут дверь открылась, вошла главный бухгалтер:

– Ну, что... шеф дал согласие на отправку денег?

– Да, дал. Сказал, что подобное практиковалось и ранее, – ответила Моника.

– Больше ничего не передавал?

– Больше ничего, Мария Ивановна.

Та, кивнув головой, ушла, а Моника прикрыла за ней дверь поплотнее, достала из сумочки свой мобиль-

ник и кому-то позвонила... Оператор видеосвязи фирмы через камеру наблюдал за ней и улыбался.

2

Водитель Максим, демобилизовавшись из армии, работал в фирме Кравчука чуть больше полугода. За этот непродолжительный период работы ему приходилось совершать перевозку денежной массы неоднократно, поэтому свой путь он хорошо знал и мог по нему проехать с закрытыми глазами.

В тот день он как обычно сидел за рулём УАЗа-469, ожидая выхода Якова и Артура с деньгами. Яков и Артур работали в отделе обеспечения безопасности третий год и в коллективе пользовались хорошей репутацией.

Из здания фирмы сначала вышел Яков, рука его лежала на клапане кобуры пистолета, осмотрелся оценивающе, и не заметив какой бы то ни было опасности, подал знак Артуру. Тот сразу же вышел с двумя сумками денег и нырнул в машину... за ним и Яков. Максим спокойно выехал в заданном направлении... С главной улицы вырулил на второстепенную и через два квартала резко нажал на педаль тормоза. Посередине дороги стоял указатель «Объезд». Это не входило в план маршрута.

– Что делаем при такой ситуации? – спросил Максим Артура, который в случаях перевозки денег всегда назначался старшим.

– Не реагируя на указатель, поехать, а потом возвращаться обратно! Поворачивай, – ответил тот.

Максим повернул автомобиль в узкую улицу с ухабистым старым покрытием. Они проехали метров две-

сти, как вдруг из-за заброшенного и поросшего вокруг высоким бурьяном двухэтажного дома выехало «Жигули» тёмного цвета, перекрыв дорогу.

Максим, не имея возможности объехать, затормозил. В этот момент из салона «Жигулей» высунулись два автомата, раздались очереди, пули застучали по облицовке УАЗа, посыпались стёкла, сражённые пулями Артур и Яков безжизненно сидели на своих местах, уронив головы набок. Максим грудью лежал на руле, правая рука свисала к полу и по ней стекала кровь. Двое из «Жигулей» в масках на лицах подбежали к УАЗу, открыли заднюю боковую дверь, где сидел Артур с двумя сумками денег, и один из напавших уже протянул к ним руку, как вдруг Максим резко выпрямился и выстрелил в одного и второго. Первый сразу упал рядом с машиной, а тот, что стоял сзади него, пригнулся, стреляя на ходу, петляя, побежал к «Жигулям», оставляя на асфальте кровавый след. Максим продолжал стрелять по автомобилю, но уже терял сознание, поэтому пули летели не в цель. Водитель «Жигулей» резко рванул с места и скрылся. Максим через минуту пришёл в себя, переложил сумки себе под ноги, а потом нажал на кнопку в телефоне ранее зафиксированного номера начальника службы безопасности, вновь теряя сознание, успел произнести:

– На нас напали... – и замолк.

Услышав это, Сизов вскочил как ошпаренный и крикнул набегу:

– Ящук и Котов за мной!

Услышав тревожную суету, из кабинета выглянула главный бухгалтер и спросила Сизова, бежавшего в приёмную шефа.

– Нападение на инкассаторов, Мария Ивановна, – бросил тот набегу, а подбежав к приёмной, резко рванул дверь и крикнул:

– Моника, звони в милицию. Нападение на инкассаторов, направь наряд по маршруту. Есть он у тебя?

– Есть, есть. Сейчас позвоню, – ответила та.

Глянув на часы, висевшие на стене и показывавшие время 10 часов 36 минут, Сизов закрыл дверь и побежал по лестнице вниз на выход. За ним последовали Ящук и Котов. Уже находясь в автомобиле, мчавшемся к месту происшествия, Сизов позвонил Максиму, но тот не отвечал. Тогда он позвонил на станцию «скорой помощи», но те потребовали точный адрес, который Сизов не знал и заявил, что повторит вызов по прибытии на место. В это время водитель сообщил, что видит перед собой указатель «Объезд».

– Вот оно что, – произнёс Сизов. – Их направили в ловушку. Сворачивай.

Водитель выполнил указание. Как только они въехали в узкую улицу, то сразу вдаль увидели УАЗ с открытой дверцей и рядом лежащего человека на асфальте. Подъезжая ближе, были ошарашены увиденным, – на асфальте валялись множество стреляных гильз, облицовка УАЗа была изрешечённая пулями. Автомобиль ещё не успел остановиться, а Сизов уже выскочил и побежал к УАЗу. Яков и Артур были мертвы. Рядом с Артуром на заднем сиденье сумок с деньгами он не увидел. Тогда подбежав к водительской дверце, открыл её. Приложив два пальца к шее Максима, услышал пульс и сразу же вызвал «скорую», позвонил в РОВД, сообщив точный адрес места происшествия.

– Минутку, гражданин, – сказал в трубку дежурный.
– Вы это о чём?

– Как о чём? – немного с удивлением отвечал Сизов.
– Вам же Луценко Моника из нашей фирмы сообщала о нападении на инкассаторов. Вот я и звоню с места происшествия. Убиты два наших и один бандит, а также тяжело ранен наш водитель, и ранен ещё один бандит, о чём свидетельствует дорожка следов крови на расстоянии десяти метров от инкассаторского автомобиля.

– Такого сообщения не поступало. Ничего не трогать и ни к чему не прикасаться. Сейчас выедет оперативно-следственная группа, – сказал дежурный и положил трубку.

Сизов посмотрел на свои наручные часы, что показывали 11 часов 10 минут. С помощью Котова и Ящука осторожно взяли Максима и уложили на обочину. Под его ногами они и увидели сумки с деньгами. У Максима оказалось сквозное ранение правой верхней части грудной клетки, и пуля вышла в области спины вблизи грудного позвонка.

Ему оказали посильную помощь тем, что лежало в автомобильной аптечке, а тут и «скорая» примчалась. Врачи на месте сделали Максиму укол, констатировали смерть троих и с раненым уехали, уступая работе следственной группы, прибывшей к этому времени.

– Старший следователь по особо важным делам прокуратуры Каневский, – представился старший группы, внимательно выслушал сообщение Сизова и приступил к осмотру места происшествия.

Сизов, отойдя в сторону, позвонил Монике. Та долго не поднимала трубку и, наконец, ответила.

– Ты почему не сообщила в РОВД о нападении на инкассаторов? – требовательно спросил он.

– Во-первых, постоянно был занят телефон дежурного, а во-вторых, вы же выехали?

– Не ври! – почти закричал он. – А ну-ка, продиктуй номер телефона, по которому ты звонила.

Моника замялась, стала шелестеть бумагами. Сизову показалось, что она нервно ищет телефон в справочнике, но вдруг перешла в нападение, выкрикнув:

– А на каком основании вы со мной таким тоном разговариваете?

– На том основании, что я являюсь заместителем шефа по безопасности, а ты всего лишь секретарь его, и от меня получила указание сообщить в милицию. Как же ты могла так спокойно сидеть? Я сделаю письменный доклад шефу.

– А я доложу о вашей грубости...

Сизов не дослушал её и нажал кнопку сброса.

Каневский, делая своё дело, невольно слышал разговор Сизова с секретарём и сделал свои выводы.

Закончив осмотр места происшествия, изъяв следы протектора «Жигулей», пулю, застрявшую после ранения Максима в обшивке автомобиля, образцы крови всех участников происшествия и автомат бандита, а также собрав все стреляные гильзы, он подозвал Сизова:

– Скажите, кто кроме вас знал об инкассации, вернее о перевозке крупной суммы в дочернюю фирму?

– Трое исполнителей... Максим, Артур и Яков... два погибли, а один ранен. Знали главный бухгалтер, кассир и секретарь... она дочь шефа... неизвестно откуда взявшаяся... Луценко Моника и, естественно, руково-

дитель и главный бухгалтер дочерней фирмы. Больше никто, – ответил тот.

– А о маршруте кто был осведомлён?

– Я, пострадавшие ребята и Моника... Я перед этим послал Максима проехать по ранее известному маршруту и посмотреть, не изменилось ли что, а Моника подседа к нему, и он её свозил в больницу к отцу. Её отец Кравчук Михаил Степанович там на лечении... Не нравится мне она. Он в жизни ни разу не женился, а тут она выскочила... Лезет везде, всем интересуется, как будто она здесь руководит. Разговоры ходят, якобы шеф завещание ей написал, а после этого вдруг заболел, хотя раньше здоровье его не подводило.

Эти слова, высказанные с подозрением, и тот факт, что Моника не сообщила в РОВД о нападении на службу охраны, перевозимой деньги, заставили пополнить план действий, который уже мысленно был скорректирован. Перед тем, как отправить в морг труп нападавшего, Каневский лично осмотрел все его карманы, но те оказались пусты, тогда он, чтобы не посещать морг, дактилоскопировал его и, сняв с лица маску, сделал фотоснимок. Волосы бандита оказались рыжими, что служило важной приметой, а второй существенной приметой был давний шрам, пересекающий верхнюю губу.

После окончания осмотра места происшествия он не поехал в прокуратуру, а вместе с Сизовым прибыл в фирму, где сразу же предупредил Моника никуда не отлучаться и, что она, как и все остальные конторские работники, будет допрошена.

После допроса главного бухгалтера Каневский, расположившийся в кабинете Кравчука, вызвал Моника. Та вошла с нескрываемым волнением.

– Ваши личные документы необходимы для заполнения реквизитов протокола допроса свидетеля.

Девушка глянула на стопку паспортов, лежавших рядом с папкой следователя и молча достала из сумочки свой паспорт и свидетельство о рождении. Каневский уже хотел было возвратить ей метрику, но внутреннее чувство подсказало ему, что не стоит этого делать.

В ходе допроса Моника всячески подводила к тому, что она не имеет никакого отношения к отправляемым деньгам в дочернюю фирму, и что особого внимания на это она не обратила, а в РОВД не сообщила лишь потому, что не могла дозвониться из-за занятости номера телефона, поэтому её опередил своим звонком Сизов. С первого взгляда казалось, что её доводы объяснимы, но Каневский решил проверить их до конца. Он всегда не оставлял ни одного самого незначительного момента ситуации в расследовании дела, поэтому собиравшись после фирмы захватить в РОВД.

Сложив всё находящееся на столе в свою папку, он направился к выходу.

– А мои документы? – спросила дрожащим голосом Моника.

– Я отксерю в дело, а завтра получите. Часикам к шестнадцати-семнадцати я жду вас в своём кабинете. Если возникнут вопросы, мне придётся ещё раз дополнительно допросить вас.

В это время в сумочке Моника зазвонил телефон. Она не брала его и растерянно смотрела на следователя. Тот её замешательство расценил по-своему, взял сумочку, извлёк телефон и глянул на экран. Там светилось имя «Эдик». Каневский нажал кнопку, поднёс к уху и услышал:

– Слышь ты, курица, почему трубку не берёшь?

Следователь нажал на сброс и сказал Моники:

– Мужчина очень яростно угрожал вам. С учётом случившегося в вашей фирме и высказанных угроз я вынужден на время изъять ваш телефон.

– Это невозможно! – запротестовала она.

– Разве вы не поняли, что я сказал?

Каневский ушёл, оставив Монику в растерянном состоянии, а тут по офисному телефону позвонил Кравчук. Его болезненный голос вызывал сочувствие.

– Объясни причину твоей пассивности к тому трагическому, что произошло с нашими работниками, – потребовал он.

– Пап... я звонила неоднократно, но телефон дежурного постоянно был занят. Это вам Сизов наступал?

– Не важно. Я от тебя такого не ожидал.

– Я же объяснила...

– Не люблю, когда врут, – оборвал он её. – Я хочу знать правду.

Моника с полминуты молчала, не зная, что ответить, а потом несмело промолвила:

– Пап... ну закрутилась... Тут поднялась такая паника... Бегодня... и я отвлеклась. Простите меня. Я виновата. Больше подобного не повторится.

– Виновата дважды... За то, что в какой-то степени помогла бандитам скрыться, а для милиции была каждая минута дорога... и за то, что солгала. С этого дня ты будешь работать с бухгалтером Кононовой. Она обучит тебя азам учётчицы, а в приёмной будет пока Светлана... инспектор кадров.

– Ну, папа...

– Всё... изменению не подлежит, – оборвал он её и положил трубку.

– Ну, погоди, – вырвалось из груди Моники, но что эти слова обозначали, знала только она.

3

Каневский знал, что без наводки налёт на охрану, перевозившую крупную сумму денег, не возможен. Спонтанно такие преступления, как правило, не совершаются. Поэтому по пути к РОВД он обдумывал наказания всех допрошенных, знавших об отправке денег. Один за другим отпадали, и он остановился на Моники, которая знала не только это, но и маршрут, к тому же не выполнила указание Сизова о срочном сообщении в дежурную часть РОВД. Этот букет подозрений наводил его на мысль о самой тщательной проверке причастности Моники к совершённом преступлении.

Прибыв в РОВД и зайдя к начальнику – полковнику Бабаяну, он объяснил цель своего приезда, и тот тут же вызвал к себе ответственного дежурного капитана Касаткина. На заданный вопрос тот ответил:

– Андроник Суренович, голову даю на отсечение, телефон был свободный. О налёте на инкассаторов сообщил Сизов, я немедленно направил наряд. От Луценко Моники сообщение не поступало.

Каневский записал ответ дежурного, поблагодарил начальника ОВД и вышел к автомобилю. Стрелки часов показывали 16 часов 25 минут. Желудок давно без еды давал о себе знать. Борис сел за руль, намереваясь заехать в кафе и покушать, но перед глазами возник образ Сизова. Он вспомнил его слова о холостяцкой жизни Кравчука, о внезапном появлении в качестве его

дочери Моники, о том, что Кравчук никогда не жаловался на своё здоровье, а с момента появления её сразу же начал болеть и был госпитализирован, о завещании Кравчука. «А не в этом ли завещании собака зарыта? Надо срочно поговорить с Кравчуком», – возникшая мысль навязчиво призывала Каневского поехать, поговорить с ним.

Включив рычаг скоростей, он направил автомобиль в сторону больницы. Прежде всего, он решил побеседовать с лечащим врачом, к которому привела медсестра приемного отделения. Каневский представился с предъяснением удостоверения личности и заявил:

– Меня интересует состояние здоровья Кравчука, который находится под вашей врачебной опекой.

– А почему вы этим интересуетесь? – спросила врач.

– Дело не в нём, Зинаида Петровна, а в трагическом факте руководимой им фирмы, – и он вкратце ознакомил её с фабулой происшедших событий.

– Вот оно что, – задумчиво произнесла та. – Может, и его состояние здоровья связано с криминалом?

– Как вас понять?

– Дело в том, что при поступлении к нам Михаил Степанович высказывал жалобы на боли в желудке, потом в печени, в кишечнике, головные боли и боли сердечные... сопровождали тошнота и рвота. Он похудел. На первых порах анализы ни о чём не говорили. Мы сделали развёрнутый анализ... говоря немедицинским языком... более глубокий и детальный, и что вы думаете... в его организме, в крови обнаружили тяжёлые металлы и яды неизвестного происхождения. Теперь вот голову ломаем в поисках источника.

– Кто его посещает?

– Коллеги по работе и его дочь. Но первые изредка, а она почти ежедневно.

Каневский сразу вспомнил слова Сизова: «...шеф завещание написал, а после этого вдруг заболел...» Подозрение в отношении Моники усилилось. Однако, понимая, что она всё-таки дочь Кравчука, сам же это подозрение стал отвергать: «Дочь травит своего отца, своего кормильца, да быть такого не может».

– Я могу с ним пять минут побеседовать? – спросил он врача.

– Да сколько хотите. Если устанет, сам скажет, – ответила та, и Каневский, поблагодарив её, пошёл навещать Кравчука.

Он застал его в постели. Представившись, посмотрел на его измученное землянистого цвета лицо, напрашивался вывод, что больному приходится несладко. Окинув взглядом продукты и напитки, находившиеся на тумбочке, спросил:

– И кто это так старательно заботится о вас?

– Дочка моя... Моника, – ответил Кравчук, тяжело дыша, а потом попросил: – Подождите меня, я через минуту вернусь.

– Хорошо, Михаил Степанович.

Тот поднялся, дрожащими ногами нашёл под койкой тапочки и, пошатываясь, скрылся за дверью.

Каневский расстегнул следственный портфель, достал три пробирки с корковыми пробками, отлил в них из пакетов с яблочным и томатным соками, а также из бутылки с минеральной водой, положил в портфель и расставил всё, как и стояло. Кравчук вернулся и сел на койку:

– Вы что-то хотели у меня спросить?

– Кого бы вы из своих сотрудников заподозрили в наводке и передаче информации о маршруте? – спросил следователь.

– Я уже думал об этом. Всех перебрал... Никого.

– Но вы согласны, что подобное имело место? Просто так бандиты не могли напасть на автомобиль. Их сотни тысяч бегают по улицам.

– Вполне... но конкретно назвать этого подлеца не могу. Все были и есть хорошие труженики. А того, что ранен, не нашли?

– Пока нет. Все медучреждения проинформированы. Жаль, что тот... второй убит. Был бы он ранен, многое изменилось бы.

– И кто он такой?

– Документов при нём не оказалось... Высокий ростом, рыжий, шрам на верхней губе... Дактокарту сделали... проверим по информационному центру МВД, вдруг улыбнётся удача.

– Рыжий, со шрамом, говорите?

– Что, знаком?

– Ехал с дочкой из Питера и в вагоне-ресторане такого встречал.

– Я заснял его лицо на фотоплёнку. Завтра забегу... посмотрите, – сказал Каневский и поднялся. – Ну, ладненько. Поправляйтесь.

Выйдя из больницы, он глянул на часы. Время было 17 часов 20 минут. Позвонив заведующей канцелярией прокуратуры Твердохлёбовой, попросил:

– Марина Александровна, убедительно прошу вас зайдите в мой кабинет, там стажёр Олег... пусть дожждётся меня. Я еду сейчас из больницы и скоро буду.

– Хорошо, Борис Фёдорович, – ответила та и пошла исполнять.

Спустя 15 минут Каневский уже шёл по коридору к своему кабинету. Ему навстречу вышел прокурор:

– Где тебя носит? Я уже заждался твоего доклада. Давай заходи.

– Через минуту буду у вас, – ответил тот и юркнул в свой кабинет, где его ожидал стажёр.

Передав ему три пробирки с жидкостями и наказав прямо сейчас позвонить эксперту Гореловой и от его имени попросить принять эти пробирки, исследовать их содержимое и срочно сказать, есть ли в них что-либо отрицательно влияющее на здоровье человека, а сам побежал докладывать шефу. Как всегда тот остался довольный работой следователя и, дав ему свои ценные указания, отпустил.

Вернувшись в свой кабинет, Каневский достал из ящика стола справочник номеров телефонов, предназначенный для служебного пользования в прокурорских структурах, нашёл первый попавшийся номер телефона прокуратуры Ленинградской области и набрал его.

– И кому это я понадобился в конце рабочего дня? – послышалось в трубке.

– Я из Москвы звоню. Старший следователь прокуратуры по особоважным делам Каневский. Здравствуйте! – представился он. – Простите, с кем я говорю?

– Здравствуйте, здравствуйте, Борис Фёдорович. Вот так телефонная встреча. Вот так судьба. Малахов я... Юрий Николаевич, однокурсник твой, – послышалась радость в голосе.

– Юра?! Господи... Какой же ты добрый и справедливой. Кто бы мог подумать?! – обрадовался Борис.

Они обменялись новостями о семейном положении, о здоровье, занимаемых должностях, будущих перспективах, а в конце Малахов спросил:

– Так что тебя заставило позвонить мне? А я уже собрался домой и дошёл до двери, как вдруг твой звонок. Слушаю, друг мой.

– Ты можешь пробить по паспортному столу один паспорт?.. Он выдан на имя Луценко Моники Михайловны, 1980 года рождения, уроженки Львовской области.

– Диктуй серию, номер, дату выдачи и кем выдан. Сделаю завтра с утра и сразу тебе отзвонюсь... Да... и свой контактный телефон.

Борис продиктовал ему данные и номер телефона, после чего они тепло простились. Пять минут Борис ещё сидел в кресле с улыбкой на лице. «Так только в кино бывает», – подумал он о Малахове.

Возвратившись домой, он рассказал Даше, и та вспомнила высокого, чернобрового заводилу и балагура. Он даже как-то попытался приударить за ней, но, увидев её радостное лицо при появлении Бориса, с шуткой высказался:

– Пардон. Не в ту дверь постучал. Без зависти... на самом деле я рад за своего друга. Удачи и счастья вам, ребята.

А после он сам отгонял студентов-прилипал, оберегая неуязвимость отношений Даши и Бориса.

Вот и новый день... Борис в приподнятом настроении прибыл на своё рабочее место и с нетерпением ожидал звонка Малахова. Допросив ряд свидетелей по делу, он позвонил Гореловой.

– Это что у вас, Борис Фёдорович, за частные просьбы. Существует порядок, и я бы не хотела его нарушать. Если это по делу, то должно быть постановление с копией протокола о взятии образцов. Как понять ваш жест? – отчитала она его.

– Лариса Алексеевна, голубушка, не сердитесь. Мои действия и просьба продиктованы ситуацией по расследованию. Сегодня же будут у вас и то, и другое, но мне прямо сейчас крест как нужно ваше научное слово, – взмолился он.

Помолчав немного, эксперт ответила:

– Ладно уж... Надеюсь, к концу дня названные мною процессуальные документы будут лежать у меня на столе.

– Непременно. Олег привезёт. Спасибо вам. Шоколадка с меня, Лариса Алексеевна.

– Не ем сладкого... и вам не советую. Оно не столько приносит пользы, сколько вреда... Теперь о результате. Он предварительный, но точный... В двух пробирках сока обнаружены яды, опасные для здоровья и жизни человека. В томатном соке обнаружен тиоловый яд, то есть ртуть, а в яблочном... мышьяк в небольших количествах, но достаточных, чтобы человек слёг на больничную койку, а через некоторое время и душу Богу отдал. Оба яда – токсичные вещества... откладываются в нервных клетках и тканях. Человек, употребивший или употребляющий их, ощущает головокружение и боль, металлический вкус во рту, слюнотечение, кровотечение дёсен, боль при глотании... в грудной клетке... У него появляется одышка, кашель, нарушение ритма сердца, боли в животе... страдает печень, почки, органы пищеварения и центральная нервная система. У него

начинается бессонница, проблемы с памятью, появляется синюшность кожи. В минералке ничего подобного не обнаружено. Более подробное описание вы получите при даче ответов на поставленные вами вопросы в постановлении о назначении экспертизы.

– Если этими напитками с опасным содержанием постоянно поить человека, то что с ним будет?

– Сами, я думаю, догадываетесь. Ничего утешительного, кроме печального.

– Спасибо, Лариса Алексеевна. Низкий вам поклон. Считайте, что вы сегодня спасли человека. Наступит время, и я ему об этом скажу. Будьте здоровы. До свидания.

Каневский взял пять минут на обдумывание, потом набрал номер лечащего врача Кравчука. Она сразу ответила.

– Зинаида Петровна, здравствуйте. Прошу вас прямо сейчас посадите в палате Кравчука медсестру, пока я не появлюсь. Я уже выезжаю. Пусть ему не даёт ничего пить из принесённого посетителями и ещё... никого, в том числе и дочь к нему не пускать. По приезду всё вам расскажу. Ситуация крайне серьёзная, даже опасная.

– Всё сделаю, Борис Фёдорович, – сказала врач с заметной тревогой в голосе.

Каневский, закончив разговор, стал быстро собираться к отъезду. Перед его глазами уже стояло взволнованное лицо Моники. Как только он шагнул к выходу, открылась дверь, вошёл стажёр.

– Со мной, Олег, поедешь, – сказал ему Каневский и в этот момент зазвонил рабочий телефон.

Он вернулся, поднял трубку, и лицо его расплылось в улыбке, – звонил Малахов.

– Борь... не знаю, обрадую ли тебя или огорчу. Дело в том, что названный тобой паспорт Луценко Моники Михайловне не выдавался. Он числится в испорченных при подготовке к выдаче и после уничтоженный. Так что липа у Моники, – доложил он.

– А ты введи справки на мой адрес. Сможешь организовать? Буду, Юрок, тебе очень признателен.

– Да не проблема. Сделаю.

Поблагодарив его и положив трубку, Каневский с минуту смотрел на Олега, размышляя, а потом распорядился:

– Олежка, прошу тебя, найди любыми путями телефон ЗАГСа Дрогобыча, что на Львовщине, и вот тебе свидетельство о рождении, проверь достоверность выдачи и сразу позвони на мой мобильный. Я скажу, что делать потом. А лучше приедешь ко мне.

– Огкэй! – выкрикнул тот.

Каневский быстро вышел из кабинета и, торопясь, выехал в больницу. Врача он застал в ординаторской. Рассказав ей о заключении эксперта, спросил:

– Разве ваши лаборанты, исследуя анализы, не в состоянии дать подобные заключения?

– Наверное, разные лаборатории, их оснащённость, да и люди, то есть специалисты тоже, – ответила Зинаида Петровна. – Ну и дела... Вы меня ошарашили. Первый анализ крови показал наличие тяжёлых металлов, а повторный отрицательный. Ну, мы и успокоились. Я лично отнесла это к погрешности в работе лаборантов.

– Напитки вы у него все забрали?

– Вон они стоят у меня. Медсестре строго наказала, и она к нему никого не пускает. Что теперь дальше будет?

– Дальше? Будем расследовать. Назначим судебно-медицинскую экспертизу Кравчуку... Чистейшее покушение на убийство. А вы будете продолжать лечить его и, наверное, уже с другим набором медикаментов.

В это время дверь распахнулась, и в кабинет вошёл Олег. С какой-то озадаченностью в лице он сразу же приступил к докладу:

– Дозвонился, представился, правда, не стажёром, а старшим следователем Каневским, и на удивление заведующая попалась добродушная и отзывчивая... проверила названное мною свидетельство о рождении с его серией, номером и датой выдачи, и что вы думаете? Заявила, что такое свидетельство не их, ими не выдавалось и по их учётам не проходит. Всё это я оформил телефонограммами... и запрос, и ответ.

– Я так и думал. Вот пигалица. Значит, она не Моника и не дочь Кравчука, – промолвил Каневский. – Курьер смерти из Западной Украины.

– Вот так дела! Господи... что творится на белом свете, – только и успела сказать врач, как в дверь постучали. – Входите.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Моника с пакетом продуктов. Из него торчала бутылка негазированной воды и пакет яблочного сока. Увидев в кабинете Каневского, Моника ничуть не растерялась, а бросив взгляд в его сторону, заявила, что помнит время явки в прокуратуру, а потом обратилась к врачу:

– Зинаида Петровна, что случилось?

– Вы о чём? – поинтересовалась та.

– На каком основании не пускают меня к папе и даже не берут передачу? Ему что плохо? Только прошу вас... не скрывайте от меня ничего.

– А вы как бы хотели? Как вас там... Моника или...

– Моника я, – перебила она Каневского. – И хотела бы видеть своего отца крепким и здоровым.

– Что-то не верится, глядя на ваш пакет... Хорошо, но не полезно вы его подкармливаете, – сказал тот, подойдя к ней, взял пакет из её рук. Заглянув в него, продолжил: – А он всё хиреет. От чего бы это? – спросил и пристально посмотрел в глубину её глаз.

От этого взгляда у неё мурашки забегали по спине. В это время в портфеле Каневского зазвонил мобильник Моника. Он быстро достал его, нажал на кнопку и поднёс к уху.

– Сегодня в девятнадцать на том же месте. Поняла? – послышался в трубке грубый мужской голос.

– Да, – еле слышно и, делая как можно тоньше голос, прошептал следователь и, нажав на сброс, посмотрел на Моника, а потом произнёс: – Сегодня в девятнадцать на том же месте...

Моника растерянно посмотрела на него и опустила глаза, а Каневский продолжил:

– Кто этот незнакомец?

– У него спросили бы... Я откуда могу знать? Кто-то ошибся номером, – уже более смело ответила она.

– Уж нет. Это тот, который вас ранее курицей называл. Так кто он?

– Чего вы ко мне пристали? Вам какое дело до того, кто мне звонит по моему телефону... И вообще у вас есть право забирать чужие вещи, подслушивать разговоры и лезть в чужую жизнь?

– Есть, – резко ответил Каневский, скрытно доставая наручники из следственного портфеля. – В рамках уголовного дела расследование, которого мне поручено прокурором.

Он заложил руки за спину, в которых держал наручники и медленно подошёл к Монике. Врач увидела их, растерянно прикрыла рот правой рукой и, не отводя глаз, смотрела на Каневского. Стажёр, поняв намерение следователя, подошёл к входной двери и встал сзади Моника.

– Покажите ваши руки, – потребовал Каневский, глядя в лицо девушки.

Та, как кролик, спасовав перед удавом, вытянула обе руки вперёд, повернув ладони вверх. Каневский в одно мгновение защёлкнул на них наручники. Моника дёрнулась назад, но упёрлась в широкую грудь Олега. Лицо её вмиг зарделось, глаза наполнились страхом.

– По-о-чему вы так? – заикаясь, спросила она.

– Кто вы? – поинтересовался следователь. – Ваше настоящее имя и фамилия?

– Почему вы спрашиваете об этом? У вас мои документы... – попыталась возмутиться она, но Каневский резко оборвал её, перейдя на «ты».

– Зря ерепенишься. Отвечай на вопрос.

– Я буду жаловаться. Как вы смеете?

– Твой паспорт, гражданка... пока что неизвестная... липа. Ленинградская область это подтвердила. Кроме этого, из Дрогобыча пришла телефонограмма по моему запросу, где сообщается, что и свидетельство о твоём рождении фиктивное, а хуже всего... экспертом исследованы напитки, которые ты приносишь Кравчуку... и, конечно же, не являющимся твоим отцом... заряжены ядами. Ты медленно убиваешь его. Всё кончено. Кто твои кукловоды?

Девушка потупив взор, заплакала. В кабинете наступила тишина, которую иногда нарушал всхлип плачу-

щей. Вдруг она решительно подняла голову, вытерла тыльной стороной кисти глаза, размазав тушь по щекам, как-то задумчиво устремив свой взгляд в никуда, заявила:

– Я знала, что этим кончится. Меня заставили сыграть эту роль. Они угрожали мне и моим родителям. Они же изготовили для меня фиктивные документы... каждый мой шаг контролировали. Я всё расскажу и покажу, где они живут.

– А отравление Кравчука чья идея?

– Их, конечно, но я давала в половину той дозы, которую должна была по их приказу. Они хотели забрать весь его бизнес, используя меня. Они и врача своего посылали к нему в больницу, чтобы тот сказал, что папа... простите, Михаил Степанович не жилец, и чтобы он позаботился о завещании, что он и сделал, оформив на меня. Я слышала их разговор об этом. Они сначала хотели просто застрелить или взорвать его, но в таком случае получить бизнес будет трудно, и решили вот таким путём. Они давно за ним следили, а когда он уехал в Петербург, то они и меня из Львова привезли туда. Ну, а дальше уже шло всё как по маслу. Знакомство в ресторане... фото, которое они же дали, как бы случайно высунувшееся из сумочки, а на нём Михаил Степанович и Оксана Луценко... якобы моя мать. Но они, наверное, её убили... и мать её в ленинградской области тоже. Одним словом сделали так, чтобы проверить было невозможно. После смерти Михаила Степановича... его бизнес должен был перейти ко мне, а я потом должна была якобы продать какому-то Ющенко Максиму Гавриловичу. Он же, как я после поняла, и руководил ими.

– Вот этот день продажи стал бы для тебя последним в твоей жизни, – заметил Каневский, а потом спросил: – Так ты-то кто?

– Я Головецкая Яна Иосифовна.

– А что за врач приходил к Кравчуку. Кто он?

– Я не знаю. Но он работает здесь в Москве. Наверное, подкупили его.

Каневский вопросительно посмотрел на Зинаиду Петровну, и та, двинув плечами, ответила:

– Я слышала об этом от медсестры, но подумала, что родственники организовали консультацию или проверку по поводу моих назначений в его лечении.

Следователь, продолжая складывать мозаику событий, обратился к Яне:

– Наводка на инкассаторов и передача маршрута передвижения... твоя работа?

Та в неловкости опустив глаза, ответила:

– Моя. Они требовали сообщить, если в фирме будет осуществляться подобное... Я и сообщила.

– И в милицию не позвонила умышленно?

– Да... Выполняя их указание.

– Ты, Яна, всё время называешь своих хозяев «они», «их», а по фамилиям и именам можешь называть?

– Могу... то, что мне известно... Со мной контактируют по телефону или подкарауливают, когда я выйду на улицу... это после того, как вы мой телефон забрали... Любомир и Эдик... фамилий их я не знаю... Они приехали с Львовщины... они же и тренировали меня под дочь Кравчука... и передавали приказы и указания главного... Ющенко... Рыжий со шрамом на губе, который убит во время нападения на инкассаторов – Ярослав Гущенко, а с лицом побитым оспой по кличке «Ка-

рвый»... Леонид Стахов... Он ранен и сейчас лечится на дому. Может, его лечит тот врач, что приходил к Кравчуку в больницу. Ещё один, Стахов и Гущенко его называли «Чистильщиком», а кто он, я не знаю.

– А ты жила в Ленинградской области в доме матери Оксаны Луценко?

– Нет. Но на фотокарточке мне Любомир показывал и рассказывал о ней и её дочери Оксане. Об их характере, привычках и прочем. Когда я ехала из Петербурга в Москву, меня сопровождали Гущенко и Стахов, – ответила Яна и тут замолкла, услышав за спиной скрип двери.

В ординаторскую заглянул Кравчук. Его синюшное лицо и трясущиеся руки были узнаваемы для находившихся в кабинете. Увидев, что тут многолюдно, уже хотел было закрыть дверь, но нахождение там Моники остановило его. Войдя в кабинет, болезненный взгляд Кравчука скользнул по лицам присутствующих и остановился на наручниках Моники.

– Доченька, это что? Почему так? – в его голосе чувствовалось волнение.

Та опустила глаза, не отвечая на вопрос. А он стоял перед ней и ожидал ответа, но его не последовало, и он настоятельно повторил:

– Моника, почему так?

– Михаил Степанович, а это не Моника, – сказал Каневский, подходя к нему.

– Как это не Моника? А кто?

– Это Яна Головецкая, и не знаю, огорчу я вас или обрадую... Она не ваша дочь... и болеете вы не потому, что ваш организм даёт сбой, а по задумке и жестокому плану её и её хозяев, которые решили таким образом

завладеть всем вашим движимым и недвижимым. Вот так-то.

Плечи Кравчука начали вздрагивать, по щекам покатались слёзы, и он, закрыв лицо ладонями, заплакал, а потом повернулся и мелкими шажками пошёл к выходу.

– Михаил Степанович, – кинулась к нему Яна. – Простите меня... Меня заставили. Мне очень жаль, что так получилось. Вы хороший человек, у вас доброе сердце... я в этом убедилась. Простите меня.

Он остановился и долгим глубоким взглядом посмотрел в её лицо, а потом тихо промолвил:

– Не у меня прощение проси... У Бога.

С опущенной головой, поникший он вышел из кабинета, а Яна всё смотрела на закрывшуюся за ним дверь и тихо плакала. Это были слёзы не только сожаления о происшедшем и жалости к нему, если таковая у неё возникла, а от безвыходности и страха перед неизвестностью, которая ничего хорошего не сулила, обещая строгое наказание за неудачно сыгранный трагический «спектакль».

– Яна, у меня к тебе ещё один устный вопрос, а чуть позже я допрошу тебя более подробно... Вот в этом пакете, что ты принесла Кравчуку, есть яды? – спросил Каневский.

– Есть. В минералке и в соке. Мне Любомир приказал увеличить дозу. Они торопились достичь своей цели до начала прохождения ДНК.

– И ты выполнила приказ?

– А что мне оставалось делать... Когда Михаил Степанович подписал завещание на меня... они хотели застрелить его, но поразмыслив, отменили своё решение,

потому как поняли, что это только будет во вред. Завещание станет под подозрением, а я под прицелом закона... И они решили сделать так, чтобы он умер в больнице.

– Понятно, – произнёс Каневский.

Глянув на стажёра, решил поручить ему доставить Яну в изолятор временного содержания РОВД, куда сам после собирался приехать. Следователь оформил процессуальное изъятие бутылки воды и пакет с соком, а потом поблагодарил Зинаиду Петровну, которая уже писала новое назначение медикаментов и капельниц Кравчуку, пошёл дополнительно допрашивать его с учётом показаний Головецкой. Но всё, что он узнал о происшедшем, сильно потрясло его, и он уговорил следователя перенести допрос на несколько дней. Лишь взглянув на фотокарточку рыжего со шрамом на губе, опознал его, заявив, что именно его он видел в поезде, после чего лёг в постель и попросил оставить его наедине.

Вернувшись на своё рабочее место, Каневский допросил прибывших свидетелей по делу, доложил прокурору о задержании Головецкой, она же Луценко, сделал запрос в УВД Львовской области о подтверждении её личности, а также ориентировал об убийстве Луценко Оксаны, совершённое преступной группой Ющенко, и это же сделал в УВД Ленинградской области об убийстве её матери. После этого собрался выехать в РОВД, но никак не мог завести автомобиль. Подняв капот, он долго копался под ним... наконец, нашёл неполадку и запустил двигатель. Причиной всему оказалась неплотность клеммы на аккумуляторе. Глянув на рукава своей ветровки, которые оказались ис-

пачканными, Каневский вернулся в кабинет и переделал в запасную одежду, находившуюся всегда в шкафу. В этот момент позвонил стажёр, спрашивая, что ему делать дальше.

– Жди меня. Я выезжаю, – ответил Борис.

Проехав несколько перекрёстков, его вдруг взмахом жезла остановил работник ГАИ, и Каневскому пришлось припарковаться на обочине.

– Старший госавтоинспектор капитан Грачёв, – представился тот. – Прошу предъявить водительские документы.

Каневский полез в карман пиджака и вдруг вспомнил, что второпях оставил все документы и удостоверение личности в кармане ветровки, хлопнул себя ладонью по лбу и объявил:

– Дырявая башка... после ремонта автомобиля переделался в кабинете, и в той одежде остались все документы. Я старший следователь прокуратуры, прошу меня извинить за мою рассеянность.

– А я замминистра внутренних дел. Чем докажете? – пошутил инспектор.

– Товарищ капитан... честное слово... я правду сказал.

– Я этого не знаю. Мне нужны ваши водительские документы и техпаспорт на автомобиль.

– Ну, позвоните моему прокурору...

– Я не обязан это делать. Это ваши проблемы. А вдруг вы угнали машину и выдаёте себя за работника прокуратуры, – прервал его инспектор.

– Ну, поймите, капитан... задержана подозреваемая в совершении ряда тяжких преступлений, и я спешу в РОВД... Позвоните начальнику РОВД Марфичеву Александру Анатольевичу...

– Всё, разговор окончен. Автомобиль и вы, в том числе, задерживаетесь до выяснения личности, – вновь оборвал его инспектор. – Выйдите из салона.

Вспомнив о начальнике ГАИ Северо-Западного округа Москвы Нагибневе, он решил позвонить ему. Однако и телефона не обнаружил в своих карманах. Выйдя из машины, он попросил инспектора дать ему мобильник, но тот отказал, сославшись на отсутствие такового. Увидев проходившую по тротуару девушку, он обратился к ней и попросил телефон. Та, стрельнув глазами на красивое лицо Каневского, достала из сумочки телефон и с улыбкой протянула ему. Набрал номер начальника ГАИ, он ожидал поднятия трубки, бросая взгляды на инспектора и на девушку, глаза которой выдавали определённую заинтересованность, в таких случаях говорят глаза с поволокой. На радость Бориса на звонок ответили.

– Иван Павлович, Каневский с добрыми пожеланиями...

– Борис Фёдорович, взаимно. Слушаю, – ответил тот. – Проблемы?

– Они, проклятые, – и он объяснил ситуацию...

– Дайте трубку Грачёву.

Каневский протянул трубку инспектору. Тот нехотя взял её, прослушал указание начальника, вернул трубку со словами:

– Больше так не делайте. Документы всегда надо возить с собой. Ну хотя бы удостоверение личности, а то ведь никакого.

– Так получилось. Простите, капитан. Спасибо за науку, – сказал Каневский. – И вам, девушка, спасибо за помощь, – поблагодарил он, возвращая телефон.

– Спасибо – это много, – ответила она и ушла, оглядываясь.

Каневский уехал. В РОВД его уже заждался стажёр. Он привёл ему в кабинет для допроса Головецкую, которая подтвердила с дополнениями данные ранее показания и согласилась показать адреса её соучастников.

После её допроса Каневский зашёл к Марфичеву и сообщил ему о своём плане по задержанию преступников, а в конце спросил:

– ОМОН вызываем или спецназ?

Тот подумал и ответил:

– Сами справимся. Мои бойцы не хуже, только и того, что без масок.

Он тут же вызвал начальника угрозыска капитана Ярова, которому поручил срочно создать группу работников, получить оружие и быть готовыми к выезду. Спустя пятнадцать минут тот вернулся и доложил о готовности.

Каневский, Марфичев, стажёр Маслов Олег и Головецкая сели в машину Каневского, выехали из РОВД. За ними следовал автомобиль с затемнёнными стёклами, в салоне которого находились автоматчики РОВД. Головецкая указывала путь продвижения, и возле 67-й городской больницы попросила остановиться.

– Вот в этом доме, – и она указала на девятиэтажку с двумя подъездами. – Левый подъезд, второй этаж, квартира первая слева как ступите на площадку. Окна на обе стороны. В квартире раненый Стахов... могут быть Любомир, Эдик и Степан... водитель. Когда я посетала эту квартиру, то они были там.

Марфичев по телефону позвал Ярова, и тот пересел в машину рядом с Головецкой и Олегом.

– Пошли двух своих в цивильном, пусть займут позицию с тыльной стороны здания. Двое останутся контролировать парадный вход, а остальные трое с тобой на второй этаж... квартира слева первая. Начало по моему сигналу. Вопросы есть? – озадачил начальник РОВД.

– Никак нет, товарищ майор, – ответил тот.

– Тогда возвращайся и посылай первую и вторую пары...

Вдруг Головецкая резко приподнялась, указывая рукой на тротуар, и с беспокойством в голосе произнесла:

– Вот тот врач, который приходил в больницу к Михаилу Степановичу.

Все обратили на него внимание. Неся в руке чемоданчик предположительно с инструментами и медикаментами, он направлялся к первому подъезду дома, который интересовал оперативно-следственную группу. Каневский мгновенно выскочил из машины, быстро направился наперерез и встретился с ним возле самой двери подъезда. Врач уже протянул руку к ручке двери, но тот его остановил.

– Минутку, доктор. Вы к Лёне Стахову?

Тот пристально посмотрел на незнакомца и, опуская руку, задал вопрос:

– А вы кто?

– Я человек Ющенко... Максима Гавриловича. Дело в том, что у Лёни сейчас посетитель, а вы пройдите со мной в другой подъезд. Как только он уйдёт... зайдёте вы, – сказал Каневский и, взяв за локоть врача, повёл его в другой подъезд. – Тот не должен видеть вас.

Марфичев, наблюдая за происходящим, произнёс с волнением в голосе:

– Что он делает?

– Сидите спокойно, – сказал Олег. – Каневский знает, что делает. Значит, у него созрел план... с появлением этого человека.

Каневский тем временем завёл врача в подъезд и, глянув на чемоданчик, спросил:

– Доктор... вы всё необходимое взяли?

– Несомненно. Больному сейчас нужны перевязка, капельница и уколы... помимо сделанных ранее назначений, – и глянув в лицо Каневскому, вопросительно добавил: – Я что-то вас раньше не видел.

– А вы когда последний раз были у шефа... у Ющенко? – спросил тот.

– Позавчера... Докладывал ему о состоянии здоровья Стахова и решали другие вопросы. А что?

– А я со Львова приехал вчера, поэтому вы меня и не знаете.

– Тогда как вы сейчас определили, что это я иду, а не кто-то другой? Странно, по крайней мере.

– Для этого есть фотокарточки. Вы же ему сказали, что будете сегодня у Стахова. Не так ли?

– Ну, да... Понятно.

В это время дверь первого подъезда глухо стукнула, и послышались удаляющиеся шаги. Каневский выглянул, приоткрыв дверь, и сказал:

– Вот всё. Через минуту мы пойдём. Ещё раз повторю: это делается для того, чтобы тот человек не видел вас... Забыл, как к вам обращаться?

– Николай Полиектович. Более чем странно... – многозначно ответил он.

– Что вы имеете ввиду?

– То, что вы шли со мной на встречу и не запомнили моё имя и отчество.

– Я просто не придавал этому значения. В мои обязанности входило дожидаться вас и проводить в квартиру после выхода того человека. Если бы вы сейчас назвали себя другим именем, то я бы согласился и с этим. Ваше имя прозвучало для меня тогда, когда я был в полусонном состоянии.

– А я и так сказал не настоящее, чтобы проверить вас.

– Да мне до лампочки ваше имя. Идёмте.

Они вышли из того подъезда и направились в нужный. Как только за ними закрылась входная дверь, Марфичев подал команду, и все бросились выполнять поставленную им задачу.

Каневский и врач в это время подошли к дверям квартиры и остановились. Каневский смотрел на врача, а тот на Каневского.

– Ну-у... вашим кодом... стучите, звоните, – сказал врач, пристально глядя на него, продолжая испытывать.

– Я туда не буду входить. Вы заходите, а я уезжаю к шефу...

Врач постучал в дверь громко и тревожно, после чего быстро встал к стенке. В это время за дверью прогремели два выстрела. Пули просвистели возле самого лица Каневского и впились в противоположную стену. На дверном полотне образовались две дыры, из которых торчали щепки.

– Уходите! – закричал врач.

Каневский ударил его в подбородок, да так, что получился нокаут, и врач, роняя чемоданчик, упал на пол.

Подбежавшие Марфичев и другие работники милиции встали по сторонам.

– Я следователь прокуратуры Каневский. Дом окружен. Соппротивление бессмысленно. Откройте дверь и выходите без оружия, – прокричал он.

В это время соседняя дверь приоткрылась, и высунулась седая голова мужчины. Марфичев махнул ему рукой, и он исчез, захлопнув дверь, как в тот же момент загрели выстрелы в комнате и на улице. По звуку можно было понять, что стрелявший находится на балконе. Каневский отошёл к противоположной стене, вынул пистолет и ринулся на дверь. От удара дверь с грохотом распахнулась. Вбежав в квартиру, он увидел человека на диване, направившего на него пистолет.

– Лёня, не надо... У тебя есть шанс жить дальше. Брось пистолет, – спокойно сказал Каневский.

Это был Стахов. Несколько секунд ему было достаточно, чтобы оценить ситуацию... и пистолет глухо упал на пол.

– Сколько человек в комнатах?

Стахов поднял один палец вверх, а потом показал на балкон. Каневский сделал три шага к балкону и увидел ноги лежавшего навзничь человека. Заскочив туда и увидев его в луже крови, он перегнулся через перила и посмотрел вниз. Там, на земле, лежал работник милиции, поджав коленки. Лицо его было бледное и скривленное. Рядом с ним другой звонил по телефону.

– Что у вас там? – крикнул с балкона Каневский.

Милиционер поднял голову, выругался, а потом ответил:

– Этот шакал ранил моего товарища... «Скорую» я уже вызвал. Пришлось его успокоить.

– Серьёзно ранен? – спросил Марфичев, выглянувший из-за плеча Каневского.

– Сквозная в правой стороне живота, товарищ майор. Одного мы проворонили. Ушёл, гад, – сообщил с сожалением милиционер.

– Как это? Вы вдвоём и проворонили? Накажу! Рапорта мне на стол! – закричал Марфичев.

– Да мы здесь, собственно говоря, и ни причём... Мы только из-за угла, чтобы занять позиции... а он в это время спрыгнул и дал стрелкача. Я за ним, а Носов остался на посту. Я, конечно, не успел. Там у них «тачка» стояла, и он укатил. Я выстрелил и попал в заднее стекло... только и того, а когда вернулся, Носов вступил в перестрелку. Я тоже подключился.

– Это плохо, – сказал Каневский Марфичеву. – Надо торопиться. Он сейчас сыграет тревогу остальным, и ищи ветра в поле. Оставляйте своих людей здесь и поехали. Головецкая покажет. Ах, да... она же сказала, что не знает, где живёт Ющенко.

– Я знаю, – вдруг раздалось из комнаты. – Я скажу. Этот, сука, запретил меня везти в больницу и этого коновала приставил. Так он лечит так, чтобы я быстрее сдох.

Каневский и Марфичев вернулись в комнату.

– Давай, Лёня, говори... Мы прямо сейчас отправим тебя в больницу, – предложил Каневский.

Стахов сразу же охотно назвал адрес и даже рассказал, как быстрее туда можно доехать. Это оказалось в частном доме на окраине города Красногорска близ Павшинской Поймы. К этому времени прибыла «скорая» помощь. Каневский, при помощи Марфичева, отправил Стахова с охраной в больницу, а заодно и ране-

ного Носова, убитого – в морг, а врача и Головецкую с Олегом в РОВД с наказом допросить врача и ожидать там же. Но прежде всего ему, по указанию следователя, надо было произвести осмотр места происшествия, зафиксировать нахождение и положение трупа, место ранения милиционера и детально обыскать квартиру.

Марфичев, оставив начальника угрозыска и двух милиционеров, вместе с Каневским и остальными выехали в Красногорск.

При въезде в город на посту ГАИ их остановил инспектор в звании лейтенанта. Марфичев, предъявив своё удостоверение личности, объяснил, что преследуют красные «Жигули» с разбитым задним стеклом, в котором находится вооружённый преступник, и что он торопится предупредить остальных своих соучастников.

– А я видел красные «Жигули», проехавшие по полю Павшинской Поймы в сторону частных домов, – сообщил инспектор. – А вам какой адрес нужен?

Марфичев назвал, и тот участливо пояснил:

– Лучше всего вот в первый проулок налево, до следующего перекрёстка снова налево... А лучше давайте-ка за мной. Я заодно окажу родственной службе помощь.

– Нет, лейтенант. Свою машину с мигалками оставь. Садись в нашу. Так будет надёжнее, а то нас засекут загодя, – сказал Каневский, и тот сел третьим на заднее сиденье.

Лейтенант, как потом оказалось, был аборигеном Красногорска и город знал как свои пять пальцев. Выехав в проулок и проследовав метров сто, он попросил остановить автомобиль. Каневский, припарковав его у ограды, заглушил мотор, и все вышли из машины.

Инспектор подошёл к ограде и показал пальцем:

– Вот на той улице видна красная металлическая крыша. Это и есть тот дом. К нему надо подойти либо через этот участок, но можем нарваться на окрик его хозяина, либо сейчас пройти вперёд, повернуть направо и прямо к дому.

– Пойдём по улице, – предложил Марфичев, – нето действительно выскочит хозяин участка, и пока ему объяснишь...

– Сделаем так, – перебил его Каневский. – Вы, Александр Анатольевич, пролазите между досок ограды и идёте к дому хозяина участка, объясняете ему нашу цель и жестом зовёте остальных, я же... пойду по улице, как ни в чём не бывало и заодно посмотрю обстановку, а вам, лейтенант, лучше снять фуражку и свою бросающуюся в глаза цветную жилетку и оставить в салоне машины. Такой расклад принимается?

Марфичев размышлял, кусая ноготь. Лейтенант тоже задумался, глядя на пиджак опера уголовного розыска, а потом быстро снял фуражку, галстук и жилетку, как назвал её Каневский, и кинул их в салон.

– Снимай пиджак, – потребовал он у опера.

Тот удивлённо посмотрел на инспектора, но медленно снял и протянул ему. Надев пиджак, он твёрдо заявил:

– Пойду я. Вдруг я ещё и знаю его. Так легче объяснить.

– Тогда так и порешим, – обрадовано произнёс Марфичев. – Рукой нам махнёшь, и мы мигом.

Каневский только сделал несколько шагов вперёд, как вдруг Марфичев остановил его:

– Борис Фёдорович, я знаю тебя как сорви-голову. Ты всегда лезешь на рожон. Не вляпайся на этот раз... Или, может, ты со мной, а вместо тебя пойдёт вот... мой боец?..

Тот посмотрел с улыбкой, молча поднял руку и в развалку пошёл по улице. В это же время инспектор через огород, засаженный картофелем, пошёл к жилому дому.

Как только Каневский повернул в проулок, то сразу же увидел красные «Жигули» возле калитки дома с красной крышей. Увидев человека, соседская дворняжка начала заливаться лаем. Борис, нагнув голову, спокойно шёл по правой стороне проулка и из-под козырька кепки контролировал обстановку... руки – в карманах пиджака, а указательный палец правой нетерпеливо гладил спусковой крючок пистолета. Чем ближе он приближался к дому, тем сильнее учащалось сердцебиение. До «Жигулей» оставалось уже метров двадцать, как заскрипела дверь дома, и на крыльцо один за другим вышли с сумками в руках три человека. Каневский продолжал приближаться, шёл пошатываясь, изображая подвыпившего. Тройка в это время прошла по двору, открыла калитку и стала укладывать сумки в багажник. Один из них подошёл со стороны двери водителя, открыл её. Каневский в это время поравнялся с «Жигулями».

– Слышь, братуха, – обратился он к стоящему у дверцы. – До Спаса не добросишь? Я заплачу.

Тот свирепо посмотрел на него, а потом грубо ответил:

– Канай своей дорогой.

– Ну чего ты, братуха? Подкинь. Здесь же рядом.

– Я тебе русским языком сказал? Пошёл отсюда. Не то...

– А то что? – оборвал его Каневский. – Я же к тебе по-человечески, а ты как зверь. Разве я тебя обидел? – он старался растянуть диалог, чтобы подоспел Марфичев со своими. – Подбрось?! Ну, будь человеком.

Те двое, закончив запикивать сумки в багажник, захлопнули крышку и сели на заднее сиденье, а Каневский обошёл того, с кем разговаривал, встал впереди и, глядя на своего собеседника, скривил лицо, сощурился глазами, и уламывающим голосом продолжил:

– Ну... подбросишь?

Тот выпучил глаза и кинулся к Каневскому с намерением ударить, но, присев, он уклонился от удара, а потом нанёс ему удар в живот, отчего тот согнулся и упал на колени. Следователь выхватил пистолет и громко потребовал:

– Выйти всем из автомобиля! Руки держать так, чтобы я их видел!

Оба стали выходить на разные стороны, что в какой-то степени затрудняло Каневскому контролировать действия всех троих. В этот момент упавший на колени выхватил пистолет и направил его на следователя, но тот ударом ноги в грудь опрокинул его, и мужчина упал навзничь, однако, падая всё же успел нажать на спусковой крючок... прогремел выстрел, пуля прошла где-то рядом.

Опасаясь повторного выстрела, Каневский выстрелил ему в правое плечо, тот дико закричал, выронив пистолет, Каневский носком ботинка отбросил его в сторону. Воспользовавшись этим, выходящие из машины тоже схватились за пистолеты, отпрыгнули за

багажник и открыли беспорядочную стрельбу по Каневскому. Но тот упал на землю, укрывшись за корчившимся от боли раненым бандитом. Присмотревшись под клиренсом, Каневский увидел ноги одного из них. Прицелившись, выстрелил. Тот застонал от боли, бросил пистолет и стал валяться по земле, схватившись обеими руками за ногу. В это время затрещали выстрелы со стороны дома напротив.

– Не стрелять! – закричал Каневский.

Стрельба прекратилась. Вмиг стало тихо, слышны были лишь стоны раненых.

– Вы окружены! – прокричал Каневский. – Бросайте оружие на землю и выходите с поднятыми руками! Законность и объективность расследования гарантирую!

Вновь тишина...

– Я сдаюсь! – послышалось из-за автомобиля, и брошенный пистолет упал на проезжую часть дороги.

– Я тоже, – сквозь зубы процедил второй, одной рукой зажимая рану ноги, а второй отбросил пистолет.

Через калитку соседнего дома выбежали Марфичев, инспектор и два опера, которые взяли в кольцо задержанных.

Каневский поднялся, подобрал тонкую палку и аккуратно нанизал на неё спусковые скобы пистолетов. Перевязав раненых, надел им наручники. Марфичев незамедлительно вызвал из РОВД конвой, позвонил в службу «скорой помощи». Пока ждали их, Каневский произвёл осмотр места происшествия, осмотрел автомобиль и жилой дом. Были обнаружены важные документы, касающиеся захвата бизнеса Кравчука, оружие, боеприпасы, поддельные документы личности и прочее интересующее следствие.

Перед отправкой задержанных Каневский, глядя на всех троих, думал: «Кто из них, кто?» Вспомнив имена, перечисленные Головацкой, решил хитростью получить ответ на этот вопрос и внезапно обратился, глядя на них:

– Любомир!

Один из них поднял глаза и, ничего не говоря, смотрел на него.

– Ты откуда родом? – спросил он.

– Оттуда... – со злостью ответил тот.

– А ты, Эдик?

– Тоже, – таким же озлобленным тоном ответил второй раненый в плечо.

Каневский, глянув на третьего раненого в ногу, заинтересовался:

– А вы, Максим Гаврилович? Тоже оттуда? Я уже обращаюсь к вам на вы по известной причине... Шеф же всё-таки... этой преступной западно-украинской банды... Посланников смерти.

Тот ничего не ответил, молча сидел на земле.

Поразмыслив с минуту, Каневский вспомнил, что первым сдался Любомир, напрашивался вывод: «Значит, самый слабый». Борис подошёл к нему, взял за локоть и строго сказал:

– Вставай.

И следователь повёл его во двор, а затем завёл в избу. У задержанного от страха забегали глаза, видимо, подумал, что его хотят застрелить.

– В этом доме давно живёшь?

– Чуть больше двух месяцев, – с дрожью в голосе ответил тот, и глаза его стали умоляющими.

– Хочешь остаться в нём? – задал очередной вопрос Каневский и полез правой рукой в свой карман.

Этого оказалось достаточным. Любомир посчитал, что сейчас всё будет кончено. Он не знал, что следователь своими вопросами подводит к тому, чтобы склонить его к разговорчивости, пообещать отпустить под подписку за названный адрес «Чистильщика».

– Не надо! – закричал он и встал на колени. – Умоляю вас... не надо... у меня жена, дети... родители больные... Я всё скажу... всё, всё, о чём вы спросите. Ничего не скрою.

Каневский сначала не понял, чего испугался Любомир, но тут же догадавшись, произнёс:

– Хорошо... Где «Чистильщик»?

– Он живёт отдельно. Адрес я не знаю, а показать могу... Снимает на первом этаже однокомнатную квартиру. Его Ющенко привёз со Львова... Зовут Ростислав, больше о нём ничего не знаю.

– Сколько на его счету убийств?

– В Дрогобыче... Луценко Оксана, под Питером – старуха, мать Оксаны. Как звать и фамилию не знаю... паспортиста, который делал документы Яны... а здесь она Моника, тоже под Питером, фамилию не знаю... Так... Потом... работницу ЗАГСа на Львовщине, о ней я тоже ничего не знаю, но она якобы делала метрику Монике... И ещё здесь в Москве одного, но об этом я ничего не знаю. Ющенко везде его направлял. А кроме этого... он же снабжал Моникау отравой для Кравчука с целью, чтобы тот медленно умирал.

– Это всё?

– Да, всё. Но это только то, что мне известно.

– Хорошо, Любомир... Мы с тобой чуть позже поговорим более детально, а ты подумай, повспоминай, может ещё что забыл сказать.

Каневский задумался и стал расхаживать по комнате, кусая тыльную сторону указательного пальца левой руки. Любомир смотрел на него, ожидая очередного вопроса. Вдруг его осенило, и он хлопнул себя ладонью по лбу, вскрикнув:

– И точно забыл!

Следователь остановился весь во внимании:

– Что именно?

– Про подвал. Здесь, в этом доме, Ющенко заставил нас оборудовать тайник, и мы это сделали. В нём он хранит оружие, ментовскую одежду, взрывчатку и всё другое. Оттуда он дал автоматы Ярославу Гуценко и Лёне Стахову для захвата инкассаторской машины. Попробуйте отодвинуть вон тот комод... Под ним люк.

– Спасибо. Не будем время терять. Поедем к «Чистильщику», а подвал обследуют другие. Идём.

Выйдя из дома, Каневский посадил Любомира в автомобиль, а сам наказывал стажёру, что надо сделать. Тот кивал головой, хотя глаза выдавали растерянность. Это заметил следователь, в голове пронеслось: «Что я делаю? Такую столь серьёзную работу поручаю стажёру... Нельзя».

– Нет. Сделаем по-другому. Я сейчас доложу прокурору, и он пошлёт следователя для повторного осмотра дома, сарая, огорода и автомобиля. А ты скажешь ему, что в горнице слева под стеной стоит комод, а под ним люк в подвал. А там оружие, взрывчатка и прочее. Одного опера мы тебе оставим. Мы же с Марфичевым поедem к «Чистильщику»... Это их киллер. Всё понял?

– Так точно, Борис Фёдорович, – уже веселее ответил стажёр.

Каневский по мобильнику позвонил прокурору, доложил о результатах дня, продиктовал адрес места нахождения стажёра и сообщил о своём выезде для задержания «Чистильщика». Тот по всем статьям отругал его за неиспользование бойцов спецназа или ОМОНа, а Каневский в трубку стал кричать: «Алё, алё... Не слышу. Ну и связь», – потом отключил телефон, глянул с улыбкой на Марфичева.

– Ну, что? Поехали, Александр Анатольевич. Заждался нас «Чистильщик».

– Поехали, – ответил тот решительно. – Твоему бойцу я оставляю одного своего, и пусть ожидают приезда следственной группы. Я невольно слышал ваш разговор со стажёром.

– А я разве не пригожусь? – спросил инспектор, облачившийся в свою одежду.

– А можешь? – спросил Марфичев.

– Без проблем, – ответил тот. – Сопровожу вас. Да, и может, дополнительно мой автомобиль пригодится.

– Тогда вперёд.

В это время прибыли медики, оказали помощь раненым и увезли их в больницу. Марфичев для их охраны направил одного милиционера и одновременно распорядился ему на помощь послать ещё одного из РОВД. Как только автомобиль «скорой помощи» отъехал, Каневский, Марфичев, оперативник Власов и инспектор ГАИ выехали. Дорогу им показывал Любомир.

– До вчерашнего дня он жил в другом месте, а сейчас здесь, рядом с каким-то то ли бассейном, то ли спортивным клубом, – сказал Любомир, проезжая по улице Живописной.

Слева промелькнуло здание прокуратуры Северо-Западного административного округа. Через три квартала он попросил остановить автомобиль, помня наказ Каневского – сделать это за квартал до цели.

– Это здесь? – спросил Марфичев задержанного.

– Левая сторона домов, – начал пояснять тот. – В конце квартала последний угловой дом. Подъезд от нас первый, на первом этаже квартира справа. Там площадка на две квартиры. Стучать нужно... один раз стукнули, секунду подождали и сразу три стука подряд.

– Любомир, – обратился к нему Каневский, – ты не обижайся... сам понимаешь... так надо, – сказал он, отстёгивая наручник с его руки и пристёгивая к сиденью водителя.

Тот промолчал и своими движениями даже помогал следователю. Борис, выходя из машины, глянул на стоявшего рядом опера и, незаметно для Любомира подмигнул глазом. Власов сразу понял, что от него хотят, достал свои наручники, нырнул в салон и пристегнул свободную руку Любомира ко второму сиденью. Таким образом, тот был лишён возможности отстегнуть наручники. Одна рука не доставала другую.

– Так будет надёжнее, – тихо промолвил опер, подходя к Каневскому. – Вы правильно решили.

Вся оперативно-следственная группа двинулась через центр квартала к дому, где проживал «Чистильщик». Пройдя метров пятьдесят, Каневский остановился. Посмотрев на Марфичева, потом на инспектора, промолвил:

– Сердцем чую... надо одному быть возле автомобилей и задержанного. Лейтенант, прошу вас, вернитесь.

– И точно, – поддержал его Марфичев. – Давай, лейтенант... Контролируй наш тыл.

– С вами интересней, ну да ладно, – ответил тот и нехотя пошёл обратно.

Остальные продолжили продвижение. Подойдя с торца дома к противоположному торцу, в котором находилась квартира «Чистильщика», и остановившись за углом, Каневский предложил сначала произвести разведку, а потом действовать. Марфичев согласился и обратился к Власову:

– Давай лейтенант, ты одет по-колхозному и на нашего брата не похож... вразвалочку войди в подъезд, пройдишь до верхнего этажа, но в квартиру не ломись... Посмотри всё и вся, окинь взглядом дверь квартиры «Чистильщика»... Какая она? Металлическая или деревянная, обрати внимание на запоры... и потом сюда, а мы подумаем, как лучше сделать... войти в квартиру или выманить его каким-то способом? Всё понял?

– Так точно, – коротко ответил тот, поправляя на голове кепку. – Ну, я пошёл?

– Иди. Да не самовольничай. Сделай только то, что я тебе перечислил.

Тот кивнул головой и вразвалку пошёл к подъезду. Выглядывая из-за угла, Каневский и Марфичев видели, как Власов открыл дверь подъезда и скрылся в нём.

Время тянулось...

Он тем временем, проходя мимо, глянул на крепкую деревянную дверь квартиры с двумя замками и пошёл по лестнице выше. На верхнем этаже постоял минут пять и начал спускаться вниз. Обратил внимание, что подъезд широкий, лифт отсутствует, и что на площадке каждого этажа расположено по две квартиры. Оказав-

шись на первом этаже, подойдя к двери, Власов прислушался, но за дверью никаких звуков не услышал. Присмотревшись к двери, заметил, что она не плотно закрыта. В это время, услышав стук захлопнувшейся этажом выше двери и цокот дамских каблучков, отошёл от двери и встал в стороне. Девушка, поправляя на плечах пышные волосы, приближалась, торопясь к выходу. Власов достал своё служебное удостоверение личности, шагнул к ней навстречу и, прижав палец к губам, шёпотом спросил:

– Кто живёт в этой квартире?

Она шарахнулась в сторону, двинула плечами и быстро направилась к выходу. Власов проводил её недовольным взглядом, и как только за ней захлопнулась дверь, вновь подошёл к двери квартиры. Глянув на широкую щель между дверью и косяком, он легонько надавил пальцем на дверь. Она поддалась. Тогда он тихо стал открывать её, и в этот момент на пол упала чека гранаты, к которой был привязан конец шпагата. Власов только успел сделать шаг назад, как тут же прогремел оглушительный взрыв. Дверь сорвало, и ударило ею Власова. Его отбросило к противоположной стене... спасло то, что дверь верхним ребром ударилась в стенку, а нижним как-то наперекос об пол площадки, и он оказался словно в пустом треугольнике.

Услышав взрыв, Каневский и Марфичев с тревогой в глазах переглянулись и бросились к подъезду. Но как только добежали до входной двери, со стороны улицы раздался выстрел. Каневский вскрикнул от боли и упал на крыльцо подъезда, чувствуя, как усиливается боль, как левый рукав всё сильнее намокает от крови. Мар-

фичев упал рядом с крыльцом подъезда и залёг за бетонную цветочницу, снайпер успел выстрелить по нему дважды, но пули ударились в цветочницу и рикошетом с визгом улетали в сторону.

Каневский, преодолевая боль, делал вид нежизнеспособного, а сам глазами искал место нахождения снайпера и, наконец, заметил, что тот стреляет через окошко с крыши соседнего дома, находящегося напротив через узкую улицу.

Марфичев в это время зашевелился, и снова прозвучал выстрел. Пуля после удара о бетон своим визгом засвидетельствовала, что цели не достигла. В окошке крыши показалось лицо снайпера. Он выглянул, чтобы оценить окружающую обстановку. Каневский, воспользовавшись этим, выстрелил. Тот дёрнулся назад и больше в проёме не показывался.

Тут из-за угла дома выбежал лейтенант. Увидев раненого Каневского, кинулся к нему, но тот остановил его своим окриком:

– С Марфичевым бегом вон в тот дом. На чердаке снайпер. Он ранен или убит.

– Борь, а ты? – забеспокоился начальник РОВД.

– Бегом, я сказал! – повысил он голос, и они побежали к дому.

Каневский, стиснув зубы, поднялся, положил пистолет в карман брюк и шагнул к двери подъезда, хотел посмотреть, что случилось с Власовым. Но дверь открылась, и он вышел на крыльцо, лицо было в крови, правая рука, как плеть, висела вдоль туловища и уже распухла. Припадая на левую ногу, он сделал ещё шаг и, глядя на Каневского, тихо и сбивчиво промолвил:

– Простите, Борис Фёдорович... Виноват... Не посмотрел... Неизвестный предупредил его, и он успел установить при входе растяжку.

Кто-то из жильцов позвонил в милицию и «скокую», сообщив о происходящем, и уже слышались приближающиеся спецсигналы обеих автомобилей. Первым подоспел милицейский. Из него выскочили два милиционера с автоматами наперевес, но, увидев в руке Власова открытое милицейское удостоверение, успокоились.

– В том доме на чердаке снайпер. Я его, наверное, ранил. – сказал Каневский. – Туда пошли начальник милиции и гаишник. Помогите им, – и милиционеры кинулись к дому.

Им навстречу из подъезда того дома вышел Марфичев и инспектор ГАИ, поддерживая под руки, вели снайпера, голова которого в бессилии была склонена на грудь, он еле передвигал ногами. На плече Марфичева висела снайперская винтовка.

– Стоять! – скомандовал он спешащим к ним милиционерам, и те сразу же остановились. – Там наши автомобили, а в них задержанный в наручниках. Возьмите под охрану, – приказал он, и они бросились в указанном направлении.

Он же сунул в портфель Каневского телефон снайпера и усадил его под стену дома.

Прибывшие медработники оказали первую помощь раненым Власову и Каневскому, а потом и снайперу. Пуля следователя попала ему в левое плечо и осталась там, а вот пуля снайпера насквозь пробила тело Каневского. Больше всех пострадал Власов. Сорванная взрывом дверь разбила его лицо, а осколки поразили левую

ногу и правую руку. Их обоих сразу же отправили в больницу. Туда же под охраной отправился и снайпер.

Осмотр места происшествия, обыск в квартире снайпера и другие следственные действия производил прибывший следователь Полетаев.

После хирургической операции Власов и Каневский находились двое суток в реанимации, после этого их перевели в двухместную палату. Как только они оказались там, сразу же по разрешению врача вошли на пять минут Даша, Димка, Пётр Степанович и Нина Фёдоровна, а также жена Власова. Они обступили своих родных. У Даши ручьём по щекам побежали слёзы, она не могла сказать ни единого слова, а встала на колени и взяла его руку, прижав к своей щеке.

– Дашенька, милая, родная, успокойся. Ну, ничего же страшного не случилось, – успокаивал он её слабым голосом.

Плакала тихо и Нина Фёдоровна, то и дело, вытирая ладонью набегавшие слёзы.

– А ну-ка... Развели здесь мокрые дела... Прекратите немедленно! – потребовал от них Пётр Степанович. – Ваше поведение тоже влияет на Борьку. Всё, всё... закончили. Или шагом марш в коридор.

Димка стоял возле матери и по-боевому мужественно, не выказывая своей слабости, смотрел на отца. Ему хотелось сказать какие-то утешительные слова, которые бы способствовали быстрейшему выздоровлению, но боялся открыть рот и расплакаться.

– Ну что вы на самом-то деле. Я ведь не умер... Живой и скоро буду с вами, мои родные... Дашенька, Нина Фёдоровна... перестаньте, – старался успокоить их Борис.

Возле Власова сидела его жена, тоже в слезах, а он тихо успокаивал её нежными словами.

В это время вошёл лечащий врач. Увидев эту сцену, сразу же потребовал:

– Так! Закончили расстраивать моих пациентов. Время посещения истекло. Прошу всех покинуть палату. Нам необходимо выполнять свои обязанности. Всё, всё... прошу вас выходить.

– Даша, Нина, Димка... идём. Выздоровливай, сынок, и быстрее возвращайся к нам, – сказал Пётр Степанович Борису.

– Спасибо вам всем, люблю вас, – ответил он.

Даша поднялась с колен, нагнулась к Борису и поцеловала его в губы. Пётр Степанович взял её за локоть и отвёл в сторону. Воспользовавшись этим, Димка наклонился и поцеловал отца в щёку. Тот придержал его рукой и прошептал:

– Сыночек, маму береги.

Он согласно кивнул головой, пожал его руку и вышел.

Когда все посетители ушли из палаты, врач остался и, глядя на своих больных, заявил:

– Отныне подобного наплыва посетителей я не допущу. Нельзя так. Ваши сердца должны быть в спокойном режиме.

– Доктор, для нас это во сто раз полезнее всех медицинских препаратов, – ответил ему Каневский.

– В любом случае здесь я командую, кому что полезнее, – колынул его врач, и в это время в палату вошла медсестра с подносом, на котором лежали шприцы, таблетки, бинты и прочее необходимое для лечения и перевязки раны.

Двадцать минут врач занимался с больными, потом и он, и медсестра ушли. В палате воцарилась тишина. Каждый размышлял о своём... но Власов нарушил молчание и слабым голосом, словно мысли вслух, промолвил:

– Кто же предупредил «Чистильщика»?

Каневский от раздумий о своей только что ушедшей семье сразу же переключился на сказанное Власовым. Его глаза вдруг скользнули и остановились на стоявшем под стулом следственным портфеле, который всё это время находился сначала у медсестры, а теперь здесь.

– Так, постой... У меня же в портфеле телефоны всех задержанных. Только достать бы его... – Каневский сквозь боль стал пытаться дотянуться до него, и, наконец, подтащил к койке. Полежав немного, восстановив потраченные силы, которые сейчас отбирали болевые ощущения, открыл портфель и себе на грудь выложил все телефоны. Поочередно обследуя их, он определил телефон «Чистильщика», нашёл поступивший вызов и включил его. Сразу же раздался звонок в телефоне Ющенко.

– Вот тебе, Власов, и ответ, – произнёс он. – Ющенко сообщил, и скорее всего сделал это тогда, когда я с Любомиром был в доме.

– Гад лохматый...

С этого дня ежедневно кроме родных и близких в палате Каневского и Власова бывали сослуживцы и руководители прокурорско-милицийских структур. Уголовное дело в отношении Ющенко и всех его соучастников находилось в производстве следователя по особо важным делам следственной части прокуратуры го-

рода. Обвиняемые наперебой давали показания друг на друга. Параллельно в Ленинградской и Львовской областях велись расследования дел в тесном взаимодействии с Московской прокуратурой. Ход расследования всех эпизодов взяла на строжайший контроль Генеральная прокуратура России.

Михаил Кравчук взял курс на выздоровление и впоследствии был безмерно благодарен работникам прокуратуры, а особенно Каневскому за своё спасение.

А пока Каневский находился на лечении, в кабинетах руководителей прокуратуры города и республики шли разговоры о переводе его на новую, более ответственную службу, о поощрении за отличные показатели в работе и проявленный героизм. В очередной раз Борис Каневский великолепно распутал преступный клубок, шаг за шагом двигаясь к разгадке преступления. Уже в который раз его по праву и заслуженно называли настоящим Мастером прокурорского сыска.

*г. Москва, Санта-Понса (Испания),
Щугинск (Казахстан)*

Содержание

I. След Колуна	3
II. После визита посла.	13
III. Дуэль	23
IV. Очередное покушение.	33
V. Ход конём.	45
VI. «Чёрная кошка».	58
VII. Конец банды Колуна	84
VIII. Кровавая афера	114
IX. Плата за принципиальность.	149
X. Мечь гастарбайтеров	186
XI. Кожаная перчатка	220
XII. Отдельное поручение.	267
XIII. Курьер смерти.	314

Александр Дмитриевич Шепель

МАСТЕР ПРОКУРОРСКОГО СЫСКА

Роман

Книга вторая

КУРЬЕР СМЕРТИ

Редактор-корректор: Л.А. Крамаренко
Компьютерный набор: Л.Г. Харитонова

Подписано в печать _____

Формат 84x108/32

Бумага офсетная

Тираж _____ экз. Заказ № _____

Отпечатано в типографии ООО «Литера М»,
390035, г. Рязань, ул. Гоголя, д.16, оф. 204